

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2023 / ТОМ 14 / НОМЕР 2

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ И АНТИКОЛОНИАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

12–22

Р. ТЕМПЕСТ

Постколониализм
как проблема:
на стыке научных
исследований
и политических
дискурсов

23–34

И.Ю. ЗУЕНКО, ЦУЙ ХЭН

Идеология
антиколониализма
как фактор внешней
политики Китая

35–48

А.В. КУПРИЯНОВ

Постколониальная
история на службе
антиколониальной
политики: критическая
историография
и национальный миф
в современной Индии

73–96

В.А. КУЗНЕЦОВ,
А.И. ВАСИЛЕНКО

Читая медленно
Стора: проблемы
исторической
памяти в алжиро-
французских
отношениях в начале
2020-х годов

2023 / VOLUME 14 / No. 2

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshev – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Dmitry N. Tkach
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2023 / ТОМ 14 / № 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитак Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Дмитрий Николаевич Ткач
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Сила и слабость постколониализма

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

Постколониализм как проблема: на стыке научных исследований и политических дискурсов

Р. ТЕМПЕСТ

12

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Идеология антиколониализма как фактор внешней политики Китая

И.Ю. ЗУЕНКО, ЦУЙ ХЭН

23

«Постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе: казус «Глобальной Британии»

К.А. ГОДОВАНИК

116

Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии

А.В. КУПРИЯНОВ

35

Анализ нарративов в школьных учебниках истории: взгляд из Восточной Африки

А.Н. ШИШКИНА, Т. ДАНДИ, Л.М. ИСАЕВ

133

Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея

И.Н. КИМ, А.В. СОЛОВЬЕВ

49

Неоколониальная политика Малайзии: особенности политического процесса

Ю. РОКНИФАРД

148

Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро-французских отношениях в начале 2020-х годов

В.А. КУЗНЕЦОВ, А.И. ВАСИЛЕНКО

73

Значение региона Феццан в политике Франции в Ливии и Сахеле

А.М. НАДЖАРОВ

166

Идеологема справедливости и антиколониальный дискурс как обоснование инициативной внешней политики Турции

В.В. ЦИБЕНКО

97

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

Power and Weakness of Postcolonialism

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

Postcolonialism Unveiled: At the Nexus of Scientific Inquiry and Political Discourse

R. TEMPEST

12

RESEARCH ARTICLES

Anticolonialism as a Guiding Principle of Chinese Foreign Policy

I. ZUENKO, CUI HENG

23

Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India

A. KUPRIYANOV

35

Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea

N. KIM, A. SOLOVIEV

49

Reading Stora Carefully: Problems of Historical Memory in Algerian-French Relations in the Early 2020s

V. KUZNETSOV, A. VASILENKO

73

Ideologeme of Justice and Anticolonial Discourse as Justification for Türkiye's Foreign Policy

V. TSIBENKO

97

Revisiting the "Postcolonial Moment" in Foreign Policy Discourse: A Case Study of "Global Britain"

K. GODOVANYUK

116

Narratives in School History Textbooks: An East African Perspective

A. SHISHKINA, T. DUNDE, L. ISSAEV

133

RESEARCH ESSAYS

Malaysia's Neocolonial Struggle: Unraveling the Complexities of Postcolonial Dynamics

J. ROKNIFARD

148

The Role of the Fezzan Region in French Policy: Implications for Libya and the Sahel

A. NADZHAROV

166

Сила и слабость ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА

«Интеллектуальная конструкция, известная в англосаксонском мире как постколониальные исследования или постколониальная теория, довольно неоднородна, и потому описать ее особенности в нескольких словах не так-то просто»¹. С оценкой известного камерунского социального теоретика и общественного деятеля Ашиля Мбембе трудно спорить.

Сегодня, когда рассуждения о «распаде американского глобального порядка»² и о формировании «мультиплексного мира»³ стали общим веянием: история, современная политическая динамика, ценностные установки мирового не-Запада широко обсуждаются как исследователями, так и практиками. И в этих дискуссиях постколониализм зачастую становится востребованной объяснительной моделью. При этом понимается этот феномен по-разному. Кто-то видит в нем интеллектуальный протест против западоцентричного мира, кто-то – политический инструмент для укрепления позиций «Глобального Юга», а кто-то – ревизионистский историографический дискурс, бросающий вызов многовековому господству Запада. «...И потому постколониализм не целостен, раздроблен, открыт, и в этом его сила, но одновременно и его слабость», – резюмирует Ашиль Мбембе⁴.

Однако сколь бы разнообразными не были смыслы, конструируемые вокруг постколониализма, некоторые общие фундаментальные предпосылки его научной и политической востребованности, «лежат на поверхности». Известный французский историк Марк Ферро очень точно сформулировал принцип европоцентризма, доминировавший в общественных науках вплоть до – прошлого столетия, как «забвение» всего того, что не имело прямого отношения к «Старому свету».

При таком подходе «народы Африки, Азии и Америки полностью выпадают из... поля зрения, как будто они и не существовали до тех пор, пока не вошли в соприкосновение с Европой и не испытали на себе ее влияния...». По мнению Ферро, следование этой схеме имело не только научные, но и политические последствия. Западный мир, полагает историк, «оказался неспособным верно истолковать кризисную ситуацию» в Иране в канун и во время «исламской

1 Olivier Mongin, Nathalie Lempereur, and Jean-Louis Schlegel, "What is Postcolonial Thinking. An Interview with Achille Mbembe," Eurozine, January 9, 2008, accessed June 21, 2023, <https://www.eurozine.com/what-is-postcolonial-thinking/>.

2 Cooley, Alexander, and Daniel Nexon. *Exit from Hegemony: The Unraveling of American Global Order*. Oxford University Press, 2020.

3 Acharya, Amitav. *The End of the American World Order*. Cambridge: Polity, 2018.

4 Olivier Mongin, Nathalie Lempereur, and Jean-Louis Schlegel, "What is Postcolonial Thinking. An Interview with Achille Mbembe," Eurozine, January 9, 2008, accessed June 21, 2023, <https://www.eurozine.com/what-is-postcolonial-thinking/>.

революции»: «Привыкший считать единственно работающей собственную модель развития, собственную историю, Запад был не в состоянии представить, что шиитское духовенство Ирана может объединиться с мелкой буржуазией в борьбе против курса на обновление страны в европейском духе, проводившегося Пехлеви»¹. Но разве не схожие ситуации мы могли наблюдать в подходах США и их союзников после 11 сентября 2001 года или в период «арабской весны»? Однако представления о необходимости привития неких универсальных моделей потенциальным «новым демократиям» без учета местной социально-культурной и политической специфики на практике приводили вовсе не к укоренению идеалов и практик «свободного рынка» и ценностей «открытого общества», а к кровавым межэтническим и межконфессиональным противостояниям и вмешательству внешних игроков в гражданские войны.

Ответом на западный гегемонизм (отнюдь не закончившийся вместе с крахом европейских империй) во многом стал постколониальный дискурс. Такие выдающиеся его провозвестники, как Франц Фанон², Эдвард Саид³ и их последователи, четко и недвусмысленно отвергли представления о Европе (Западе) как единственном демиурге мировой истории, культуры и актуальной политики. Американская исследовательница индийского происхождения Гаятри Спивак в своем полемическом эссе выдвинула принципиальный для постколониальных исследований тезис: язык угнетенных и подчиненных может и должен прозвучать во всю мощь⁴. Исследователи, работавшие в поле постколониальных теорий, сделали немало для разоблачения расистских и имперских предрассудков, практик сегрегации и социально-экономической несправедливости европейских держав в отношении народов Азии и Африки. Они, конечно же, не открыли проблему этнокультурного многообразия нашей планеты, но значительно актуализировали ее.

В то же время, как это часто бывает, постколониальные исследования, закрыв старый набор проблем, обозначили новые. Во многом те, кто обличал европейских ученых и политиков за схематизм, стереотипность, догматизм в отношении к Востоку, за восприятие азиатов и африканцев как носителей неких примордиальных черт, воспроизвели в действительности сходную схему в отношении Европы и США. В оценках Запада исчезли нюансы, зато появилось множество умозрительных генерализаций. И в этом смысле, как справедливо полагает Анатолий Торкунов, «раздраженные инвективы Саида об изъянах [европоцентричного] ориентализма кажутся желанием потрафить вчерашним прилежным ученикам ориенталистов, ныне уже не желающим воспринимать себя как предмет изучения». Отсюда и тенденциозность в отношении к европейской академической (прежде всего, востоковедной) традиции⁵. Хотя стоило бы помнить и о том, что многие западные интеллектуалы выступали против расизма и

1 Ферро, М. Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // *Метаморфозы Европы*. М.: Наука, 1993. С. 11–12.

2 Фанон, Ф. Черная кожа, белые маски // *Новое литературное обозрение*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/ (дата обращения: 17.07.2023).

3 Саид, Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.

4 Spivak, Gayatri Chakravorty. "Can the Subaltern Speak?" In *Marxism and the Interpretation of Culture*, edited by Cary Nelson and Lawrence Grossberg, 66–111. London: Macmillan, 1988.

5 Торкунов, А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // *Полис*. Политические исследования. 2015. № 6. С. 17.

колониального рабства, социальной несправедливости в отношении стран третьего мира и историографических стереотипов «белой Европы».

Известный российский африканист Аполлон Давидсон в одной из своих статей использовал удачную метафору «антирасистский расизм». Он особо подчеркивал, что многие политики и близкие им представители академических кругов в странах Азии и Африки, справедливо осуждая мрачное наследие колониальной эпохи, в то же время активно продвигали (и продвигают сегодня) предрассудки не только против белых, но и против соседних народов, также пострадавших от европейских колонизаторов: «Евроцентризму уже давно противостоит востокоцентризм. В самые последние годы появился и афроцентризм. В российских да и в зарубежных средствах массовой информации все это называют обычно национализмом. Но правильнее, конечно, говорить о расовых чувствах, расовом самосознании»¹.

Таким образом, задача исследователя-международника не в том, чтобы, отказываясь от одних дискредитировавших себя стереотипов и предрассудков, поклоняться другим, даже если таковые мотивированы борьбой за более справедливый миропорядок и социально-экономическое устройство. Крайне важно не превращать постколониализм в новую светскую религию (вроде той, что была в советское время в виде марксизма-ленинизма), а использовать все преимущества «мультиплексного» взгляда на исторические процессы и динамику современного мира. Не менее ценно и умение посмотреть на постколониальные дискурсы в науке и в политике объективно, показав их созидательный и деструктивный потенциал в теории и на практике.

Второй номер журнала «Международная аналитика» за 2023 год посвящен анализу постколониализма и антиколониализма в современном мире. Наши авторы обращаются к анти- и постколониальным дискурсам в странах АТР и Ближнего Востока, осмыслению колониального прошлого в западных государствах.

В интервью известного слависта, профессора университета Иллинойс *Ричарда Темпеста* постколониализм предстает как комплексное явление. Исследователь подчеркивает, что в рассмотрении этого феномена крайне трудно провести черту между наукой, этикой и политикой. Он также подчеркивает, что, несмотря на растущую популярность (а где-то и моду) постколониальных исследований, этот взгляд на прошлое и настоящее оспаривается. Также у некоторых ученых и политиков присутствует стремление расширить постколониальное поле, привнеся теоретические подходы, термины и дефиниции из востоковедных исследований в работы, посвященные Балканам или процессу распада СССР.

В статьях *Ивана Зуенко* и *Цуй Хэна*, *Александра Соловьева* и *Натальи Ким*, а также *Юлии Рокнифард* рассматриваются кейсы стран АТР. По мнению *Ивана Зуенко* и *Цуй Хэна*, идеология антиколониализма долгие годы оказывала решающее влияние на формирование концептуальных основ внешней политики КНР. И хотя сегодня апелляция к этим ценностям не столь часта, как это было в 1950–1970-е гг., руководство Китая акцентирует внимание на необходимости кооперации развивающихся стран перед лицом бывших метрополий. В тексте

1 Давидсон, А.Б. Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 54.

Александра Соловьева и Натальи Ким исследуется влияние анти- и постколониальных нарративов на формирование политических мифов в двух Кореях. Несмотря на жесткие идеологические расхождения между Пхеньяном и Сеулом, выстраивание официальной исторической мифологии в КНДР и в Республике Корея проходит во многом по схожим алгоритмам. В то же самое время авторы показывают и имеющиеся различия между северо- и южнокорейскими нарративами. *Юлия Рокнифард* обращается к кейсу Малайзии. По мнению автора, эта страна не полностью завершила процесс деколонизации. Такому сценарию способствовали как внутренние (стремление элит нового независимого государства сохранить старые колониальные инструменты для удержания власти), так и геополитические (противостояние между США и КНР в АТР и в мире в целом) факторы. Индийский внешнеполитический дискурс в контексте ряда макроисторических процессов исследуется в работе *Алексея Куприянова*. Автор показывает, как развитие исторических знаний о регионе Индийского океана влияло на внешнеполитическую идентичность индийских элит. Крайне важный сюжет – вклад профессиональных историков в продвижение и укрепление дискурса государства-нации.

Особое место в структуре представленного номера занимают африканские кейсы. *Леонид Исаев, Алиса Шишкина и Тедди Данди* объясняют, как преподают историю детям в Восточной Африке. По итогам проведения контент-анализа школьных учебников авторы установили, что подрастающему поколению в странах региона фактически не рассказывают о наследии ислама в колониальный и постколониальный периоды, что создает немалые политические риски.

Статьи *Василия Кузнецова и Анастасии Василенко, Александра Наджарова* посвящены прошлому и настоящему французской политики в Северной Африке. В первом случае авторы исследуют проблемы колониального прошлого и их влияние на современные отношения Алжира и Франции. По их мнению, в 2000-е гг. эта проблематика в силу ряда причин снова актуализировалась. Кузнецов и Василенко предлагают оригинальную источниковедческую работу – анализ доклада известного историка Бенжамена Стора, демонстрирующую французские подходы к переосмыслению проблем прошлого в отношениях с Алжиром. Наджаров же рассматривает значение региона Феццана для политики Парижа в Ливии и в Сахеле.

В определенном смысле с текстами *Кузнецова, Василенко и Наджарова* перекликается статья *Киры Годованюк*. В ней представлен т.н. «постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе современной Британии. Автор, используя теорию постколониального конструктивизма, показывает, что в сохранении идентичности современной британской элиты имперское наследие по-прежнему имеет огромное значение. Таким образом, журнал показывает сложную рефлексию деколонизации, национального самоопределения не только в странах Востока, но и в тех государствах, которые были вынуждены расстаться с имперским величием, однако и сегодня пытаются показать его неоднозначность, модифицировать исторические реалии с поправкой на актуальную повестку дня.

Турецкая внешняя политика сегодня – сюжет, активно изучаемый исследователями-международниками. Статья *Вероники Цибенко* посвящена идеологеме справедливости и антиколониальному дискурсу как важным факторам проак-

тивного внешнеполитического курса Анкары. Активное использование данных подходов дает возможность турецкому руководству бороться за формирование своего собственного центра гравитации, который может быть интересен разным странам Евразии.

Антиколониализм и постколониализм – феномены, которые трудно привести к какому-то единому знаменателю, хотя в их основе борьба за преодоление европейского (западного) гегемонизма. Наш журнал стремится представить широкий спектр теорий и практик, возникших в ходе разрыва с колониальным наследием. Авторы «Международной аналитики» рассматривают различные аспекты проблем национального самоопределения, государственного строительства, внешнеполитической идентичности как в странах, освободившихся от европейского владычества, так и в самих западных государствах, качественно трансформировавшихся в процессе деколонизации. Данная тема неисчерпаема. Наше издание еще не раз будет обращаться к ней в той или иной форме: в исследованиях политики памяти, межэтнических / межконфессиональных конфликтов, внешнеполитических доктрин или теоретико-методологических подходов к изучению международных отношений.

Сергей Маркедонов, главный редактор

Postcolonialism Unveiled: At the Nexus of Scientific Inquiry and Political Discourse

Interview with Richard Tempest

Richard Tempest is a Professor of Slavic Languages and Literatures at the University of Illinois, Urbana-Champaign, and a former director of its Russian, East European, and Eurasian Center. He holds a BA (First Class), MA, and PhD from the University of Oxford. His interests include Russian and world history and culture, military history, and the political science of the body. Tempest is the author of "Overwriting Chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's Fictive Worlds" (Boston: Academic Studies Press, 2019). Currently, Tempest is researching a monograph on the politics of charisma in the twenty-first century.

*The conversation was conducted by Sergey Markedonov,
Editor-in-Chief of the Journal of International Analytics*

Sergey Markedonov: René Descartes, while discussing the issue of terminological accuracy, claimed, "If philosophers were always in agreement about the meaning of words, almost all their disputes would evaporate."¹ Today, terms such as "post-colonialism," "decolonization," and "imperial past" frequently appear in scholarly papers, social networks, media materials, and the statements of policy-makers. However, it becomes challenging to distinguish between academic discussions surrounding post-colonial discourses and political explanatory models. How do we determine where scientific reasoning shapes our understanding of realities and where politicized propaganda obscures meaningful debates?

During the Soviet era, Lenin's ideas on "party principles in literature" were widely debated.² Perhaps we are currently witnessing the emergence of new party principles in the realm of humanitarian knowledge. For you personally, what does post-colonialism signify? Is it a productive theory (or theories) that elucidates international relations and various national narratives, or is it primarily a political instrument?

Richard Tempest: The short answer to whether postcolonialism as a discipline can be fenced off from the realm of politics and political PR, is: *no, it cannot*. Just

¹ Descartes, René. *Rules for the Direction of the Mind*. Create Space Independent Publishing Platform, 2017.

² Vladimir Lenin, "Party Organisation and Party Literature," Lenin Internet Archive, November 13, 1905, accessed June 21, 2023, <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1905/nov/13.htm>.

ask Governor Ron De Santis of Florida, who has predicated his campaign for the US presidency on a crusade against “wokeism” in schools and universities, with the term in question covering academic subjects such as critical race theory, gender studies, and yes, postcolonialism. Or take Niall Ferguson, one of the finest historians writing in the English language today, whose *Empire: How Britain Made the Modern World* represents a comprehensive pushback, from a British imperial perspective, against the anti-colonial, let’s-decenter-the-West narrative you referenced¹. Next. Culture is a permeable, dynamic continuum that extends across all institutional and social spaces. Nationally, internationally, or globally, culture has priorities and agendas, which are set by people and institutions of power. The *professoriate* is a strong guild, a stratum of power. It engenders and endorses new sociopolitical doctrines and the lexicons that go with them, while also credentialing all students in tertiary education. De Santis, for example, graduated *magnum cum laude* from Yale with a BA in History (a notably strong program) and subsequently earned a law degree from Harvard. Culture’s nexuses and linkages are always ideological and always negotiable, in the sense that they permit communication, whether of the positive or negative kind, between different professional and interest groups, i.e., the centers of power in society. Michel Foucault, whose thinking about the relationship between power and knowledge continues to shape postcolonialism observed: “I have never tried to analyze anything whatsoever from the point of view of politics, but always to ask politics what it had to say about the problems with which it was confronted.”²

The early luminaries of postcolonial studies such as Frantz Fanon, Edward Said, and Homi K. Bhabha were bicultural figures. The first two came into this world as imperial subjects of, respectively, France and Britain, while Bhabha was born just two years after the end of the British Raj and when newly independent India was still a British dominion. As *scholars*, they truly “asked politics what it had to say about the problems with which it was confronted.” Fanon and Said, however, were also active revolutionaries; by contrast, Bhabha is an active Harvard professor. (I should note that even today, Martinique, the Caribbean Island of Fanon’s birth, continues to be an overseas “single territorial collectivity” of the French Republic as well as a “special territory” of the EU.) The lived experience of this trinity of postcolonial voices saw them move, conceptually as well as physically, across national and geographical barriers. As public intellectuals, they brought into being – scripted – an entirely new audience for their critique of Western conceptualizations of the global East and South. (This audience is one that in large measure resides in the West, on and off its university campuses.) The field of postcolonial studies, whose pioneers they were, continues to bear an imprint of their biographical experiences and passionate commitments. In a similar manner, the doctrine of Marxism-Leninism has retained something of the flavor of the personalities of its creators: see Marx’s romantic, even bohemian attachment to the proletariat as the redeemer of mankind, or Lenin’s sectarian bent and coarseness of style. His writings on literary and philosophical subjects may have been dogmatic, even flat; yet he was as alive to the poetics of power as Foucault. Lenin’s emphasis

1 Ferguson, Niall. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Group, 2004.

2 Foucault, Michel. “Polemics, Politics and Problemizations: An Interview.” In *The Foucault Reader*, edited by Paul Rabinow. New York: Pantheon Books, 1984.

on *partiinost'*, or "party spirit," stemmed from his recognition that the doctrine of revolutionary Marxism required the hierarchical subordination, in a textual as well as a political sense, of all its sympathizers, supporters and adherents, even "some Christian elements" and "some mystics," to the "Social-Democratic working-class movement,"¹ i.e., the Bolshevik party. It is a fact of Western academic life that in certain fields in the humanities such as postcolonial studies or gender studies one encounters self-appointed and even appointed custodians of the "right" approach and "right" interpretation. Nonetheless, some of the terms introduced by postcolonial scholars, for instance, such as "Orientalism" (Said) and "mimicry" and "hybridity" (Bhabha), have acquired wide academic currency and proved very useful, even for scholars outside the discipline. As a type of critical theory, postcolonialism focuses on the hierarchies and distributions of power, but is also a field that interacts and communicates with a range of academic cum social ideologies e.g. comparative literature, feminism, and deconstructionism.

As far as my own academic work is concerned, I employ postcolonialism first of all as an analytical tool. I value postcolonial scholars such as Said or Gayatri Chakravorty Spivak for extracting exciting new meanings from well-read and much-quoted cultural texts. Take, for example, Said's analysis of Napoleon's Egyptian expedition, which I adduce in my lectures on the charismatics of the modern age. Said's *Orientalism* (1978), the most famous work of postcolonial scholarship, and certainly its most elegantly written one, not only reveals this Palestinian nationalist's admiration for Napoleon ("his advance preparations were of unparalleled magnitude and thoroughness;"² "characteristically subtle"³) but offers a fresh new appreciation of his entire Egyptian project ("not until quite late in the [nineteenth] century, with the single exception of Napoleon's Institut d'Égypte, was much attention given to the academic study of the modern, or actual, Orient"⁴).

Spivak's notion of strategic essentialism, that is, the practice where a minority group constructs a cultural narrative that explains its collective, core identity by endowing it with a unique, collective personhood, has aided me in my investigations of Aleksandr Solzhenitsyn's historiosophy of Russia and, in particular, his conceptualization of the Russian national sense of self. I will permit myself to quote a passage from *Overwriting Chaos*, my study of Solzhenitsyn's literary constructions and representations:

"The writer regarded nations as 'generalized personalities'⁵ with their own unique virtues, vices, and psycho-cultural inner core, and this essentialist doctrine shapes the epic's treatment of ethnic identity and difference. In *August 1914*, the authorial narrator ponders over the faces of the Russian soldiers who fought and died in World War I: 'There are no photographs of them, and this is all the more regrettable because since then the composition of our nation has changed, faces have changed and no lens will ever rediscover those honest beards, those good-natured eyes, those relaxed

1 Lenin 1905.

2 Said, Edward W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. P. 80.

3 *Ibid.*, 82.

4 *Ibid.*, 52.

5 Solzhenitsyn, Aleksandr. *Nobel Lecture*. In *The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings 1947-2005*, edited by Edward E. Ericson Jr., and Daniel J. Mahoney. Wilmington: ISI Books, 2006.

and unselfish expressions.¹ Those unphotographed peasants in their lumpy uniforms, we are invited to conclude, hail from a more nationally authentic time and place, which endowed them with an organic unity of self that was lost, perhaps irretrievably, during the decades of communist rule.²

My new research project, on the poetics of charismatic leadership, treats charisma not as a collection of personality traits, nor as an ideological phenomenon, but rather “the ability to influence without logic” (Quentin Crisp) that is content-free and value-neutral. In *Beyond Good and Evil* Nietzsche declares that power, in its purity, is a thing in itself; a given that stands beyond conceptualization: “A living thing seeks above all to discharge its strength – life itself is *will to power* [...]”.³ Charisma is just as contentless as power, for which it acts as a filter or funnel. Also, like power, its dynamics follow the same rules across historical and national periods. Social circumstances and ideological frameworks may change, but the typology of charismatic personalities does not. I set my analysis in a historical context that extends back to the time of the French revolution, when charismatic actors in the modern sense first appeared. One of them was Toussaint Louverture, the leader of the anticolonial revolution in Saint-Domingue (Haiti; 1791-1804) and the founder of history’s first modern black state. My analyses are informed by recent postcolonial scholarship on Louverture. See, for instance, the “Postcoloniality and Blackness” special edition of *Callaloo* (Winter 2014), an African and African-American literary journal published by the John Hopkins University Press.⁴

Sergey Markedonov: Initially, postcolonial theories emerged as a critical (re) evaluation of Western scholarly and political hegemony. The authors conducting these studies gathered extensive primary sources and presented compelling arguments in support of their critique. They effectively elaborated on the oppressive nature of colonialism, as well as the ideological hypocrisy and cynicism behind the concept of the “White man’s burden” advocated by its proponents. However, is there a potential danger of swinging to the opposite extreme, wherein all the excesses associated with decolonization and nation-building in newly independent countries are justified? How can scholars ensure a balanced approach to these issues?

Richard Tempest: The risk is always there: Bhabha has been accused of this very sin. All knowledge can be ideologized, even science and math, and endorsed, altered, or dismissed accordingly. “[...] Ideology most typically presents itself to the text as ‘life’ rather than as category, as the immediate stuff of experience rather than a system of concepts,” explains Terry Eagleton.⁵ Or to put it differently, ideology is politics told as a story. Postcolonial reassessments of cultural and social identities and behaviors may produce positive outcome, especially when making knowledge available to a wider audience; and when treating that audience’s agendas and experiences as sources of knowledge. Yet the priorities of science and scholarship can clash with those of the formerly or currently disenfranchised: see the controversy surrounding the astronomical observatories on the Mauna Kea Mountain in Hawaii, a location that is sacred to

1 Solzhenitsyn, Aleksandr. *August 1914. The Red Wheel / Knot I*, by H.W. Willetts. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1989. P. 328–329.

2 Tempest, Richard. *Overwriting Chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's Fictive Worlds*. Boston: Academic Studies Press, 2019. P. 396.

3 Nietzsche, Friedrich. *Basic Writings of Nietzsche*. New York: the Modern Library, 1992. P. 211.

4 *Callaloo*, vol. 37, no. 1 (Winter 2014). Accessed via JSTOR, <https://www.jstor.org/stable/i24264856>.

5 Eagleton, Terry. *Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory*. London: Verso, 1978. P. 81.

native Hawaiians, who object to their presence there; but especially the construction of the Thirty Meter Telescope, which is ongoing despite determined opposition from indigenous activists and environmentalists. Or here is another example. Just yesterday morning (June 17, 2023) I accessed the site of *The Guardian* newspaper, an impeccably progressive publication, where I learned about recent municipal goings-on in the town of Hamtramck, Michigan. In 2015 this Muslim-majority Detroit suburb became the first US city to elect a Muslim-majority council, to the delight of left-thinking activists across the nation. However, the council's decision to exclude LGBTQ+ flags from city property during this year's Pride Month of June has appalled those very same activists while attracting the approbation and support of Republican conservatives, whose attitude to political Islam usually is, shall we say, skeptical. Postcolonial decentering can be disorienting.

In post-apartheid South Africa, the 1996 constitution outlawed discrimination based on sexual orientation (the first one in history to do so), even though same-sex relationships and LGBTQ+ identities do not enjoy acceptance among broad swaths of the country's black majority population. Yet Julius Malema, South Africa's most charismatic politician and a racial nationalist ("we are not calling for the slaughtering of white people – at least for now"), led protests against Ugandan President Yoweri Museveni, who recently signed legislation prescribing the death penalty for "aggravated homosexuality." "We are here to say to Uganda, as long as the LGBTQ+ community is not free in Uganda, we are not free."²

Still, Museveni's anti-gay strictures, brutal thought they may seem to an informed Western conscience, do not begin to define him intellectually. He is one of Africa's most fascinating second-generation leaders whose career illustrates the promise but also the systemic failures of postcolonial state-building. Postcolonial scholars may find him a tough nut to conceptualize. In her seminal essay "How the Heritage of Postcolonial Studies Thinks Colonialism Today" (2021), Spivak goes over her reasons for seceding from postcolonialism as a discipline that seeks, or has, all the answers: "[...] With the simultaneity brought in by globalization, precolonial structures of power and corruption are coming back and beginning to inhabit the polity. This catches the relay of the difference between the national liberators and the masses and becomes part of the difficult burden of the heritage of postcolonialism. In India it is the caste system, which never quite went away and is much older than colonialism. Colonialism was yesterday. This is thousands of years old."³ Once upon a time, and six presidential elections ago, Museveni was seen by many as the last best hope for the Pan-African ideal. Some even referred to him as a "Black Bismarck."⁴ Like Tito, Mao, and Castro, Museveni belongs to a select band of revolutionaries who ascended to supreme power by waging a successful guerrilla war; in his case, against

1 Quoted in: Iavan Pijoo, "Kissing Boers, Slaughtering Whites: 4 Malema Quotes That Touched A Nerve," Sowetan Live, March 27, 2019, accessed July 3, 2023, <https://www.sowetanlive.co.za/news/south-africa/2019-03-27-kissing-boers-slaughtering-whites-4-malema-quotes-that-touched-a-nerve/>.

2 Quoted in: Danai Nesta Kupemba, "Furious Protesters Beg 'Tyrant' Uganda President Not To Kill LGBTQ+ People Under Crue New Law," The Pink News, April 5, 2023, accessed July 3, 2023, <https://www.thepinknews.com/2023/04/05/julius-malema-uganda-south-africa-lgbtq-law-protest/>.

3 Spivak, Gayatri Chakravorty. "How the Heritage of Postcolonial Studies Thinks Colonialism Today." *Janus Unbound: Journal of Critical Studies* 1, no. 1 (Fall 2021): 19–29.

4 James C. McKinley Jr., "Uganda Leader Stands Tall in New African Order," The New York Times, June 15, 1997, accessed June 21, 2023, <https://www.nytimes.com/1997/06/15/world/uganda-leader-stands-tall-in-new-african-order.html>.

the incompetent regime of Milton Obote. As a social thinker – and he undoubtedly is one – Museveni is remote from postcolonialism's theoretical and methodological positions. In fact, he never abandoned the scientific notions of his student days, “embrace[ing] the Marxist, developmentalist, and modernization paradigms”¹ and “believe[ing] that political institutions were hostage to the material circumstances of their time.”² A defining aspect of Museveni's reading of Uganda's past is that he posits a fundamental continuity between the colonial and postcolonial periods, which he does not regard as necessarily a bad thing: “[...] Because he sees the historical rupture of colonialism in developmental rather than in moral terms, Museveni is quite critical of many elements of the ‘traditions’ of his people [the Bahima ethnic group – RT] and of Ugandans in general, in ways that eclipse more modern images.”³ Museveni is well known for rejecting the notion of a multiparty system as a necessary component of democracy – a point on which he is in agreement with the late Solzhenitsyn, though his reasoning is particular to Uganda's – and postcolonial Africa's – situation. “His argument, at its core, is that because Ugandan society has not yet evolved from a ‘vertical’ structure, based on the political salience of ethnic and religious identities, to a ‘horizontal’ one, based on ‘classes,’ the masses – most of whom are peasants – are susceptible to manipulation by unscrupulous elites.”⁴

The austere President of Rwanda, Paul Kagame, is another guerrilla commander who came to power through victory in a civil war. Thirteen years younger than Museveni, at one time he served as the head of military intelligence in the latter's army, but after becoming Rwanda's de facto leader he fell out with his former patron. Kagame rules over a country whose current political condition offers further confirmation of the problematics of postcolonial analysis. It would be difficult to argue that Rwanda, competently governed though it may be, is a democratic state, or even a state of laws; or that its Hutu majority enjoys the same rights and status as the governing Tutsi minority. As in the case of Israel, Cambodia and Armenia, what we have here is a twenty-first-century society whose distinctive political practices owe a great deal to the genocidal trauma that engendered, or at least molded, these respective state-building projects. Rwanda is a trauma polity. Its authoritarian structures of government are accompanied by a hyper-muscular foreign policy that has turned it into a “continental peacekeeper”⁵ or “Africa's policeman.”⁶ “[...] President Paul Kagame seeks to identify himself and project his country – through word and deed – as an African security provider in Sub-Saharan Africa.”⁷ In addition to its participation in UN peacekeeping and humanitarian missions in Mali, Darfur, and Haiti, the last decade has seen unilateral Rwandan military interventions in the Democratic Republic of the Congo,

1 Kassimir, Ronald. “Reading Museveni: Structure, Agency and Pedagogy in Ugandan Politics.” *Canadian Journal of African Studies* 33, no. 2/3 (1999). P. 652.

2 Liam Taylor, “The Eighteenth Brumaire of Yoweri Museveni,” A Review of African Political Economy, July 27, 2021, accessed July 3, 2023, <https://roape.net/2021/07/27/the-eighteenth-brumaire-of-yoweri-museveni/>.

3 Kassimir 1999, 655.

4 Ibid., 654.

5 Federico Donelli, “Rwanda's Unilateral Interventionism in African Conflicts: Determinants and Implications,” Trends, accessed July 3, 2023, <https://trendsresearch.org/insight/rwandas-unilateral-interventionism-in-african-conflicts-determinants-and-implications/>.

6 Jessica Moody, “How Rwanda Became Africa's Policeman,” Foreign Policy, November 21, 2022, accessed July 3, 2023, <https://foreignpolicy.com/2022/11/21/how-rwanda-became-africas-policeman/>.

7 Cannon, Brendon J., and Federico Donelli. “Rwanda's Military Deployments in Sub-Saharan Africa: A Neoclassical Realist Account.” *The International Spectator* 58, no. 1 (January 2, 2023): 109–127.

the Central African Republic, and Mozambique. Now there is even the possibility of Rwandan troops being dispatched to Benin as that West African nation battles a jihadist insurgency. Rwanda's military, the Rwandan Defence Forces, may be the most capable in sub-Saharan Africa. One is reminded of Voltaire's witticism, "Where some states have an army, the Prussian army has a state."

As a scholar with an interest in the geopolitical and geocultural realities of the emerging multipolar world, I am fascinated by the manner in which postcolonial studies account – or sometimes fail to account – for the discontinuities in the progress or regress of state-building projects in post-Soviet Eurasia and the global South.

Sergey Markedonov: In the essay "Can the Subaltern Speak?" by the distinguished American researcher of Indian origin, Gayatri Chakravorty Spivak, a sensitive issue is raised: the problem of representation.¹ Spivak questions who has the authority to speak on behalf of the oppressed. Can a white man effectively discuss the experiences of black women? Can an ethno-activist researcher accurately describe ethno-activists? Furthermore, Spivak challenges the notion of whether anything other than self-descriptions has the right to exist. What is your opinion on how to resolve this complex puzzle?

Richard Tempest: The conundrum in question cannot be resolved. However, it should be acknowledged and confronted and examined from a variety of discursive angles, including the postcolonial one. One may always hope that reasoned discussion will generate insight and intra-disciplinary and cross-disciplinary understanding. On a personal note, my own biographical credentials may qualify or disqualify me from speaking about, let alone on behalf of, the oppressed masses. I was born in London to an English father and Bulgarian mother, spent seven years as a child in Moscow, where my father worked as the correspondent of the British communist party newspaper *Morning Star*, was educated at Oxford, and have been teaching in the United States for a good four decades. I have lived in South America and Bulgaria.

Several years ago I designed an undergraduate course entitled "Russia and Black America," which I teach every spring semester. This is a survey of the interactions between key African American figures and cultural practices, and Russian imperial, Soviet, and post-Soviet culture, in a historical and socio-political context, with emphasis on Russian-sourced cultural transfers that impacted and sometimes shaped the Black American experience. I examine, first, the impact of those transfers on African American political life, literature, music, and popular culture; second, the role of African Americans in US-Soviet contestations about national destiny, minority rights, and political persecutions; third, the presence, reception, and influence of Black American culture in Russia during the nineteenth, twentieth, and twenty-first centuries; and fourth, the direct involvement of African American artists and activists in the Soviet experiment as well as the events of the post-communist transition. Black American culture is shown as being in a centuries-long dialogue with its Russian counterpart and is mapped as a visible, audible, readable – and revealing – presence in the Russian World. By the way, there is very little Pushkin in this course! Instead, I

¹ Morris, Rosalind C., and Gayatri Chakravorty Spivak, eds. *Can the Subaltern Speak? Reflections on the History of an Idea*. New York: Columbia University Press, 2010.

center it around several accounts of lived Black American experience which happen to possess high narrative value. In other words, these are exciting stories of adventure and accomplishment, sometimes in the face of tremendous adversity.

In my course, the African American men and women who effected those interactions with Russians or Soviets speak in their own voices, through their own texts. We look at the biographies of four Black Americans, each of whom is in their own way representative of Black American life in the twentieth century. Frederick Bruce Thomas (1872–1928), the son of former slaves, fled the Deep South via New York and Europe to make his fortune in Moscow as a restaurateur before the Revolution, which dispossessed him and forced him to leave Russia for good. He is the subject of *The Black Russian* (2013,) a bestselling biography by Vladimir Alexandrov, a Princeton University emeritus professor who happens to be of Cossack descent. Then there is the story of James Patterson (b. 1933) – my older readers will be familiar with this name. He is the biracial son of an American-Russian couple who was born in Moscow, acted in the classic musical film *Circus* (1936), grew up to become an officer in the Soviet navy and subsequently a popular Russian poet, and emigrated to the United States in the 1990s. Robert Robinson (1906–1994) was a Ford Motor Company worker who went to Soviet Russia in search of employment, spent more than four decades there as a captive of the communist system, and then escaped back to the United States. *Black on Red* (1988), Robinson's reminiscences of life under Joseph Stalin and his successors, is one of those rare instances when a working-class survivor of history gives voice to what he has witnessed and undergone in book form. Novelist Andrea Lee (b. 1953), who spent a year living in Moscow in the late 1970s, is the author of *Russian Journal* (1981), a beautifully written travelogue. It assesses the reality of the late Soviet Union from the perspective of an informed Black American observer and holds hints of the collapse of the communist system just over a decade later. My students also read Richard Wright's *Native Son* (1940), a classic of African American literature that is a searing story of two gruesome murders perpetrated by a depraved and destitute youth who grows up in the worst part of Chicago's Negro ghetto. This novel is post-Dostoevskian (think *Crime and Punishment*) in its multilayered examination of extreme environments, personalities, behaviors, and ideologies.

A Marxist will tell you that oppression is invariably class-based, for the class struggle is the motive force of history, whereas Robin DiAngelo, the celebrated author of *White Fragility: Why It Is So Hard for White People to Talk About Racism* (2018), will enlighten you along very different lines: "The foundation of the United States is structural racism. It is built into all of the institutions. It is built into the culture, and in that sense we've all absorbed the ideology. We've all absorbed the practices of systemic racism, and that's what I mean when I say we are racist. [...]. What I mean is that all white people have absorbed racist ideology, and it shapes the way we see the world and the way we see ourselves in the world, and it comes out in the policies and practices that we make and that we set up."¹ And yes, professor DiAngelo is white. The unstated corollary of her position, however, is that white people are complicated, contradictory, multifaceted

1 Isaac Chotiner, "Robin DiAngelo Wants White Progressives to Look Inward," *The New Yorker*, July 14, 2021, accessed July 3, 2023, <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/robin-diangelo-wants-white-progressives-to-look-inward>.

and therefore, interesting, whereas people of color are, though benignly just, also benignly undifferentiated. That said, in March 2023 US Congressman Jamaal Bowman responded to Governor De Santis's effort to remove black history from the curriculum by sending him a "care package" that included DiAngelo's *White Fragility*. I have no information about the Governor's response.

Or take colorblind casting, which is now a common practice in many TV and cinematic productions, particularly those originating in the UK. Recent examples include Channel 5's three-part series *Anne Boleyn* (2021), starring black actress Jodie Turner-Smith as Henry VIII's doomed queen, and Netflix's historical romance *Bridgerton* (2020-), in which Queen Charlotte, the wife of King George III, and sundry other characters are played by actors of colour. About the latter production, the African American journalist Nylah Burton commented, "In the world of *Bridgerton*, Black men marry white women, Asian men dance with Black women, white men marry Asian women – all seamlessly and without a whiff of racism or prejudice. For many, this is delightful and progressive. For others, it's a confusing trend with disturbing potential consequences."¹

And here are cultural news items that may be closer to home where my Russian readers are concerned. I refer to the hit BBC series *Chernobyl* (2019), which I happen to think is excellent both dramatically and as an exercise in historical verisimilitude. However, it was not without controversy. On June 1, 2019 actress Karla Marie Sweet sent out a tweet critiquing the series: "2 eps into #chernobyl. It's good! just one thing though... i get all the characters might have been white IRL [in real life – RT] but they also would have spoken with ukrainian accents + these actors have accents from all over the UK. So, if throwing accuracy out of the window in that case, why no PoC [people of colour – RT]." Even leaving the issue of "Ukrainian accents" aside – Ms. Sweet's knowledge of history is minimal – her comments would appear to be delightfully uninformed, as was asseverated by no less an authority than the RT news channel. As it turns out, however, the Chernobyl liquidators included Igor Hiryak, a black Soviet conscript, as was later confirmed by RT itself. Yet when interviewed by the BBC, Hiryak offered this take on the ongoing debate about casting for the series: "That's nonsense, some dark-skinned person, possibly a foreigner, appearing at such a site in Soviet times!" The intersections of history, race, and politics can be surprisingly convoluted.

Here is my working solution: where colorblind casting does not by implication deny the historical existence of black slavery and oppression, and ethnic-based othering, it is licit. Otherwise, it becomes problematic. In any case, Western societies still have space for this kind of conversation, even if activists within and outside the academy try to preempt or even nix the debate.

Sergey Markedonov: After the collapse of the USSR and Socialist Yugoslavia, discourses of anti-and-post-colonialism emerged in the post-Soviet and ex-Yugoslav republics. These approaches gained popularity and support in Western academia. However, according to many scholars, these replicas of post-colonial studies overlook numerous nuances of nation-building in the former USSR and Yugoslav space, such as

1 Nylah Burton, "Is Color-Blind Casting in Regency-Era Romances Really Progressive? Or Just Delusional?" *refinery29.com*, August 15, 2022, accessed July 3, 2023, <https://www.refinery29.com/en-us/2022/08/11082731/color-blind-casting-cons-bridgerton-persuasion>.

affirmative action practices. What is the most productive approach to overcoming the “memorial wars” that often accompany ethno-political hostilities?

Richard Tempest: In this regard, two books come to mind. First, *Imagining the Balkans* (1997) by my friend and colleague Maria Todorova. Her study, which has since been reissued in an updated edition, acknowledges the author’s debt to the classics of postcolonial studies, particularly Said, while criticizing the latter as being “ahistorical”¹ and distinguishing between “orientalism, which is a discourse about an imputed opposition,” and “balkanism, [which] is a discourse about imputed ambiguity.”² Here it may be appropriate to say a few words about the term “discourse,” for it has now penetrated into general parlance and therefore lost its original focused meaning. To a considerable extent, it is associated with the thought of Foucault, who wrote of “a system of dispersion [...] between objects, types of statement, concepts, or thematic choices” that displays “a regularity,” which he termed a “discursive formation” = discourse.³ In a syntagmatic sense, discourse as a dimension of speech operates on three levels: the linguistic (e.g., specialist terminology or, if you like, the disciplinary sociolect in question); the ideological (in the sense that all written and spoken words express a particular set of ideas and principles); and the power-related (any speaker must stand in a particular relationship to the centers of power). In her book, Todorova parses the discourse of Balkanism in order to examine the intra-Balkan power relationships – ethnic, religious, political – that it covered and even concealed until they occasionally erupted into the open, and startled and appalled an otherwise indifferent outside world. This happened during the two Balkan wars of 1912–1913, and more recently in the 1990s. It is said that during the wars of the Yugoslav succession Todorova’s monograph was required reading in the Clinton White House.

The second book is Alexander Etkind’s *Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience* (2011). Like Todorova, the author adduces Said and other postcolonial authors as a point of departure for his account of the Russian historical experience. In his Introduction, Etkind adumbrates the parameters of his study in these disciplinary terms: “Exploring the historical experience of the Russian Empire before the revolutionary collapse of 1917, this book illuminates its relevance for postcolonial theory. However, I turn the focus onto Russia’s internal problems, which have not previously been discussed in postcolonial terms.”⁴ This scholar’s stated purpose is to discover why the Bolshevik takeover led to the establishment of the communist terror state of the 1930s, 1940s, and 1950s, and his cross-disciplinary investigation makes liberal use of Russian literary texts to elucidate his subject. As Etkind sees it, the history of Russia witnessed two parallel colonizations, an external and internal one, and it was the second of these that shaped its cultural and geopolitical fate, for the country’s ruling elites, whether Muscovite, imperial, or Soviet, treated their subjects as colonial chattels. There are points of contact here with Solzhenitsyn’s historical thinking, for example, as expressed in his essay *The Russian Question at the End of the Twentieth Century* (1994). Under Peter the Great, Solzhenitsyn writes, Russia

1 Todorova, Maria. *Imagining the Balkans. Updated Edition*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 9.

2 Ibid., 17.

3 Foucault, Michael. *The Archaeology of Knowledge: And the Discourse on Language*. Vintage, 1982.

4 Etkind, Alexander. *Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011. P. 2.

embarked on a “needed” process of Westernization, “but [...] at the cost of stamping out (in quite a Bolshevik fashion and with many excesses) her sense of history, her people’s beliefs, soul, and customs, for the sake of industrial development and military might.¹ “Peter also created, for the next two hundred years, a ruling class if not always alien to the people ethnically, then always alien to them in world view.”² Further in his book Solzhenitsyn describes the Soviet Union as an empire which was sustained by the oppression of, and “requisitions”³ from, its Slavic populations, and most of all the Russian people. Food for thought, indeed.

Sergey Markedonov: Kishore Mahbubani expressed the idea of a global power shift to the East,⁴ while Parag Khanna predicted an Asian future for the world.⁵ If we accept this hypothesis, does it imply that we are experiencing a reversal of “Orientalism” sooner or later? How do you assess this possibility?

Richard Tempest: I am an optimist who believes that the cultures and nations of the notional or conceptual West – in which I include Russia – have not exhausted their potential for growth, creativity, and innovation; and that an economically and culturally productive modus vivendi between the status quo Western and the ascendant Asian worlds is still in the geopolitical cards. I find it intriguing that in China, the governing discourse is Marxist-Leninist-Maoist, i.e., one that is intellectually superannuated; that the discourse in question shapes the worldview and policies of the ruling elites, as governing discourses by definition must do; and that the arguments advanced by Chinese spokesmen against Western models of governance and modernity are often identical to those transmitted by the Soviet media during the last century. Still, it is important to keep a sense of analytical perspective, to maintain a conceptual balance. Although one may be tempted to liken China’s rise to that of Wilhelmine Germany’s hubristic ascent in the early twentieth century – even the Belt and Road Initiative invites comparisons to the Baghdad Railway – I would treat such comparisons with caution. To quote the Austrian-American psychoanalyst Theodor Reik, “It has been said that history repeats itself. This is perhaps not quite correct; it merely rhymes.”

Цитирование

Темпест, Р. Постколониализм как проблема: на стыке научных исследований и политических дискурсов // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 12–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-12-22>

For citation

Tempest, Richard. “Postcolonialism Unveiled: At the Nexus of Scientific Inquiry and Political Discourse.” *Journal of International Analytics* 14, no. 2. (2023): 12–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-12-22>

- 1 Solzhenitsyn, Aleksandr. *The Russian Question at the End of the Twentieth Century*, translated by Yermolai Solzhenitsyn. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. P. 10.
- 2 Solzhenitsyn 1996, 11.
- 3 Ibid., 83.
- 4 Mahbubani, Kishore. *The New Asian Hemisphere: the Irresistible Shift of Global Power to the East*. N.Y.: Public Affairs, 2008.
- 5 Khanna, Parag. *The Future Is Asian: Commerce, Conflict, and Culture in the 21st Century*. N.Y.: Simon & Schuster, 2019.

Идеология антиколониализма как фактор внешней политики Китая

Иван Юрьевич Зуенко, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Цуй Хэн, Шанхайский университет политики и права, Шанхай, Китай

Контактный адрес: ivanzuwei@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает, как идеология антиколониализма влияла на формирование и реализацию внешней политики Китайской Народной Республики. Согласно выводам авторов, антиколониализм и деколониализм, тесно связанные с антиимпериализмом и «движением неприсоединения», за сотрудничество бывших колоний и полуколоний, в течение всей истории КНР являлись важнейшими ценностными ориентирами для лидеров страны при определении внешнеполитического курса. И хотя в настоящий момент данные термины артикулируются китайскими руководителями значительно реже, чем это было в 1950–1970-е гг., суть внешней политики от этого не меняется. Она по-прежнему исходит из того, что Китай, будучи в прошлом полуколонией, находится на стадии развивающейся страны и, соответственно, заинтересован в сотрудничестве с другими развивающимися странами с целью создания «единого фронта» для защиты своих интересов перед лицом бывших метрополий. В этом контексте, в частности, по мнению авторов, можно воспринимать и инициативу «Пояса и Пути», и концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», выдвинутые председателем КНР Си Цзиньпином 10 лет назад, несмотря на их универсалистский характер, охватывающий и бывшие метрополии тоже. Работа написана авторами, представляющими Россию и Китай, преимущественно на основе китайских официальных документов. В результате прочтения этой статьи читатель сможет получить общее представление о том, что из себя представляет позиция Пекина по вопросам колониального прошлого, антиколониализма и деколонизации. Отдельное внимание уделено китайским трактовкам деколонизации в контексте Гонконга и некоторых других бывших колониальных территорий. Аналитические выводы авторов касаются обоснования сближения России и Китая как двух держав, заинтересованных в изменении баланса сил на международной арене посредством усиления бывших колоний и полуколоний – «мировой периферии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Китай, внешняя политика, международные отношения, антиколониализм

В докладе на XX съезде Коммунистической партии Китая генеральный секретарь Центрального комитета партии Си Цзиньпин выразил сущность китайского понимания модернизации и внешней политики: «Китайская модернизация осуществляется при следовании по пути мирного развития. Мы не будем идти по старому пути, который позволил некоторым странам посредством войн, колонизации и грабежа осуществить модернизацию. Такие практики, причинившие ущерб другим ради собственной выгоды, были полны кровавых злодеяний и принесли тяжелые страдания и беды народам многочисленных развивающихся стран. Мы непоколебимо стоим на правильной стороне истории, на стороне цивилизации и прогресса человечества. Высоко неся знамя мира, развития, сотрудничества и всеобщего выигрыша, мы стремимся к собственному развитию при твердом обеспечении мира и развития во всем мире, в то же время, на основе собственного развития еще эффективнее содействуем миру и развитию во всем мире»¹.

В этих словах отражена официальная позиция Пекина. И пусть критически настроенный наблюдатель усомнится в том, что официальная позиция обязательно равнозначна реальным действиям государства, официальный дискурс также требует тщательного анализа. Представления о колониальном прошлом развивающихся стран (одной из которых по-прежнему видит себя Китай) и о необходимости в новых исторических условиях, характеризующихся подъемом этих стран по всему миру, вести внешнюю политику на иных, более справедливых и гуманистических основаниях, занимают важное место в риторике китайского руководства.

В данной статье, подготовленной в соавторстве российским и китайским исследователями-международниками, ставится цель подробнее познакомить читателя с этим феноменом – идеологией антиколониализма – как одним из базовых оснований китайской внешней политики. Статья опирается преимущественно на официальные китайские документы и заявления китайских лидеров разных лет, а также работы китайских ученых, среди которых выделяются такие авторы, как Чжао Кэцзинь, Го Шуюн, У Чжичэн, У Юй, Чжан Байцзя². В этом видится и некий баланс имеющему место засилью западоориентированной аналитики по Китаю, которая видит в подъеме Китая исключительно путь к мировой гегемонии – то есть, грубо говоря, «судит о других по себе». Уместны ли такие выводы? Как они соотносятся с тем историческим путем, который Китай прошел, и с его официальными заявлениями? Может ли общая приверженность концепции антиколониализма быть связующим звеном в партнерстве Китая и России? Этими вопросами задаются авторы статьи.

Исторический контекст

Образование Китайской Народной Республики в 1949 г. знаменовало создание «нового Китая», новую страницу в истории китайской цивилизации. Начиная

1 Полный текст доклада XX-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // МИД КНР. 25 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 22.06.2023).

2 Данное обстоятельство, безусловно, не стоит оценивать как пренебрежение работами российских авторов, которые подробно рассматривали китайскую внешнюю политику (см., например, Денисов, 2015; Лукин, 2019; Портяков, 2015). При этом следует отметить, что темой антиколониализма в китайской внешней политике ранее российские ученые специально не занимались.

от Мао Цзэдуна политика китайского руководства неизменно основывалась на двух коренных принципах: во-первых, стремиться к национальной независимости и освобождению народа; во-вторых, способствовать процветанию государства и благополучию людей. Без осуществления первого принципа невозможна реализация второго. Таким образом, можно сказать, что в основе всей политики КНР начиная с 1949 г. лежит приоритет обеспечения национальной независимости¹.

Важность данной задачи для Китая обусловлена тяжелым опытом полуколониальной зависимости, в которой он оказался вследствие столкновения со странами Запада в середине XIX в. В результате агрессивных действий иностранных держав (прежде всего Великобритании и Японии) Китай перестал быть полноправным хозяином на своей земле, поскольку не мог влиять на положение в иностранных концессиях, лишился права на таможенный суверенитет, потерял целый ряд территорий, которые были захвачены или отошли в долгосрочную аренду (на момент подписания соглашений де-факто не предполагавшую возврата) – среди них Гонконг, Макао, Циндао, Ляодунский полуостров. Приходится констатировать, что одной из этих иностранных держав была царская Россия, преследовавшая в Северо-Восточной Азии свои империалистические интересы.

После Октябрьской революции 1917 г. эти реалии изменились. Посредством Коммунистического Интернационала советская Москва способствовала подъему национально-освободительного движения в Китае. В годы Второй мировой войны Советский Союз оказал решающую помощь китайскому народу в освобождении страны от японских оккупантов, разгромив японскую Квантунскую армию. Доказательством отказа от политики колониализма и империализма стал добровольный возврат Китаю прав на аренду Ляодунского полуострова со всем имуществом, полученных Советским Союзом в результате победы над Японией в соответствии с положениями Каирской и Потсдамской деклараций, а также Акта о капитуляции Японии.

На фоне широкого сотрудничества с Советским Союзом протекало создание и становление Китайской Народной Республики. СССР стал первым государством, которое признало КНР, и на начальном этапе оказал значительную помощь развитию нового государства, в том числе в области внешней политики.

Как отмечают китайские авторы, внешняя политика КНР прошла три этапа.

1. В 1949–1978 гг. *Китай поднялся*. Внешняя политика страны развивалась в условиях глобальной холодной войны. В тот период коренные задачи страны были связаны с обеспечением самого существования государства, его признания на международной арене, включения в ту систему международных отношений, которая сложилась после окончания Второй мировой войны. В макроисторическом смысле Китай стремился вернуть себе статус на мировой арене, который был утрачен в десятилетия правления поздней Цинской династии и «республиканского правительства». Значительная роль в этом принадлежала балансированию между двумя гегемонами мировой политики того времени – СССР и США. Крупнейшим успехом того периода следует считать признание КНР в качестве члена Организации Объединенных Наций, которое произошло 25 октября 1971 г.

1 Kejin 2019, 3–20.

В результате с 1970 по 1976 г. 61 государство, включая крупные капиталистические державы, установило дипломатические отношения с Пекином.

Можно было констатировать, что те задачи, которые стояли перед китайской внешней политикой в момент образования «нового Китая», к концу 1970-х гг. были решены. При этом для Китая, который являлся развивающимся государством, лишь недавно преодолевшим полуколониальное положение, было характерно понимание несправедливости и пагубности прежней системы международных отношений, основанной на войнах, колонизации и грабеже, что выразил глава правительства КНР Чжоу Эньлай: «Мы ни в коем случае не должны опираться на прежнюю систему международных отношений, а должны “сложить очаг” новой системы, должны сформировать новый отряд международных отношений, который установит систему взаимодействия независимых суверенных стран»¹.

2. В 1978–2012 гг. *Китай разбогател*. Внешняя политика КНР развивалась, с одной стороны, под влиянием внутренних социально-экономических реформ, с другой стороны, в условиях благоприятной внешней среды, которая характеризовалась завершением холодной войны и развитием глобальной экономической системы. К началу этого периода Китай, несмотря на международное признание, являлся отсталой в социально-экономическом плане страной. Однако с переносом центра тяжести партийной работы на вопросы экономического развития удалось встать на путь улучшения материального благосостояния. Параллельно решались и важные внешнеполитические задачи – прежде всего, обеспечения объединения всего Китая. В 1980–1990-е гг. было сделано несколько важных шагов: обеспечено возвращение в лоно родины Гонконга и Макао, достигнут «компромисс 1992 года» с властями Тайваня о единстве Китая. В глобальной экономической системе Китай занял важное место одного из главных производителей материальных благ для всего мирового рынка, что способствовало бурному росту производительных сил и развитию страны. В 2010 г. Китай сменил Японию в качестве «второй экономики мира». В области производства, торговли, золотовалютных резервов его влияние на мировую экономику приобрело характер определяющего. Все это показывает, что задачи в области внешней политики, стоявшие перед китайским руководством перед началом экономических реформ, были выполнены.

3. Внешнюю политику начиная с 2012 г., то есть с момента прихода к власти Си Цзиньпина, китайские авторы называют «внешней политикой возрождения китайской цивилизации»². Если на предыдущих этапах ключевыми задачами Пекина было «подняться» (站起来) и «разбогатеть» (富起来), то сейчас такая задача – «усилиться» (强起来).

Неверно было бы полагать, что эта задача подразумевает получение выгод только Китаем. По мысли китайских идеологов, усиление страны способствует прогрессу всего человечества, причем не посредством подчинения и эксплуатации, а путем развития взаимовыгодных торговых, технологических и культурных

1 Guo Weiwei, “周恩来与新中国的外交干部制度(Zhou Enlai and the Diplomatic Cadre System of New China),” Central Committee of the Communist Party of China Party History and Literature Research Institute, January 2022, accessed June 20, 2023, <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2022/0121/c423726-32336862.html>.

2 См., например: Wu Zhicheng, Wu Yu 2020; Guo Shuyong 2014.

обменов между независимыми суверенными государствами на основе принципа невмешательства в дела других стран. К сожалению, успехи Китая привели к тому, что некоторые государства стали оценивать его активность исключительно предвзято, сквозь призму таких умозрительных конструкций, как «концепция китайской угрозы», «концепция китайского высокомерия», «китайская долговая ловушка», «китайский неоколониализм»¹. Иными словами, западные страны, цивилизационный подъем которых был неразрывно связан с колониальной политикой по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки, начали обвинять Китай в колониализме.

Круг замкнулся? По мнению ряда западных авторов, «да». Обвинения Китая в неоколониализме (прежде всего в Африке и Центральной Азии) стали обычным делом в западном академическом китаеведении. Но еще большее распространение имеют разнообразные публицистические эссе, которые оперируют не фактами и анализом, а эмоциями и стереотипами. Между тем, по мнению, характерному для китайской академической среды, речь должна идти о принципиально обратном – Китайская Народная Республика с момента своего основания последовательно придерживалась принципов идеологии антиколониализма.

Антиколониализм как основание внешней политики КНР «революционного периода»

Для первого поколения руководителей КНР антиколониализм был знаменем всей внешней политики. Подобное понимание исходило из «теории антиколониальных революций», которая лежала в основе деятельности Коминтерна в Китае в 1920–1930-х гг. и идеологии Коммунистической партии Китая, осуществлявшей на первых порах не столько социалистическую, сколько национальную революцию.

Как формулирует эту теорию известный исследователь китайской революции А.В. Панцов, «существо концепции сводилось к следующему: социальное освобождение трудящихся масс отсталых в промышленном отношении колониальных и полуколониальных стран Востока, основную часть населения которых составляет полупатриархальное и патриархальное крестьянство, невысказано без предварительного свержения господства в этих странах иностранного империализма. Вследствие этого революции на Востоке, в том числе в Китае, являются не социалистическими, а национальными. В ходе этих революций местные коммунисты, вдумчиво относясь к национальным устремлениям широких масс (без чего вообще невозможно превращение коммунистических организаций восточных стран в настоящие партии), обязаны поддерживать буржуазные освободительные движения колониальных и зависимых наций. Именно в этих

¹ Список работ, посвященных этим концепциям, может насчитывать сотни наименований. Мы ограничимся лишь несколькими характерными примерами, авторами которых являются ведущие западные ученые: Francis Fukuyama, "What Kind of Regime Does China Have?," *The American Interest*, May 18, 2020, accessed June 22, 2023, <https://www.the-american-interest.com/2020/05/18/what-kind-of-regime-does-china-have/>; John Mearsheimer, "Can China Rise Peacefully?," *The National Interest*, October 25, 2014, accessed June 22, 2023, <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204/>; Andrew Nathan, "The China Threat Is Not Existential, but It Is Significant," *Ralph Bunch Institute for International Studies*, April 25, 2022, accessed June 22, 2023, <https://ralphbunchinstitute.org/2022/04/the-china-threat-is-not-existential-but-it-is-significant-with-andy-nathan/>.

движениях, а не изолируя себя от них, коммунисты должны были взять на себя роль руководителей масс»¹.

Эти принципы были учтены в концепции «новой демократии» Мао Цзэдуна, вошли в основу деятельности Первого и Второго единого фронта в Китае и, соответственно, легли в фундамент Китайской Народной Республики, которая была создана осенью 1949 г. в результате решения Народно-политической консультативной конференции – широкого форума патриотических сил, а не только коммунистов.

Близко к сердцу воспринимая борьбу народов других колониальных стран, Китай в 1950-е гг. активно поддерживал Вьетнам в его борьбе против Франции, горячо приветствовал обретение независимости африканскими странами. Позднее, уже после разрыва с Коммунистической партией Советского Союза и перехода к конфронтации с СССР, китайское руководство продолжило линию на поддержку народов развивающихся стран в их национально-освободительной борьбе. Так, продолжилась поддержка Вьетнама в его борьбе против США, несмотря на то что в самом Китае наблюдались серьезные проблемы социально-экономического характера. В устах китайских руководителей тех лет поддержка антиколониализма не только соответствовала идеологическим догмам и требованиям времени, но и способствовала укреплению отношений молодой республики и стран Азии, Африки и Латинской Америки – тех стран, которые относились к «третьему полюсу» (第三极), находившемуся за пределами проамериканского и просоветского блоков².

В этом контексте антиколониализм фактически приравнивался к антиимпериализму. А мотив помощи бывшим колониальным странам в их национально-освободительной борьбе был тесно связан с идеей интеграции этих стран. Беседа в 1961 г. в Ханчжоу с представителями стран Азии и Африки, Мао Цзэдун заявлял: «Высказанное на Бандунгской конференции афро-азиатского единства желание народов Азии, Африки и Латинской Америки укрепить свое единство – хорошее дело; оно идет на пользу общему делу антиимпериалистической борьбы народов мира. Китайский народ рассматривает победы народов Азии, Африки и Латинской Америки в антиимпериалистической борьбе как свои собственные победы и выражает горячее сочувствие и поддержку любой их борьбе против империализма и колониализма»³.

Развитием идеи «третьего полюса» стали теории «промежуточной зоны» (中间地带理论) и «трех миров» (三个世界理论), выдвинутые Мао Цзэдуном. Под «промежуточной зоной» он понимал территории, находящиеся между проамериканским и просоветским блоками. В рамках теории «трех миров» к «первому миру» он относил США и СССР, ко «второму» – Европу, Японию, Австралию и Канаду, тогда как к «третьему миру» – весь остальной мир («Азия, за исключением Японии, принадлежит к третьему миру. Вся Африка относится к третьему миру, к третьему миру

1 Панцов 2012, 88.

2 Vajija 2012.

3 Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати (1950–1967). Выпуск третий. М.: Издательство «Прогресс», 1976.

относится и Латинская Америка»¹). Все эти страны, по мнению китайского руководства, могли бы образовать единый фронт для того, чтобы отстоять свои интересы в борьбе с «первым и вторым мирами».

Китай видел себя одной из стран «третьего мира», но, даже исходя из того, что теоретическое осмысление положения развивающихся стран и необходимости их интеграции принадлежало китайскому лидеру, видно, что амбиции КНР простирались дальше. Свидетельством этому может служить и та значительная материальная и организационная помощь отдельным странам Азии (Вьетнам, КНДР, Йемен и др.), Африки (Алжир, Ангола, Заир и др.) и даже Европы (Албания), которую Китай оказывал на протяжении 1960–1970-х гг., несмотря на сложное социально-экономическое положение «у себя дома». Впрочем, как говорилось выше, на данной стадии развития КНР ключевой задачей внешней политики было заявить о себе, занять место в международном сообществе. Переход к более деятельной роли оказался возможен только в новом веке – после того как значительное отставание в уровне жизни и развитии производительных сил перед странами Запада было преодолено в результате успешных реформ.

ДекOLONиализм в китайской политике при Си Цзиньпине и перспективы российско-китайского «антиколониального альянса»

В 1991 г. международная ситуация претерпела коренные изменения по сравнению с временами Мао Цзэдуна. В результате завершения холодной войны США фактически превратились в единственную сверхдержаву, претендующую на мировую гегемонию. В новых условиях интересы Китая и России, связанные с противостоянием империалистическому по своей сути давлению США во всех уголках Земного шара с целью укрепления своей мировой гегемонии, совпадают.

Однако можно ли назвать успехом тот факт, что Китай занял место СССР в «первом мире»? По мнению китайских руководителей, «нет». Китай не только по-прежнему видит себя среди недавних колониальных и полуколониальных стран, но и все так же верен идеям консолидированного развития «третьего мира».

Масштабные внешнеполитические идеологемы, предлагаемые Си Цзиньпином (инициатива «Пояса и Пути», концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и др.), фактически являются развитием идеи интеграции стран «третьего мира» – только на этот раз в условиях, когда разрыв в экономическом развитии между развитыми и развивающимися странами стремительно сокращается. И хотя антиколониальная риторика больше не занимает такое важное место во внешнеполитическом курсе КНР, целый ряд заявлений и действий Китая воплощает идеи деколонизации.

Среди таких действий китайские авторы выделяют два направления.

Во-первых, устранение отголосков колониального прошлого Гонконга и Макао, которые по-прежнему хорошо заметны в этих специальных администра-

1 Теория Председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира – огромный вклад в марксизм-ленинизм // Жэньминь жибао. 1 ноября 1977.

тивных районах КНР. Например, в рамках реализации принципов «одна страна – две системы», «Гонконгом управляют гонконгцы», «самоуправление высокой степени» в бывшей колонии на 50 лет сохранено правовое и экономическое устройство, которое существовало при колониальном владычестве – вплоть до упоминания «ее королевского высочества», «королевских эдиктов» и «генерал-губернатора» в местных законных актах¹. Однако четверть века спустя после возвращения Гонконга, по оценкам китайских экспертов, антикитайские силы, находящиеся под сильным западным влиянием, не готовы удовлетвориться этим, а стараются расшатать обстановку в специальном административном районе – вплоть до осуществления «цветной революции»².

В этой связи внимание Пекина к Гонконгу не только усилилось, но и обрело особый подтекст, связанный с завершением его «деколонизации». Выражением этих настроений следует считать заявление являвшегося на тот момент главой Канцелярии Центрального правительства КНР в Гонконге Ло Хуйнина, сделанное им в декабре 2022 г. во время празднования Дня Конституции КНР: «Необходимо полностью устранить колониальное влияние – только так смысл конституции <КНР> сможет по-настоящему достичь сердец людей»³. А непосредственным воплощением «деколонизации» можно считать принятие «Решения о создании правовой системы и правоприменительных механизмов в САР Гонконг для защиты национальной безопасности» в 2020 г., в соответствии с которым «любая деятельность, направленная на поддержку “суверенитета” Гонконга, свержение строя, терроризм, а также сговор с иностранными государствами или силами, находящимися за границей, с целью нанесения ущерба национальной безопасности, карается лишением свободы на срок до пожизненного заключения»⁴. В соответствии с этим законом отдельные видные активисты, включая Джошуа Вонга и Джимми Лая, были арестованы, в результате чего обстановка в специальном административном округе была стабилизирована. Впрочем, последовательная «деколонизация Гонконга», включающая устранение колониальной психологии, характерной для многих жителей этой территории, вероятно, еще только предстоит и займет немало времени.

Во-вторых, Китай последовательно поддерживает деколонизацию Фолклендов (Мальвинских островов) и выступает за передачу этой территории, являющейся одним из последних «реликтов» британской колониальной империи, Аргентине. При этом в официальных китайских документах используется термин «возвращение» (回归). В 2022 г. в Совместном заявлении КНР и Аргентины, посвященном 50-летию установления дипломатических отношений между странами, было четко определено: «Китайская сторона в очередной раз

1 Для примеров см. “Hong Kong Electronic Legislation,” <https://www.elegislation.gov.hk/>.

2 См., например: “中国中央电视台: 想在香港搞“颜色革命”? 失败的概率是100%! (Chinese Central Television: You Think it is a Colour Revolution in Hong Kong? The Probability of Failure is 100%),” CCTV, August 31, 2019, accessed June 20, 2023, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1hfKlJQ6Bf0>.

3 “骆惠宁在香港2022年国家宪法日座谈会上的致辞 (Luo Huining’s Speech at the 2022 Constitution Day Seminar in Hong Kong),” Liaison Office of the Central People’s Government in the Hong Kong S.A.R., December 4, 2022, accessed June 20, 2023, http://www.locpg.gov.cn/jsdt/2022-12/04/c_1211706686.htm.

4 “《全国人民代表大会关于建立健全香港特别行政区维护国家安全的法律制度和执行机制的决定》Decision of the National People’s Congress on Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanism of the Hong Kong Special Administrative Region for Safeguarding National Security),” The State Council of the People’s Republic of China, May 28, 2020, accessed June 20, 2023, https://www.gov.cn/xinwen/2020-05/28/content_5515684.htm.

заявляет о поддержке требований Аргентины на осуществление суверенитета над Мальвинскими островами и призывает в соответствии с решением ООН возобновить переговоры с целью мирного разрешения спора между Аргентиной и Великобританией»¹.

Отметим также, что Китай отвергает обвинения со стороны западных политиков, журналистов и экспертов по поводу т.н. неоколониальной политики в Африке и развивающихся странах других континентов. Эта тема требует отдельного исследования. Здесь лишь отметим, что, по мнению Китая, инвестиции и расширение торговли с такими странами нацелены прежде всего на взаимовыгодное извлечение коммерческой прибыли, а не на решение каких-либо геополитических вопросов. Впрочем, не следует забывать и о том, что КНР оказывает материальную, технологическую и организационную помощь, заботясь о повышении уровня жизни в отсталых странах, выполняя гуманитарную миссию в интересах всего человечества. А вот причины, по которым многие страны Африки оказались в столь бедственном положении, как раз и кроются в разрушительной политике западных колониальных держав, которые продолжают ее, пусть и в новом формате.

Такое понимание положения вещей схоже с российским видением. В условиях разрыва с Западом Россия активизирует свою политику в Африке, странах Ближнего Востока и других регионах мира, воспринимая их не как объект своей (нео)колониальной экспансии, а как равноправных партнеров в торговле и международных делах. Как и в случае с Китаем, в пользу России говорит то обстоятельство, что она не связана с колониальным прошлым этих регионов – напротив, в советский период была оказана значительная помощь становлению развивающихся африканских, ближневосточных и латиноамериканских государств.

При этом Китай и Россия являются не конкурентами, а единомышленниками и партнерами. В основе внешней политики обеих стран сейчас лежит понимание того, что в системе глобальной экономики, которую защищают США, им уготовано место вечной «мировой периферии»²: источника дешевой рабочей силы, низкомаржинальных товаров и природных ресурсов. Такое место не может удовлетворить ни Россию, ни Китай. Поэтому именно наши страны являются в современном мире драйверами эволюции постбиполярного мира от гегемонии США к подлинному мультилатерализму, основой которого является подъем бывшего «третьего мира».

Это и есть те самые «невиданные за последние 100 лет колоссальные перемены, сулящие странам новые возможности для развития», о которых говорил на XX съезде Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин³. Схожей риторики придерживается и Президент России Владимир Путин, говорящий о «тектониче-

1 “中华人民共和国和阿根廷共和国关于深化中阿全面战略伙伴关系的联合声明（全文）(Joint Statement on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership Between the People's Republic of China and the Republic of Argentina),” The State Council of the People's Republic of China, February 6, 2022, accessed June 20, 2023, https://www.gov.cn/xinwen/2022-02/06/content_5672272.htm.

2 Wallerstein 2004, 11–12.

3 Полный текст доклада XX-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая.

ских изменениях, появлении новых центров силы»¹ и при этом уверенный, что «большие перемены, которые происходят сейчас в мире – к лучшему»².

* * *

Китай – страна, в своей истории прошедшая этап нахождения в полукOLONиальном положении. Этот период принес китайскому народу страдания и унижения, явился причиной длительной политической нестабильности и социально-экономического отставания, которые страна преодолела только во второй половине XX в. Антиколониальное содержание являлось одним из «китов», на которых стояла идеология Коммунистической партии Китая на раннем этапе ее становления; а национальное освобождение – ключевым условием дальнейшего развития Китая, которое было положено в основу политики образованной в 1949 г. Китайской Народной Республики.

Помощь народам колониальных и полукOLONиальных стран в их национально-освободительной борьбе во все времена являлась важным элементом внешней политики Пекина. Китай и сейчас придерживается этого курса, поддерживая стремление Аргентины добиться деколонизации Фолклендов (Мальвинских островов) – одного из последних «реликтов» бывшей британской колониальной империи.

Во времена Мао Цзэдуна появилось теоретическое обоснование помощи и сотрудничества Китая со странами, разделившими судьбу бывших колоний, воплощенное в теории «трех миров». Конечной целью при этом являлась интеграция стран «третьего мира» (развивающихся стран), которые сообща могли бы отстаивать свои интересы перед лицом давления так называемых сверхдержав.

Эта идея воплощается Китаем и сейчас – ее влияние видно в таких концепциях, как инициатива «Пояса и Пути» и «Сообщество единой судьбы человечества». Россия придерживается близких с Китаем взглядов: и на природу политики западных стран, и на значительный потенциал нынешнего подъема бывшего «третьего мира». Этот фактор способствует сближению России и Китая, которое в сегодняшнем мире является основным драйвером перехода к подлинной многополярности.

1 Речь на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Администрация Президента России. 27 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 22.06.2023).

2 Путин считает, что происходящие сейчас большие перемены – к лучшему // ТАСС. 18 декабря 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16625097> (дата обращения: 22.06.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Денисов, И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. 2015. № 5. С. 40–54.
- Denisov, Igor E. "Evolution of China's Foreign Policy Under Xi Jinping." *International Affairs*, no. 5 (2015): 40–54 [In Russian].
- Лукин, А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // *Политические исследования*. 2019. № 1. С. 71–89. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.06>.
- Lukin, Alexander V. "Discussion on the Development of China and Prospects for Its Foreign Policy." *Polis. Political Studies*, no. 1 (2019): 71–89 [In Russian].
- Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2012. 880 с.
- Pantsov, Aleksandr V. *Mao Tszedun*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012 [In Russian].
- Портяков, В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.
- Portyakov, Vladimir Ya. *Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi respubliki v XXI stoletii*. Moscow: IDV RAN, 2015 [In Russian].
- Wallerstein, Immanuel Maurice. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham: Duke University Press, 2004.
- 赵可金: "中国外交70年: 历史逻辑与基本经验", *东北亚论坛*, 2019年第6期, 第3–20页。
- Kejin, Zhao. "70 Years of Chinese Diplomacy: Historical Logic and Basic Experience." *Northeast Asia Forum*, no. 6 (2019): 3–20 [In Chinese].
- 吴志成、吴宇: "习近平外交思想论析", *世界经济与政治*, 2020年第2期, 第4–23页。
- Thban. "Analysis of Xi Jinping's Diplomatic Thought." *World economics and politics*, no. 2 (2020): 4–23. [In Chinese].
- 郭树勇: "中国梦、世界梦与新国际主义——关于中国梦的几个理论问题的探讨", *国际观察*, 2014年第3期。
- Shuyong, Guo. "Chinese Dream, World Dream and New internationalism: Discussion on Several Theoretical Issues Concerning the Chinese Dream." *International observation*, no. 3 (2014): 1–16 [In Chinese].
- 章百家: "改变自己 影响世界——20世纪中国外交基本线索刍议", *中国社会科学*, 2002年第1期, 第4–19页。
- Baijia, Zhang. "Changing oneself and influencing the world: A Preliminary Discussion on the Basic Clues of China's Diplomacy in the 20th Century." *Chinese social science*, no. 1 (2002): 4–19 [In Chinese].

Сведения об авторах

Иван Юрьевич Зуенко,

к.и.н., доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник

Центра евроазиатских исследований

Института международных исследований МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru, ivanzuwei@gmail.com

Цуй Хэн,

преподаватель Центра международной юридической подготовки

и сотрудничества для ШОС при Шанхайском университете политики и права

200030, Китай, Шанхай, ул. Пухуйтанлу, 99

e-mail: cpanger@163.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Зуенко, И.Ю., Хэн, Ц. Идеология антиколониализма как фактор внешней политики Китая // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 23–34.<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-23-34>

Anticolonialism as a Guiding Principle of Chinese Foreign Policy

ABSTRACT

This article explores the ideology of anticolonialism as a guiding principle in the foreign policy of the People's Republic of China (PRC). It highlights the close association of anticolonialism with decolonialism, anti-imperialism, and the Nonaligned Movement, emphasizing their importance throughout the history of the PRC. While the current Chinese leadership may not emphasize anticolonial rhetoric as frequently as during the Mao Zedong era (1950–1970s), the core essence of Chinese foreign policy remains unchanged. China acknowledges its former semi-colonial status and aligns its policies with the interests of developing countries, seeking cooperation to protect its own interests amidst potential superpower pressures. Recent initiatives by Xi Jinping, such as the Belt and Road Initiative and the concept of a “Community with a shared future for mankind,” demonstrate a universal character that extends beyond developing countries. Authored by scholars from Russia and China, this article aims to familiarize the international audience with China's official discourse on its semi-colonial past, anticolonialism, and decolonization. The authors also highlight the potential for cooperation between Russia and China based on their shared perspectives on these issues. Understanding China's foreign policy principles provides valuable insights into its historical context and contemporary approach to international relations.

KEYWORDS

China, foreign policy, international relations, anticolonialism

Authors

Ivan Y. Zuenko,

PhD (Hist.), Associate professor, Department of Eastern Studies; Senior Research Fellow, Center for Eurasian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru, ivanzuwei@gmail.com

Cui Heng,

Lecturer, Center for International Legal Training and Cooperation for SCO,
Shanghai University of Political Science and Law
99, Puhuitanglu street, Shanghai, People's Republic of China, 200030
e-mail: cpanger@163.com

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Zuenko, Ivan Y, and Cui Heng. “Anticolonialism as a Guiding Principle of Chinese Foreign Policy.” *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 23–34.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-23-34>

Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии

Алексей Владимирович Куприянов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: a.kupriyanov@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи формирования индийского внешнеполитического дискурса, макроисторических процессов, повлиявших на генезис индийских политических элит, и развития исторического знания о регионе Индийского океана. Цель статьи – выяснить, что определило специфику восприятия индийскими элитами места Индии в регионе и как оно трансформировалось в рамках внешнеполитического дискурса. Кроме того, исследуется вопрос о роли историков, занимавшихся изучением региона Индийского океана. Автор приходит к выводу, согласно которому представления элит формировались главным образом под влиянием изменений в общемировом политическом дискурсе после Первой мировой войны, благодаря которым в Европе и в Азии утвердилось мнение о безальтернативности государства-нации, развивающегося с опорой на собственную тяжелую промышленность. Почти с самого начала существования независимой Индии ее политические элиты, бывшие отчасти продуктом британского либо британизированного воспитания и образования, отрицали преемственность, существовавшую между новым индийским государством и Британским Раджем и владениями Ост-Индской компании, и пытались выстроить историческую преемственность с политиями, существовавшими в добританские времена. Помощь в этом им оказывали индийские и зарубежные историки. Автор демонстрирует, как индийские элиты использовали в своих целях открытия ученых, концептуализируя подходящие сюжеты и отбрасывая остальные, и как сообщения историков постепенно превращались в часть машины по производству дискурса. Если в период правления Джавахарлала Неру и Индиры Ганди основное внимание уделялось Империи Великих Моголов как последней добританской индийской империи, то с приходом к власти Бхаратия Джаната парти поощряются исследования, посвященные индуистским политиям и персоналиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, история, политические элиты, Алигархская школа, постколониализм

В большинстве работ, посвященных индийской внешней политике, стартовой точкой является полночь 15 августа 1947 г. – тот момент, когда первый премьер-министр независимой Индии Д. Неру поднял знамя нового государства над Красным фортом в Нью-Дели. Причем львиная доля исследователей политики нерувианского периода фокусируется на событиях, предшествовавших Бандунгской конференции 1955 г., а также на самой конференции и ее последствиях, в первую очередь – формировании Движения неприсоединения и вкладе Дж. Неру в теорию и практику международных отношений как идеалиста и борца за дело мира¹.

Такая ситуация объяснима: политические элиты Индии и индийское экспертное сообщество, а также ученые, работавшие над проблемами истории Индии, склонны были рассматривать колониальное прошлое исключительно негативно. В индийском национальном мифе, который начал формироваться в среде интеллигентов еще в годы борьбы за независимость, британское владычество рассматривалось как тормоз на пути развития страны: иноземные завоеватели, захватившие власть над Индостаном, превратили его в экономический придаток империи, в топливо, которым питался Левиафан британского империализма. Индийский научно-общественный дискурс середины столетия благоприветствовал такому отношению к недавнему прошлому. Во-первых, тема британского колониального наследия воспринималась болезненно на фоне раздела Британской Индии и сопровождавших этот процесс масштабных кровавых эксцессов; во-вторых, из-за необходимости выделить реперные точки в процессе национального развития и дать им однозначное толкование, что требовалось для формирования национального мифа.

В результате было негласно решено, что Индия наследует всем периодам и всем политиям в своей истории, но британскому периоду меньше прочих. В этот момент национальный миф вошел в очевидное противоречие с реальностью: новые индийские элиты были порождением Британского Раджа, многие из их представителей получили хорошее британское образование, и даже их антибританские настроения и индийский патриотизм выражались через формы и лексику, заимствованные из британской культуры. При этом эпоха британского владычества воспринималась ими как время, когда Индия потеряла субъектность и, как следствие, не могла проводить в полной мере национальную политику.

Зарубежные исследователи работали в аналогичной парадигме. Так, советским ученым трактовка колониального периода как аномалии, искажившей естественный ход истории, позволяла обосновать теоретическую возможность строительства общества социалистического типа в постколониальных государствах, а исследования генезиса индийских элит представлялись политически нецелесообразными в условиях, когда Индия и СССР сближались все больше и в 1971 г. подписали договор о дружбе и сотрудничестве. Среди других зарубежных исследователей сформировалось представление об Индии как об «утраченной цивилизации», разрушенной колониальными завоеваниями. Хотя в целом исследования Индии в рамках общего анализа колониальных практик Британской

1 См. например: Range 1961; Das 1961; Мировоззрение 1973; Krasa 1990; Schöttli 2012.

империи никогда не прекращались, куда большей известностью пользовались книги о доколониальных временах, в целом соответствующие индийскому подходу. Классическим примером такой работы стала монография британского индолога А.Л. Бэшема «Чудо, которым была Индия»¹: само ее название предполагает, что чудо закончилось и покончили с ним именно британцы.

Эта парадигма начала меняться сравнительно недавно: в первом десятилетии XXI в. сформировалось направление исследований, акцентировавшее внимание не просто на имперском прошлом, но на Индии как на субимперии в составе Британской империи. Поборники такого подхода (в первую очередь Т. Меткалф² и Дж. Онли³) указывают на двоякость роли Индии во времена Британского Раджа: индийцы были не только колонизируемыми, но и колонизаторами, действуя как агенты Британии в регионе Индийского океана. Этот «субимперский поворот» совпал со всплеском интереса в индийском обществе к теме элит – экономических, политических, военных. Выход целого ряда работ по данной теме⁴, наиболее заметной из которых стала книга С. Бару «Индийская властвующая элита: класс, каста и культурная революция»⁵, привлек внимание индийцев к проблеме дистанцирования правящей элиты от остального общества и причинах этого дистанцирования, что, в свою очередь, потребовало анализа генезиса индийских элит.

Его объяснение через результаты исследований субимперии Раджа позволяет пролить свет на ряд трендов в политическом развитии независимой Индии. Для этого применен подход, позволяющий совместить исторический, политологический и социологический инструментарий и находящийся в общем русле постколониальных исследований: историческая социология международных отношений, дополненная методологией теории элит. При этом социальные процессы анализируются как через историческую призму (путем исследования исторических процессов и национального мифа, используемого не только для того, чтобы «репрезентовать себя в истории»⁶, но и чтобы «инкорпорировать происходившие в прошлом взаимодействия с соседними политиями в свои национальные истории»⁷), так и через призму критической историографии. Последнее предполагает анализ накопления научного знания и развития концепций, которые оказывают влияние на представления экспертного сообщества и элит. В Индии – с ее повышенным вниманием к культурно-философским и историческим основам национального мифа, наличием «вращающихся дверей» между научным и экспертным сообществами и политическими элитами, большой ролью личных связей – научное сообщество играет важную политическую роль.

Данная статья посвящена изучению влияния наследия Британского Раджа на генезис индийских элит в контексте макроисторических процессов, места Британского Раджа в индийском историческом мифе, формируемом этими элитами

1 Basham 1954.

2 Metcalf 2007.

3 Onley 2005; 2007; 2009.

4 Damoradan 2008; Kidwai 2011; Moro 2015; Joseph 2016; Mukherjee 2020; Joseph 2021.

5 Baru 2021.

6 Duara 1995, 4.

7 Sen 2017, 17.

и обслуживающим их экспертным сообществом, и роли исторических исследований в формировании этого мифа и политических концепций на примере работ по истории Британского Раджа. Автор не ставит целью дать ответы на весь спектр вопросов, возникающих в рамках изучения этих процессов; настоящая статья – это скорее первый подход к теме, до того привлекавшей сравнительно мало внимания отечественных и зарубежных ученых.

Первая часть посвящена описанию макроисторического процесса формирования индоцентричной системы региона Индийского океана в XIX в., ее трансформации после Первой мировой войны и влияния этих процессов на восприятие мира индийскими политическими элитами. Вторая – изменению взглядов элит под влиянием как политических процессов в регионе в 1970–1980-х гг., так и роли научного сообщества. В третьей части рассмотрена трансформация индийского научно-политического дискурса с 1991 г. по настоящее время.

Потерянный Радж

Традиционно начало европейского колониального господства в регионе Индийского океана датируется концом XV в. Считается, что экспедиция Васко да Гамы ознаменовала новый этап в истории региона, связанный с утратой суверенитета местными политиями, доминированием европейских акторов и последующим подчинением и угнетением народов региона¹.

Однако работы последних десятилетий демонстрируют, что взаимодействие между европейскими и местными акторами было на первом этапе далеко от состояния западного доминирования, которое рисовали ранние исследователи. Европейцы вплоть до середины XVIII в. действовали здесь в роли «империй слабых»², по возможности не вступая в конфликт с местными игроками, а пытаясь встроиться в уже сложившуюся систему политических и торговых связей. Приносившая огромную прибыль европейским купцам торговля с Азией могла вестись только до тех пор, пока в ней были заинтересованы азиатские власти. В случае если торговля становилась экономически или политически невыгодной, они могли легко прекратить ее либо просто уничтожить европейские фактории. Существовавшие технологии не позволяли западным державам перебрасывать и поддерживать в столь далеких регионах сухопутные и морские контингенты, достаточно мощные для того, чтобы на равных сражаться с армиями местных крупных политий и принудить азиатских акторов к миру или хотя бы защитить свои торговые пункты. Попытки такого рода заканчивались, как правило, плачевно. Например, в англо-могольской войне 1686–1690 гг. Британская Ост-Индская компания и стоявшая за ней Англия потерпели сокрушительное поражение от армии и флота Империи Великих Моголов и вынуждены были выплатить унижительную дань.

Ситуация начала меняться только в середине XVIII в., когда крупнейшие региональные державы – Империя Великих Моголов и сефевидская Персия – в результате внутренних процессов и давления со стороны местных соперников

1 См., например: Panikkar 1954.

2 Phillips, Sharman 2015; Sharman 2020.

пришли в упадок. Битва при Плесси (1757), в которой войска Ост-Индской компании нанесли поражение армии бенгальского наваба Сирадж уд-Даула, союзного французам, продемонстрировала, что благодаря эволюции военного дела европейские державы далеко опередили азиатские «пороховые империи», а развитие кораблестроения и навигации позволило организовать надежный маршрут доставки подкреплений и припасов в Индию. В течение последующего столетия британцы в результате серии последовательных кампаний захватили всю территорию Индостана и ряд прилегающих районов, превратив тем самым Индию в базу для последующих завоеваний.

Эта роль Индии и в англоязычной, и в отечественной литературе до недавнего времени освещалась явно недостаточно. В общественно-политическом и отчасти научном дискурсе сформировалась, как отмечалось выше, примитивная, неполная, но удобная для политических целей картина. Индия представлялась в ней как колония, беспощадно эксплуатировавшаяся Британской империей, полностью лишенная субъектности и встроена в имперскую экономику на правах источника ресурсов. Некоторая разница наблюдалась лишь в оценке роли буржуазии: если индийские исследователи относились к ней в целом позитивно, то отечественные активно критиковали.

Подобная упрощенная картина слабо отражала сложную систему взаимоотношений как между метрополией и Индией, так и между Индией и другими британскими владениями в регионе, не говоря уже об отношениях Индии с державами, не входившими в британскую сферу влияния. Эта система имела многоуровневую структуру: британские и местные элиты – от аристократических до торговых и интеллектуальных – находились в ней в сложном симбиозе. Индия была не просто колонией, но центром субимперии, имела собственное ведомство, занимавшееся иностранными делами, и проводила в регионе политику, не всегда совпадавшую с интересами Лондона. Амбиции индийских политических элит, британских по происхождению, но воспринимавших мир через призму интересов Британского Раджа, которым они управляли, реализовывались через сеть агентств и консульств, в рамках которой отношения с независимыми и полунезависимыми политиями региона строились по образцу тех, которые существовали между Раджем и туземными княжествами.

Помимо этого, Индия оставалась центром притяжения политической и экономической жизни региона и служила тем резервуаром, откуда британцы черпали ресурсы для дальнейшей экспансии. Индийские рабочие, нанятые по системе индентуры, заменили рабов на плантациях колоний Британии и других европейских держав, индийские солдаты-сипаи участвовали в военных кампаниях, завоевывая для империи новые земли, индийские полицейские поддерживали там порядок, а индийские администраторы местного или британского происхождения управляли этими новыми колониями. Индия была тем оселком, на котором колонизаторы оттачивали теории и практики управления, затем распространяя их по всей империи.

Таким образом, Индия представляла собой одновременно и колонизируемый регион, и колонизирующую силу. И индийцы, верно служившие британцам в сипайских полках и на гражданской службе, и оппозиционно настроенные представители интеллигенции разделяли представление об Индии как

о ключевой силе в регионе, которая в определенный момент оказалась под контролем другой великой державы. И если изначально эта «империя Раджа» стремилась распространить свое влияние на весь регион, то впоследствии стало заметно отчетливое тяготение к его западной части – к Восточной Африке и побережью Залива. Восточное направление экспансии, связанное в XIX в. с феноменом опиумной торговли с Китаем (в 1786 г. под контроль Ост-Индской компании перешел Пенанг, в 1819 г. – Сингапур, в 1825 г. – Малайя), вскоре после создания Британского Раджа и снижения объемов торговли опиумом в связи с началом собственного производства опиума в Китае пришло в относительный упадок, и в 1867 г. эти территории, объединенные в резидентство Стрейт-Сетльментс, были изъяты из управления Британской Индии, став отдельной коронной колонией.

Такая система могла существовать только в условиях свободной торговли и перемещения людских масс через границу. Эрозия этой системы началась еще до Первой мировой войны; после ее окончания индоцентричная региональная система быстро развалилась. Британские доминионы обзаводились собственными паспортными системами, вводили ограничения на въезд граждан других внутриимперских политий (в первую очередь индийцев), а мятежи и проявления недовольства в рядах индийских частей в годы войны привели к постепенному сокращению практики отправки индийских частей в другие колонии и доминионы. Отмена индентуры в 1917 г. означала прекращение массовой миграции индийцев за границу.

Провальная попытка властей Раджа получить контроль над Ираком и бывшей Германской Восточной Африкой продемонстрировала пределы экспансии Британской Индии. Это было вызвано как неудачами индийского командования в годы войны (например, руководство изначально находившейся в ведении индийских военных и гражданских чиновников кампанией в Месопотамии после неудачи под Кутом было передано под контроль британцев), так и проблемами с удержанием этих территорий силами индийских войск. Использование вместо этого с большим эффектом авиации, успешно подавлявшей мятежи малыми силами, способствовало появлению концепции «воздушного контроля», которая позволяла обойтись без индийских контингентов. Сыграли свою роль и амбиции местного колониального руководства: не получив требуемые сикхские части и будучи уверены в том, что туземные силы не уступают по уровню подготовки другим индийским контингентам, ряд местных элит отказался от индийского военного и полицейского присутствия. В 1937 г. Индия лишилась Бирмы, которая после подъема массового национально-освободительного движения была выделена в отдельную колонию.

Эти тенденции лежали в русле единого макроисторического процесса, в ходе которого в Европе и других частях света формировались государства-нации с линейными границами и специфическими представлениями о национальном и этническом единстве. Индийские интеллектуалы как правого, так и левого толка испытывали на себе влияние популярных в то время идей и сами были частью того интеллектуального поворота, в результате которого сформировалось представление о безальтернативности развития Индии в существовавших на тот момент границах. Раскол национально-освободительного движения на индусскую

и мусульманскую партии, формирование концепции двух наций и дальнейшее размежевание страны дополнительно сузили эти границы.

Таким образом, политические элиты, возглавившие Индию после получения независимости, воспринимали в качестве единственно возможного пути ее развития следование общемировому тренду, а не пытались создать альтернативную модель государства по образцу той, что существовала в XIX в., но уже с руководством из этнических индийцев. Это определило политику, которую Индия проводила вплоть до 1991 г., стремясь играть большую роль на мировой арене в качестве лидера группы государств, не желающих присоединяться ни к одному из блоков в холодной войне. Показательно, что все это время Британский Радж и предшествующий ему период Ост-Индской компании воспринимались как «время тьмы»: несмотря на то что объективно первое поколение индийских элит сформировалось в рамках постсубимперского дискурса, опыт и этого дискурса, и предшествовавшего субимперского периода ими отрицался. Наличие региональной подсистемы с центром в Индии, в которой находящиеся по берегам Индийского океана политии выступали бы в роли индийских государств-клиентов, не воспринималось как ценность, которую необходимо сохранить или возродить.

Негативному отношению к бывшим имперским активам в регионе способствовали и объективные причины. Во-первых, Индия не воспринималась ни ее руководством, ни элитами новых стран региона как сила, замещающая Британию: как в силу отмеченного выше антииндийского тренда местных элит, так и в силу того, что британцы не ушли из региона окончательно, сохранив тесные связи с бывшими колониями и военно-морские и воздушные базы в Сингапуре, на Мальдивах и в Малайе. Во-вторых, сам по себе процесс деколонизации в бывшем субимперском регионе сопровождался многочисленными эксцессами – убийствами, изгнанием, подавлением индийской диаспоры, в основном из-за той роли, которую эта диаспора играла в имперском проекте.

В поисках индоокеанской системы

Примерно в 1970-х гг. ситуация начала меняться. Издержки сохранения имперского наследия настолько превысили геополитические и экономические выгоды, что британское руководство решило окончательно вывести базы, до тех пор функционировавшие к востоку от Суэца. В Индийском океане возник вакуум силы. Индия, к тому моменту выигравшая Третью индо-пакистанскую войну 1971 г. и избавившаяся от единственного серьезного соперника в регионе, а также в целом завершившая создание промышленной базы, теоретически могла бы его заполнить, но не обладала для этого ни необходимыми инструментами (в первую очередь флотом), ни концептуальной базой. Если первая задача решалась при помощи постепенного строительства флота и развития военно-транспортной и военно-морской авиации, то вторая требовала инициативного участия представителей научного сообщества.

Роль, сыгранная в эти годы индийскими и сотрудничавшими с ними иностранными учеными, до сих пор не рассматривалась с позиции критической историографии. Меж тем в этот период массово публиковались работы, которые

заложили базу для позднейших индийских внешнеполитических концепций. Можно выделить два ключевых направления. Первое было представлено работами исследователей, сосредоточившихся на изучении системы торгово-экономических отношений, существовавших в регионе Южной Азии до 1757 г. Сформировался ряд школ (Алигархская и Кембриджская), представители которых тщательно анализировали практики Империи Великих Моголов¹ и дискутировали друг с другом. Результатом этих дискуссий стал постепенный отказ от изображения Империи как отсталого авторитарного государства, обреченного на поражение при столкновении с цивилизованными странами Запада, и формирование тезиса об альтернативной модерности, которая реализовывалась в рамках развития «пороховых империй» (Могольской, Персидской, Османской). Таким образом, тезис о том, что Индия шла по своему пути эволюции, который был прерван из-за появления европейских колонизаторов, был подкреплён документально.

Представители второго направления фокусировались в основном на изучении региона Индийского океана, причем главным образом на периоде «арабских морей», т.е. XVI–XVII веков. Их исследования продемонстрировали существование на заре португальского завоевания разветвленной сети торговых и культурных контактов. Принципиально важным моментом было участие в ней представителей торговых каст Индии, не обязательно мусульман. В своих работах индийские и зарубежные ученые нарисовали впечатляющую картину взаимосвязи мира Индийского океана с Западной Европой, показав, что этот мир не был изолирован от нее и, как следствие, не мог быть «открыт» ни в одном из пониманий этого термина: разведавшие маршрут вокруг Мыса Доброй Надежды португальцы, следовавшие за ними голландцы, датчане, французы и на первом этапе британцы вынуждены были довольствоваться уже упомянутой ранее ролью «империй слабых». Таким образом, вырисовывалась картина доколониального мира Индийского океана, в котором политики Индостана во всем их многообразии (империи, царства, автономные территории и города) играли роль не ресурсных центров, но активных акторов.

Разумеется, этими двумя направлениями исследование истории региона не исчерпывалось: публиковались и труды, где основной акцент делался на не- и доисламскую историю индийской морской экспансии², но на фоне общей массы работ их число оставалось сравнительно незначительным. При этом, как правило, в их написании участвовали офицеры ВМС Индии, в частности начальник Главного штаба ВМС адмирал С.Н. Кохли; тесная связь с флотскими кругами помогла этому направлению оформиться и просуществовать до момента смены парадигмы в 1989–1991 годах.

Велись также исследования периода правления Ост-Индской компании, но лидирующую роль в них играли британские ученые³. Они активно взаимодействовали с индийскими коллегами, но это не отражалось на мировоззрении политических элит Нью-Дели.

1 Pearson 1976; Prakash 1985; Alam 1986; Richards 1988; 1975; 1978; Barnett 1980.

2 Nambiar 1975; Kohli 1978; Sridharan 1982.

3 Bayly 1975; 1983; 1988.

В целом в тот период индийские элиты сохраняли представление об Индии как о государстве-нации, отвергая при этом колониальный опыт. Вместо него интеллектуальные элиты, еще не собранные в экспертное сообщество, предложили хорошо разработанную картину добританского мира в регионе Индийского океана, которая стала важным базисом для дальнейшего развития индийской стратегии и формирования так называемой доктрины Индиры, в соответствии с которой Индия должна была играть ключевую роль в регионе.

Возвращаясь к основам

В 1989–1991 гг. глобальные политические и экономические перемены привели к изменениям в миропонимании индийских элит. Позиционирование на мировой политической арене, основанное на балансировании между США и СССР и их союзниками и лидерстве в Движении неприсоединения, в условиях стремительного распада советского блока и последующего коллапса СССР потеряло смысл. Осознав, что мир вступает в эру новой глобализации, индийское руководство сделало выбор в пользу отмены жесткого экономического регулирования и привлечения частных иностранных инвестиций в новые отрасли, которые могли бы обеспечить быстрый рост ВВП.

Начавшиеся глобализационные процессы означали возвращение, по крайней мере частичное, к реалиям вековой давности: фритрейдерской политике, размыванию границ, массовым миграциям населения и свободному передвижению товаров и капитала. Логично было бы предположить, что эти изменения приведут, в свою очередь, к росту внимания к эпохе индоцентричного миропорядка в регионе, однако этого не произошло. Определенный всплеск интереса к теме оказался довольно ограниченным как по числу работ, так и в тематическом плане. Индийских и иностранных авторов интересовали прежде всего частные сюжеты в рамках более широкого индоокеанского имперского нарратива. Большая часть этих сюжетов имела явную постколониальную и антиколониальную направленность и была связана с исследованием субалтерных практик и явлений, таких как перевозка наемных рабочих и заключенных, нелегальная торговля, распространение модернистских течений в исламе и буддизме и т.п.

Вторым направлением исследований стало создание «полных историй» региона. В их рамках ученые формировали масштабные нарративы, которые охватывали весь исторический период от зарождения в регионе первых цивилизаций до прихода европейцев. Эти работы предметно смыкались с отмеченным в предыдущей главе маргинальным исследовательским течением, связанным с руководством ВМС, но значительно отличались от него манерой подачи текста: наряду с академическими трудами публиковалась масса книг научно-популярного характера, написанная сравнительно легким слогом и потому доступная для понимания широкого круга читателей.

Оба направления сыграли определенную роль в формировании индийского политического дискурса, причем второе – куда более важную. Если представители первого добавляли дополнительные факты и сюжеты к популярной в индийском дискурсе теме ответственности Британии за беды индийского народа и других народов региона в принципе, то представители второго помогали сформировать

историко-культурную и философскую базу, необходимую для концептуального оформления позднейших индийских претензий на доминирование в регионе. К середине первого десятилетия XXI в. темпы роста индийской экономики достигли почти 10%, и в таких условиях индийские политические и военные элиты почувствовали себя достаточно уверенно, чтобы заявить претензии на региональную гегемонию. Они нуждались в соответствующем концептуальном оформлении. Результатом интеллектуальных усилий индийского экспертного сообщества стали концепции «трех колец», Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), а также инициативы *SAGAR* и *MAUSAM*. Исторический базис для них создали работы индийских и зарубежных ученых. При этом процесс отторжения британского наследия продолжался, а тренд на изучение добританского периода усиливался.

Показательна в этом плане судьба концепции ИТР. Исторически в регионе в разные периоды существовали две принципиально различные модели торговых связей: добританская, в которой Индия играла роль посредника в торговле пряностями и предметами роскоши между Китаем и Юго-Восточной Азией с одной стороны и Европой с другой, и система времен правления Ост-Индской компании, построенная на экспорте опиума в Китай в обмен на серебро. Вторая модель в принципе не рассматривалась как альтернатива для построения культурно-исторической базы даже несмотря на то, что Индия как центр субимперии, производитель и экспортер играла в ней гораздо более важную роль. Возможные репутационные потери и нежелание считать колониальный период значимой частью своей истории оказались сильнее.

Этот тренд усилился после прихода к власти правоцентристской Бхаратия Джаната парти (*BJP*) под руководством Н. Моди и достиг максимума после победы партии на национальных выборах 2019 г. Внутренняя правая повестка Моди, в целом свойственное правым партиям стремление искать в истории опору для выстраивания нации приводят к тому, что новые политические элиты все активнее исключают из индийского национального мифа не только британский, но уже и исламский период, пытаясь найти ему альтернативу, например, в деятельности Шиваджи, адмирала маратхов, боровшегося против англичан. Эти поиски отражаются в политике правительства Моди: так, в новой редакции Стратегии морской безопасности 2015 г.¹ убраны все упоминания вице-короля Португальской Индии А. д'Албукерки как создателя стратегии контроля «точек входа» в Индийский океан, присутствовавшие в Стратегии 2007 года². В 2022 г. был изменен военно-морской флаг – оттуда убрали крест Св. Георгия, унаследованный от колониальных времен, заменив его печатью Шиваджи. Аналогичные процессы происходят и в армии: было объявлено о готовящемся лишении ряда полков наград и знаков отличия, полученных по итогам кампаний колониальных времен против индийских княжеств.

Таким образом, сейчас основой индийского регионального культурно-исторического дискурса является базирующаяся на научных работах индийских

1 "Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Security Strategy," Indian Navy, 2015, accessed June 25, 2023, https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf.

2 "Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy," Indian Navy, 2007, accessed June 25, 2023, <http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf>.

и западных ученых концепция региона Индийского океана как единого пространства, существовавшего еще в доисламские времена, и эта картина становится важной частью национального мифа. При этом продолжают исследования по всем упомянутым направлениям, но наблюдается явный крен в сторону изучения доисламского периода мира Индийского океана. Из недавних фундаментальных работ можно назвать двухтомник Ф. Божара¹ и монографию под редакцией А. Шоттенхаммер² – часть большой серии издательства «Палгрейв», посвященной миру Индийского океана, в которой к настоящему моменту вышло 25 томов.

Заключение

Нынешний индийский политический дискурс, основы которого были заложены еще при Неру, остается по сути столь же ригидным, как и полвека назад. В его центре находится представление об Индии как о великой державе, для которой границы региона Индийского океана слишком тесны: он может служить для Индии зоной безопасности, культурного и экономического влияния, но амбиции Нью-Дели им не ограничиваются. Все региональные инициативы, таким образом, играют вспомогательную роль, способствуя реализации главной цели внешней политики Индии: превращению ее в одного из глобальных мировых игроков.

Картина мира Индийского океана, нарисованная усилиями индийских политиков, экспертов и интеллектуалов в рамках нынешнего общественно-политического дискурса, напоминает реалии XIX в., опрокинутые в прошлое. Существовавшая до того момента региональная система характеризовалась признаками, слабо совместимыми как с современным государством-нацией (например, фактической автономией прибрежных городов, неприкосновенностью граждан неприятельских политий до тех пор, пока они ограничиваются торговой или религиозной деятельностью и т.п.), так и с нынешней экономической моделью (торговля преимущественно предметами роскоши, отсутствие контроля за денежными переводами). При этом сам образец – система региона Индийского океана, существовавшая в XIX в., – по-прежнему исключен из схемы «генерация научного знания – формирование новых концепций – их реализация в рамках внешней политики».

Индийское научное сообщество играет в процессе формирования этого дискурса специфическую роль. Можно было бы ожидать, что постепенное расширение научного знания будет способствовать трансформации дискурса; но вместо этого политические элиты и экспертное сообщество извлекают из всего массива знаний то, что подходит для концептуального оформления тактических и стратегических внешнеполитических решений, игнорируя остальное. При этом индийские историки за прошедшие десятилетия стали важной частью тройственного механизма «научное сообщество – экспертное сообщество – политические элиты», необходимого для формулирования и реализации идеологием внешней политики Индии.

1 Beaujard 2019.

2 Schottenhammer 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мировоззрение Джавахарлала Неру / под ред. Б.Г. Гафурова, А.Д. Литмана. М.: Наука, 1973. 212 с. Gafurov, Bobodzhan G., and Aleksei D. Litman, eds. *Mirovozzrenie Dzhavahkharlala Neru*, Moscow: Nauka, 1973 [In Russian].
- Alam, Muzaffar. *The Crisis of Empire in Mughal North India*. Delhi: Oxford University Press, 1986.
- Barnett, Richard. *North India Between Empires: Awadh, the Mughals, and the British 1720–1801*. Berkeley: University of California Press, 1980.
- Baru, Sanjaya. *India's Power Elite: Class, Caste and a Cultural Revolution*. Gurgaon: Penguin Random House India, 2021.
- Basham, Arthur L. *The Wonder That Was India*. London: Sidgwick & Jackson, 1954.
- Bayly, Christopher A. *The Local Roots of Indian Politics: Allahabad, 1880–1920*. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Bayly, Christopher A. *Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Bayly, Christopher A. *Indian Society and the Making of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Beaujard, Philip. *The Worlds of the Indian Ocean: A Global History* (2 vols.) Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Damodaran, Harish. *India's New Capitalists: Caste, Business, and Industry in a Modern Nation*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- Das, Manmath N. *The Political Philosophy of Jawaharlal Nehru*. London: George Allen and Unwin, 1961.
- Duara, Prasenjit. *Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Joseph, Josy. *A Feast of Vultures: The Hidden Business of Democracy in India*. Noida: HarperCollins Publishers India, 2016.
- Joseph, Josy. *The Silent Coup: A History of India's Deep State*. Chennai: Westland Publications: 2021.
- Kidwai, Rasheed. *24 Akbar Road: A Short Story of the People behind the Fall and Rise of the Congress*. Gurgaon: Hachette India: 2011.
- Kohli, Sourendra N. *Sea Power and the Indian Ocean: with Special Reference to India*. New Delhi: Tata-McGraw Hill, 1978.
- Krasa, Miloslav, ed. *Jawaharlal Nehru and the Foreign Policy of India*. Prague: Oriental Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1990.
- Metcalf, Thomas. *Imperial Connections: India in the Indian Ocean Arena, 1860–1920*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007.
- Moro, Javier. *The Red Sari: A Dramatized Biography of Sonia Gandhi*. New Delhi: Roli Books, 2015.
- Mukherjee, Anit. *The Absent Dialogue: Politicians, Bureaucrats, and the Military in India*. New York: Oxford University Press, 2020.
- Nambiar, Odayamadath K. *Our Seafaring in The Indian Ocean*. Bangalore: Jeevan, 1975.
- Onley, James. "Britain's Informal Empire in the Gulf, 1820–1971." *Journal of Social Affairs* 22, no. 87 (2005): 29–45.
- Onley, James. *The Arabian Frontier of the British Raj: Merchants, Rulers, and the British in the Nineteenth-Century Gulf*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Onley, James. "The Raj Reconsidered: British India's Informal Empire and Spheres of Influence in Asia and Africa." *Asian Affairs* 40, no. 1 (2009): 44–62. <https://doi.org/10.1080/03068370802658666>.
- Panikkar, Kavalam M. *Asia and Western Dominance: A Survey of the Vasco Da Gama Epoch of Asian History, 1498–1945*. New York: The John Day Company, 1954.
- Pearson, Michael N. Shivaji and the Decline of the Mughal Empire. *The Journal of Asian Studies* 35, no. 2 (February 1976): 221–235. <https://doi.org/10.2307/2053980>.
- Phillips, Andrew, and Jason C. Sharman. *International Order in Diversity: War, Trade and Rule in the Indian Ocean*. Cambridge University Press, 2015. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316027011>.
- Prakash, Om. *The Dutch East India Company and the Economy of Bengal, 1630–1720*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Range, Willard. *Jawaharlal Nehru's World View: A Theory of International Relations*. Athens: University of Georgia Press, 1961.
- Richards, John F. *Mughal Administration in Golconda*. Oxford: Oxford University Press, 1975.
- Richards, John F., ed. *Kingship and Authority in South Asia*. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1978.
- Richards, John F., ed. *The Imperial Monetary System of Mughal India*. Delhi.: Oxford University Press, 1988.
- Schottenhammer, Angela, ed. *Early Global Interconnectivity across the Indian Ocean World*. 2 vols. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
- Schöttli, Jivanta. *Vision and Strategy in Indian Politics: Jawaharlal Nehru's Policy Choices and the Designing of Political Institutions*. London; New York: Routledge, 2012.
- Sen, Tansen. *India, China, and the World: A Connected History*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2017.
- Sharman, Jason C. *Empires of the Weak: The Real Story of European Expansion and the Creation of the New World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2020.
- Sridharan, K. *A Maritime History of India*. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 1982.

Сведения об авторе

Алексей Владимирович Куприянов,

к.и.н., руководитель Центра Индоокеанского региона, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Куприянов, А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии // Международная аналитика. 2023. Том 14 (2). С. 35–48.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-35-48>

Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India

ABSTRACT

The article examines the relationship between the shaping of Indian foreign policy discourse, macro-historical processes that influence the formation of Indian political elites, and the development of historical knowledge about the Indian Ocean region. Its purpose is to ascertain the factors that influenced the specific perception of India's place in the region by Indian elites and how this perception evolved within the framework of foreign policy discourse. Additionally, the role of historians who have studied the past of the Indian Ocean is explored. The author concludes that the changes in global political discourse following the First World War played a crucial role in shaping the ideas of India's position in the world among the elites. These elites adopted the stance that the nation-state, with its own industrial base, was the only viable option. From the early stages of independent India, its political elites, influenced by British or Anglicized upbringing and education, rejected the notion of continuity between the new Indian state and the British Raj and the possessions of the East India Company. Instead, they attempted to establish historical continuity with pre-British Indian polities. Indian and foreign historians supported them in this endeavor. The author demonstrates how India's political elites utilized the findings of scholars to serve their own purposes, selectively adopting suitable historical narratives while discarding others. This process gradually drew the community of historians into the production of discourse. During the leadership of Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi, the Mughal Empire received the most attention as the last pre-British Indian polity. However, with the Bharatiya Janata Party coming into power, research on Hindu polities and personalities is now encouraged.

KEYWORDS

India, history, political elites, Aligarh school, postcolonialism

Author

Alexey V. Kupriyanov,

PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Head of Centre for the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kupriyanov, Alexey V. "Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 35–48.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-35-48>

Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея

Наталья Николаевна Ким, ИСАА МГУ, Москва, Россия

Александр Валерьевич Соловьев, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: nkim@iaas.msu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется влияние анти- и постколониальных нарративов на формирование политического мифа в КНДР и Республике Корея. Политический миф понимается как дискурсивная система, описывающая путь становления народа и его предназначение через систему знаков и символов. Установив условия сближения исторического нарратива с политическим мифом (драматизм, запрос на значимость, призыв к политическому действию), авторы выделили три группы исторических нарративов, связанных с тремя историческими травмами – утратой независимости, обретением независимости «из чужих рук», разделением народа. Их анализ позволил выделить как общность некоторых элементов политических мифов на Юге и на Севере, так и их особенности, а также выявить ключевые историко-политические обстоятельства, определившие эти сходства и различия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

антиколониализм, постколониализм, КНДР, Республика Корея, исторический нарратив

Введение

И в КНДР, и в Республике Корея (в особенности в официальной историографии) колониальный период – это прежде всего время жестокой эксплуатации страны и народа японскими колонизаторами, период унижений и оскорбления национального достоинства, один из ключевых факторов формирования национальной и государственной идентичности, «воображающей себя»¹ в новом (и во многом чуждом традиции) мире модерна. По справедливому замечанию А.Н. Ланькова, современные общества обоих государств Корейского полуострова в основе своей – постколониальные, еще не оправившиеся от травмы японского колониального господства². Принимая такую характеристику, мы неизбежно оказываемся в эпистемологическом поле критической теории, элементами которой являются изучение наследия колониализма и само понятие «постколониализм». Такой подход предполагает, что подобные исторические нарративы направлены на социально-политическую эмансипацию их носителей и / или мобилизацию их аудитории. Эти нарративы описывают сопротивление корейцев как народа в целом (и до разделения Кореи на два государства, и после) или отдельных групп корейского общества навязываемым им извне отношениям господства и подчинения.

Основной сюжет корейских анти- и постколониальных нарративов – описание ущерба, нанесенного колониальным господством стране и народу (то есть исторической травмы), и преодоления как самой травмы, так и ее последствий. В нашей статье мы покажем как общие для Севера и Юга, так и специфические подходы к репрезентации памяти о прошлом.

Мы считаем возможным разделить нарративы о колониальной травме на три комплекса: нарратив об утрате независимости вследствие аннексии Кореи Японией (1910)³, нарратив об обретении независимости «из чужих рук» (1945 г.), нарратив о разделении народа вследствие противостояния великих держав и о борьбе за объединение полуострова (период холодной войны – настоящее время). Эти нарративы развиваются вокруг преодоления тягот прошлого (и настоящего) ради будущего. Тяготы прошлого – это преодоление исторических обстоятельств травмы (т.е. борьба за независимость). Тяготы настоящего – это преодоление социально-психологических обстоятельств травмы (т.е. преодоление «колониальной ментальности»). Мотив преодоления формирует драматический контекст, сближающий в нашем случае исторический нарратив с политическим мифом. Под политическим мифом здесь мы подразумеваем «систему знаков, претендующую на перерастание в систему фактов»⁴, то есть дискурсивную систему, описывающую путь становления народа и его предназначение. Иными словами, речь идет не о том, насколько представление о собственной политической истории соотносится с исторической действительностью («миф имеет цен-

1 Anderson 1991.

2 Ланьков 2017, 143.

3 Корея начала терять независимость фактически еще в 1905 г., когда ей был навязан договор о японском протекторате («Договор года ыльса»), однако де-юре колонией Корея стала в 1910 г., после подписания Договора о присоединении Кореи к Японии.

4 Барт 1996, 260.

ностную природу, он не подчиняется критерию истинности»¹), а о том, как оно формируется, отображается и воспринимается народом и к каким политическим действиям стимулирует.

Исторический нарратив и политический миф

Ключевой признак сближения исторического нарратива с политическим мифом – выраженный драматизм, отвечающий на «потребность в значимости (или, по Р. Барту, *знаковости*)²», представление истории как «*моральной драмы*»³. Нарратив о травме и ее преодолении, о страданиях и борьбе, о жертвах и трудной победе – это, несомненно, один из самых драматичных общественно-политических сюжетов.

Когда историко-мифологический нарратив созвучен чаяниям аудитории, он начинает «давать имена» предметам и явлениям⁴, резонируя, по метафоре немецкого социолога Х. Розы, с обществом. В «общности нарратива о совместно проживаемых историях»⁵ формируется «более или менее сходное отношение членов общности к своему опыту – подлинному или вымышленному, в котором устанавливается и передается дальше, новым поколениям, понятная связь с миром»⁶. На основе отношения к этому опыту выстраивается групповая (включая национальную, политическую и т.д.) идентичность. Политический миф, призывающий к политическому действию (без этого он не будет политическим мифом), отвечает на потребность в значимости⁷ и обеспечивает уверенность в правомочности такого действия⁸.

Еще одна важная особенность политического мифа – его прагматизм. Ничего «не объясняющий, но констатирующий»⁹ политический миф «должен обеспечивать значимость здесь и сейчас»¹⁰. Иными словами, содержание мифа определяется конкретными политическими задачами в отношении времени, места и целевой аудитории. А это, в свою очередь, придает политическому мифу двойственный характер: дискретность партикуляристского нарратива, направленного на решение конкретной политической задачи, сочетается с его претензией на длительность и даже непрерывность, особенно когда речь заходит об истории (такова, например, мифологема о непрерывной истории государства; сходная природа и у попыток «удревнить» историю). В «работе над историческим мифом» (т.е. в политике памяти) это реализуется через практику «припоминания» и «забывания»¹¹ – актуализации и деактуализации исторических эпизодов в политических целях.

Наглядный пример такой дискретности – риторика политических вождей КНДР. Если, допустим, в 1952 г., в разгар Корейской войны, Ким Ир Сену

1 Барт 1996, 248–249. Р. Барт вообще считал, что «предмет, о котором говорится в мифе, лишается всякой Истории» (Ibid., 278).

2 Ibid. 236.

3 White 1987, 22. Цит. по: Bottici 2007, 204, 213.

4 Ibid. 116.

5 Rosa 2016, 199. Важность совместного проживания и переживания, разделяемого исторического опыта для формирования «воображаемых сообществ» акцентирует и Б. Андерсон (а вслед за ним и все конструктивисты).

6 Филиппов 2023, 67–68.

7 Bottici 2007, 216.

8 Tudor 1972, 134.

9 Барт 1996, 271.

10 Bottici 2007, 214.

11 Подробнее см., например, Stråth 2000; Малинова 2018.

требовалась поддержка всего соцлагеря в неравном противостоянии, то он считал необходимым подчеркивать, что «борьба с империалистами в Корее является не только индивидуальным делом корейского народа, но и частью глобального коммунистического проекта». Это превращало его «из простого диктатора страны третьего мира в борца против колониализма и империализма»¹. Однако, обезопасив страну и утвердив свою личную власть, в 1970-х гг. он уже позволял себе подтрунивать над зависимостью европейских соцстран от Кремля и их низкопоклонством². Но если ситуация того требовала, каждый северокорейский лидер подтверждал верность принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма (так, например, VIII съезд Трудовой партии Кореи (ТПК) завершился исполнением «Интернационала»)³.

Травма утраты независимости – борьба за субъектность

Фактически первым полноценным антиколониальным дискурсом в Корее была интеллектуальная борьба за историю нации между колониальными историками и историками-националистами, корни которой уходят в доколониальный период. Этот дискурс формировался из столкновения нарративов, принижавших и возвеличивавших⁴ корейцев как нацию. Для оправдания ассимиляционной политики в Корее японское правительство использовало положения колониального исторического подхода, в частности т.н. теорию единства крови японской и корейской наций (일선동조론, 日鮮同祖論), теорию зависимости от внешних сил (타율성론, 他律性論), теорию застоя в развитии (정체성론, 停滯性論). Поэтому все усилия корейских интеллектуалов-националистов эпохи японского колониализма и после освобождения были направлены на то, чтобы опровергнуть данные теории. Как замечает Син Сынъёп, «и националистическая, и колониальная наука стремились присвоить национальное прошлое Кореи, чтобы опровергнуть противоположные взгляды на корейскую историю в политических целях»⁵.

Главной политической целью корейской нации в колониальный период было самосохранение. Национализм в этом смысле являлся ответной реакцией на колониализм, и националистическая риторика как таковая была глубоко антиколониальной⁶. Национально-освободительное движение, развернувшееся как в Корее, так и за ее пределами в различных формах и на разной идейной основе, обеспечивало как единый лейтмотив, так и разнообразие антиколониальных нарративов.

1 Чудинов, Чеснокова 2020, 62.

2 Асмолов et al. 2022, 124.

3 Ibid., 125.

4 В самом радикальном изводе нарратив превознесения корейской нации разовьется в нарратив о ее исключительности (см., например, Myers 2010; Стенограмма дискуссии в рамках секции «Корейский политический миф: версии Севера и Юга» на XIII Конвенте РАМИ в МГИМО. 14 октября 2021 г. // Россия в глобальной политике. 14 октября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/12/stenogramma-diskussii-v-ramkah-xiii-konventa-rami-v-mgi-mo.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).), в некотором смысле общий как для северокорейского, так и для южнокорейского политических мифов.

5 Shin 2018, 544–545.

6 Нарратив об утрате независимости как таковой на Севере и на Юге различается не сильно – основной акцент делается на хищническом характере японского империализма (к которому на Севере добавляется критическая оценка исторически детерминированной неспособности феодально-буржуазной Кореи конца XIX – начала XX защитить себя).

Корейские националисты правого толка критиковали эксплуататорскую политику Японской Империи, использовавшую Корею как ресурсную базу, дискриминирующую корейский народ, но не рассматривали колониализм как глобальное явление, имевшее некую единую природу. Перед правыми националистами стояла задача освобождения корейской нации, и все их силы были направлены на ее достижение. Они не использовали т.н. классовый подход в толковании развернувшейся антияпонской освободительной борьбы, исходя из собственного представления о корейской нации как о едином историческом субъекте, а ее суверенитет видели наивысшей ценностью. Поэтому в их нарративе ключевыми понятиями были «нация» (*минчжок*), «свобода» (*чаю*), национальный дух (*минчжок син*). В отличие от левых националистов, правые готовы были положить свои жизни за свободу корейской нации, но, конечно же, не за свободу всех поработанных народов или эксплуатируемых классов. Националистическая историография (*минчжокчуй сагван*) толковала историю как развитие нации, представляющей самостоятельный субъект исторического процесса.

Среди ключевых фигур этого направления (Пак Ынстик, Ан Чжэхон, Мун Ильпхён и др.) стоит выделить Син Чхэхо, которому, по всей видимости, принадлежит первенство в формировании концепции единой корейской нации (включающей нарратив о чистоте крови), а также в адаптации к полемическим нуждам идеи чухе (субъектности), заимствованной транзитом через Японию из немецкой философии¹. В работах Син Чхэхо корейской нации («Я», 我) противопоставлены другие народы, а историческое развитие в целом – это борьба «Я» с «не-Я (Другим)» (非我)².

Левые же националисты уже тогда опирались на ленинское учение об империализме³, но и для них было первичным освобождение от японского колониализма. Антияпонские чувства разделяли огромные массы корейского населения, испытывавшие искреннюю радость и восторг, когда 15 августа 1945 г. было объявлено о безоговорочной капитуляции Японии в войне⁴.

Хороший пример националистических дискурсов – декларации независимости Кореи, подготовленные различными политическими группами в марте 1919 г. Декларация корейских правых националистов и религиозных деятелей, зачитанная 1 марта 1919 г. в Сеуле, начиналась со слов: «Корея – это независимое государство», а «корейцы – самостоятельный народ», «мы навски утверждаем законное право самостоятельного существования нации», «мы провозглашаем это, опираясь на авторитет нашей пятитысячелетней истории», «сегодня наша задача – это только лишь осуществление нашего собственного возрождения»⁵. Япония не называлась врагом и открыто не критиковалась, несмотря на то что именно она лишила корейский народ суверенитета. В декларацию независимости корейских социалистов, подготовленную в Иркутске в мае 1919 г., была заложена иная парадигма: право народов на самоопределение,

1 Подробнее об этом см., например: Robinson 1984, 132–133; Myers 2015, 11–20; Асмолов et al. 2022, 123–124.

2 “민족주의사학 (Nationalist history),” Encyclopedia of Korean Culture, accessed June 25, 2023, <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0020273>.

3 Ленин 1949.

4 Ким 2015, 42–43.

5 Декларация 2009а, 124–125.

критика японского милитаризма и империализма и идея мировой демократии. «Мир должен быть спасен от гибели, в основу переустройства мировой жизни должны быть положены незыблемые принципы свободы, равенства, братства и самоопределения народов»¹. Независимость Кореи важна с точки зрения достижения общего блага народов – во имя свободного культурного развития каждой национальности. «Теперь же Япония для всего мира представляет опасность, которая не будет устранена до тех пор, пока в ее руках будет находиться Корея»².

Северокорейский нарратив антияпонского сопротивления

Ключевая особенность северокорейского нарратива о сопротивлении японским колонизаторам – его постоянное обновление, следующее развитию чучхейской концепции корейской революции с конца 1950-х гг. С течением времени вклад Ким Ир Сена и его ближайших родственников (отца, матери, жены) в дело национально-освободительной борьбы и значение идей чучхе в антиколониальной борьбе и в воссоздании суверенной корейской государственности становился все больше, вытесняя любые иные нарративы³. Неизменным же оставался общий методологический подход к описанию японского режима, который определялся как империалистический, оккупационный, милитаристский и дискриминационный. В основе японского колониализма лежала экономическая эксплуатация корейского народа. «Позитивной стороной» колониальной эксплуатации было зарождение класса промышленных рабочих в ходе индустриализации. Рабочие вели классовую борьбу, противостоя не только японским империалистам, но и «реакционным элементам» внутри Кореи – помещикам и капиталистам⁴. В этом смысле история национально-освободительного движения – это история классового противостояния, первичной задачей которого было сокрушение японского империализма, освобождение Кореи, а потом демократическая революция⁵.

Авторы монографии «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1958) отмечают, что Ким Ир Сен в 1920–1930-х гг. «объединил ряды истинных коммунистов и выработал конкретные мероприятия по организации активной региональной вооруженной борьбы в форме партизанского движения»⁶. При этом ничего не сказано про чучхе, о «Союзе свержения империализма» (1926), созданном якобы Ким Ир Сеном, и о роли отца Ким Ир Сена Ким Хён Джика в национально-освободительном движении. Согласно этому изданию, в 1934 г. Ким Ир Сен объединил партизанские отряды Восточной и Южной Маньчжурии и создал Корейскую народно-революционную армию (КНРА), а в 1935 – Лигу воз-

1 Декларация 2009b, 140.

2 Ibid.

3 Здесь мы выводим за рамки вопрос о том, в какой степени этот нарратив соответствовал историческим фактам. Подробнее о фальсификации истории и мифологизации деятельности Ким Ир Сена и КНРА см., например: Tertitskiy 2021, 164–183; Tertitskiy 2022, 75–97.

4 КНДР 1958, 66.

5 Из приписываемого Ким Ир Сену доклада «Путь корейской революции» (1930 г.): «Основные задачи корейской революции заключаются в разгроме японского империализма и достижении независимости Кореи, вместе с тем в ликвидации феодальных отношений и осуществлении демократии. Исходя из основных задач корейской революции, на данном этапе она носит характер антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции» (Ким 1979, 39).

6 КНДР 1958, 70.

рождения Родины. Программа Лиги содержала «антиимпериалистические и антифеодальные демократические задачи», была «первой в нашей стране революционной программой, творчески применившей теорию марксизма-ленинизма к действительности корейской революции»¹.

В «Современной истории Кореи» (1979) заслуги «великого вождя товарища Ким Ир Сена» описаны более обстоятельно. Упоминаются «Союз свержения империализма» и чучхе как «новая идеология» национально-освободительного движения, позволившая преодолеть фракционность внутри коммунистического движения. Идеи чучхе трактуются как творческое преломление марксизма-ленинизма на основе «практического опыта *самостоятельной* (выделено нами – *авт.*) борьбы»². Именно в такой интерпретации о чучхе было сказано в социалистической конституции КНДР 1972 г. История национально-освободительного движения во главе с Ким Ир Сеном прирастает новыми деталями: вождю приписывается создание Корейской революционной армии и Антиимпериалистического союза молодежи (1930), потом Антияпонской народной партизанской армии (1932) и т.д. На протяжении повествования красной линией проходит идея эффективности чучхе с точки зрения сплочения коммунистического движения и подготовки к свержению сил империализма в Корее³.

В «Очерке корейской истории» (1995) антиколониальный нарратив по-прежнему выдержан в рамках ленинской теории об империализме: «Японская политика экономической экспроприации превращала Корею в источник сырья, объект капиталовложений, рынок сбыта товаров и базу поставки рабочей силы. Страна стала поставщиком дешевой рабочей силы для Японии»⁴. Колониальный режим обострил классовые противоречия и, следовательно, побудил корейский народ встать на путь национального освобождения. В отличие от предшествующих работ, имя Ким Ир Сена впервые упоминается в контексте Первоапрельского восстания 1919 г., когда тысячи корейцев по всей стране выступили против колониального режима под лозунгом предоставления немедленной независимости Корее. Ким Ир Сен, будучи семилетним мальчиком, «участвовал в антияпонском восстании»⁵. В работе огромное внимание уделено революционной деятельности отца Ким Ир Сена Ким Хён Джика, благодаря которому национально-освободительное движение встало якобы «на правильный путь своего развития под знаменем национальной самостоятельности»⁶. Большую роль в развитии движения сыграло организованное Ким Хён Джиком Корейское национальное общество. Фактически деятельность Ким Ир Сена преподносится как продолжение дела его отца, в духе конфуцианской традиции сыновней почтительности⁷.

1 КНДР 1958, 75.

2 Ким 1979, 35. Вопрос об истории и природе «идей чучхе», как и о том, считать ли чучхе идеологией, до сих пор остается предметом академической дискуссии (подробнее об этом см., например: Myers 2015, 3–7; Klug 2019; Асмолов et al. 2022, 121–124). Официальное название идеологии КНДР – «кимирсенизм-кимирченизм» – отражает очевидное стремление поместить северокорейских вождей на один уровень с ключевыми фигурами марксизма-ленинизма.

3 Ким 1979, 186.

4 Ким, Кан 1995, 51.

5 Ibid., 63.

6 Ibid., 87.

7 Не забыты и заслуги прадеда Ким Ир Сена. Северокорейская историография приписывает ему активное участие в уничтожении американского судна «Генерал Шерман» в 1866 г. (Хан 2010, 505).

Точкой отсчета вступления Ким Ир Сена в революционное движение является 1926 г., когда он создает «Союз свержения империализма» и почти сразу же приступает к разработке новой идеологии *чучхе* (в период с 1926 по 1930). Идеи *чучхе*, пишут авторы, заключаются в том, что «хозяевами революции и строительства нового общества являются народные массы и их движущей силой являются тоже народные массы»¹. Подробно описана деятельность Ким Ир Сена в 1930-е гг. по организации партизанского движения, усилению партийной работы (Антаяпонская народная партизанская армия, 1932 г., преобразование ее в КНРА в 1934 г., создание Лиги возрождения Родины в 1936 г. и Единого антаяпонского национального фронта). В отличие от других работ, авторы упоминают о принудительной трудовой и военной мобилизации корейцев в годы китайско-японской войны, а также о женщинах, служивших сексуальными рабынями в японской армии (около 200 тыс. женщин)². Японский режим в эти годы именуется колониально-фашистским. В 1940-е гг. Ким Ир Сен продолжает вести революционную партизанскую войну в Маньчжурии, где он готовится к вооруженному освобождению Кореи³.

Отдельный любопытный элемент северокорейского антиколониального нарратива – народный партизанский эпос, который воспроизводится в КНДР в рамках публицистики, расширяющей официальную агиографию Ким Ир Сена, приключенческой литературы и монументальной живописи⁴. В этих дидактических рассказах обязательно звучит мотив морального и интеллектуального превосходства корейского народа и его вождя над японскими колонизаторами. По ходу сюжета роль протагониста меняется с Героя на Наставника (Ким Ир Сен разъясняет слушателям обстоятельства возникновения той или иной партизанской легенды) – так происходит процесс «работы над мифом»⁵.

Подытоживая анализ северокорейского нарратива антаяпонского сопротивления, можно сказать, что историография КНДР пыталась сочетать ленинский подход к империализму с националистической трактовкой развития исторического процесса, основным субъектом которого объявлен корейский народ во главе с его вождем Ким Ир Сеном. Однако *чучхейский* подход противоречит марксистскому толкованию эволюции истории, в основе которого развитие производительных сил и производственных отношений, а не конкретная личность и творческое волеизъявление народных масс, как нас учит *чучхе*. При сохранении некоторых положений марксизма-ленинизма этот нарратив имеет в целом националистический, *чучхейский* характер, и понять его обстоятельно возможно только в рамках эволюции *чучхе* и концепции корейской революции – то есть в рамках северокорейского политического мифа.

Северокорейский исторический нарратив на разных этапах может приращивать новыми эпизодами, которые реактуализируются по мере политической

1 Хан 2010, 128.

2 Ibid., 222.

3 В 1970-е гг. северокорейская историография практически полностью «забывает» советский период биографии Ким Ир Сена, но в мемуарах вождя об этом говорится.

4 Асмолов 2018, 142.

5 Асмолов et al. 2022, 127–128. «Работа над мифом» – концепция, разработанная Х. Блюменбергом (Blumenberg 1985). Она предполагает сочетание речевого акта и действия в процессе создания и поддержания мифа (Bottici 2007, 99). По сути, такая трактовка созвучна концепции «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса.

необходимости¹. В условиях, когда исторический дискурс конструируется с опорой на мифологемы, а не на объективные факты, возможны и совершенно непредсказуемые сценарии.

Национализм как основа антиколониального нарратива в Южной Корее

После освобождения Кореи интеллектуальные традиции историков-националистов на юге страны подхватила получившая в южнокорейской историографии широкую популярность теория колониальной эксплуатации (*синминчжи сутхаллон*). В ней колониальная политика рассматривается в рамках модернизационной модели, но исключительно в негативной коннотации, то есть как провальная и неудачная модернизация. Модернизационная модель в свою очередь использовалась корейскими историками-националистами намеренно, с тем чтобы опровергнуть положения японских историков колониальной исторической школы (*синмин сахак*), выделявших позитивные результаты модернизации Кореи колониального периода. Наиболее ярким представителем современной южнокорейской националистической историографии является Син Ёнха, в работах которого последовательно доказывается, что колониальный режим был исключительно эксплуатационным, направленным на уничтожение корейской нации, ее ассимиляцию японской нацией, а также что экономическое развитие Республики Корея никак не связано с эпохой японского империализма².

Официальный политический дискурс в Южной Корее по вопросам колониального прошлого также выдержан в рамках теории колониальной эксплуатации, но отличается националистической риторикой. Показательными в этом отношении могут быть выступления корейских президентов по случаю празднования Дня народного восстания 1 Марта, в которых нация как единое и неделимое целое – один из ключевых тезисов, причем раскрывается он в контексте партикуляристских политических задач, современных выступающим. Из выступления президента Но Мухёна (2003–2008) в 2004 г.: «85 лет назад, охватив весь народ, развернулось Первоапрельское движение. Действительно, это было глубочайшее по своему значению событие, когда народ был един [...]. В основе единства был дух самостоятельности и независимости нашего народа. [...] Была душа. Был универсальный принцип человеческого общества, называемый “свобода и равенство”. Этот принцип – вечная ценность, не меняющаяся, какие времена ни наступали бы и как жизнь ни развивалась бы. После было создано Шанхайское Временное правительство, движение за независимость усилилось, и по всему миру широко прославились дух и воля корейцев»³. Похожие идеи, несмотря на

1 Яркий пример такого прирастания – история «партизанских деревьев» с лозунгами, призывавшими на борьбу с японскими оккупантами. Эти деревья начали «обнаруживать» в конце 1950-х гг. в окрестностях горы Пэктусан, где, согласно официальной историографии, базировалась партизанская армия Ким Ир Сена (поначалу, кстати, в лозунгах он не упоминался – имя вождя возникает на них с начала 1960-х). Затем эти деревья начали находить по всей стране, причем содержание партизанских лозунгов соответствовало политическим требованиям момента обнаружения этих деревьев (так, в 1970-е обнаружили лозунги, подчеркивавшие преданность партизан младенцу Ким Чен Иру). Со временем эти деревья прочно обосновались как в официальной агиографии семьи Ким, так и в официальной историографии борьбы за независимость, образовав очередной мемориативный комплекс (подробнее об этом см.: Ланьков 2020, 62–65).

2 Ким 2014, 177–185.

3 제85주년 3·1절 기념사 (Congratulatory Speech on the Occasion of the 85th Anniversary of March First Uprising), accessed June 28, 2023, <https://archives.knowhow.or.kr/record/all/view/86811>.

существенные различия в политическом режиме, присутствовали в поздравительной речи президента Чон Духвана в 1982 г.: «Благородный национальный дух наших предков, которые 63 года назад с голыми кулаками восстали против угнетения иноземцев, пробуждает нас к новой решимости в эпоху, когда высшими задачами являются национальное единство и национальный скачок... Когда самостоятельность и независимость потеряны, нация становится не более чем скитальцем, и в итоге даже ее имя исчезает из истории»¹.

Неизменным элементом антиколониального нарратива является идея недопустимости уничтожения корейцев как нации, объединенной единым языком, кровью и культурой (историей)². Самым страшным преступлением японского колониализма остается политика ассимиляции корейской нации, осуществлявшаяся под лозунгом «Внутренние земли и Корея – едины» (кор. 내선일체, япон. 内鮮一体), и превращение корейцев в подданных японского императора (1937–1945).

Превознесение нации, ее отважной борьбы с японскими оккупантами стало предметом государственной политики и остается таковым по настоящее время. Изложение истории колониального периода в школьных учебниках полностью подчинено этой задаче: ключевым здесь является история национально-освободительного движения и акцентирование внимания на отдельных кампаниях националистического толка (движение за сохранение национальной истории и корейского языка, кампания в поддержку отечественных производителей) и действиях колонизаторов, направленных на ассимиляцию корейцев³. В современных южнокорейских работах по истории национальной борьбы можно даже обнаружить следы северокорейского нарратива об антияпонской борьбе – упоминаются и Ким Ир Сен с его «Обществом возрождения Отечества» и «Союзом национального освобождения Кореи», и рейд на Почхонбо (хотя он и не наделяется такими эпическими характеристиками, как в КНДР, но все же называется «битвой»)⁴. В южнокорейском нарративе – так же, как и в северокорейском – подчеркивается историческое «чувство превосходства» корейцев над японцами «в культурном плане»⁵.

Общенациональное празднование Первоапрельского восстания и Дня освобождения (15 августа) также призвано объединять корейцев вокруг идеи борьбы с колонизаторами и сохранения себя как нации.

Травма обретения независимости – борьба за значимость

В 1948 г. в речи, посвященной десятой годовщине гибели одного из выдающихся деятелей борьбы за независимость Кореи Ан Чханхо, перед его портретом другой известнейший лидер националистов Ким Гу с горечью заметил: «Учитель, если освобождение нашей родины разделить на десять частей, то семь из них

1 “제63주년 3·1절 기념사 (Congratulatory speech on the occasion of the 63rd anniversary of March First Uprising),” accessed June 28, 2023, https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306877.

2 В условиях проводимой южнокорейским правительством в XXI в. политики мультикультурализма наблюдается отход от традиционного историко-культурного подхода к определению корейской нации, но пока еще рано говорить о полном отказе или переосмыслении: единство крови, языка и культуры является важным для самоидентификации корейцев сегодня, в том числе с точки зрения обоснованности объединения Кореи.

3 국사편찬위원회.

4 Джан 2015, 250–251.

5 Пан 2015, 82.

были достигнуты кровью наших патриотов. Но, к сожалению, понимание факта, что оставшиеся три части были достигнуты не нашими силами, означает необходимость внести новый анализ нашего освобождения в энциклопедию, иначе оно обретет странный смысл»¹.

Свобода, полученная «из чужих рук», имела горький привкус. И многие лидеры национально-освободительного движения, по всей видимости, интуитивно понимали, что травма от этого ощущения может оказаться не менее болезненной, чем от колониальной зависимости. Поэтому и в вопросе освобождения нарратив субъектности корейцев и значимости их собственного вклада, их борьбы играл важную роль, причем с первых же дней избавления от колонизаторов. Так, передачу власти от японской колониальной администрации в руки корейцев один из лидеров народно-освободительного движения Ё Унхён обусловил обязательным суверенитетом (*чучхечжогыро*) корейцев в вопросах обеспечения собственной безопасности². Крайне болезненно корейцы восприняли и решение Московского совещания министров иностранных дел о пятилетней международной опеке, призванной помочь «политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи»³. Это решение было унижительным для корейцев – в их глазах они сменили одно господство на другое.

Следы этой травмы можно найти и в современной южнокорейской историографии. Так, авторы коллективной монографии «История движения за независимость Кореи» (2015), подготовленной Институтом по изучению истории движения за независимость Кореи, в финальной главе сетуют на то, что «большинство корейцев не считает, что освобождение было достигнуто нашими силами» и «Союзные государства (страны антигитлеровской коалиции – *авт.*) не признали роль Кореи в борьбе с Японией»⁴. Рефлексия по поводу значимости усилий корейского народа в борьбе за освобождение формирует один из лейтмотивов этой книги.

На повышение этой значимости фактически направлены и международные коммеморативные практики, в последние годы играющие немаловажную роль в дипломатии Республики Корея. Под патронажем южнокорейских дипломатов возводятся памятники героям освободительного движения в России и странах СНГ, в Южную Корею перевезены и торжественно перезахоронены останки Хон Бомдо и Ке Бону⁵. Такие активные (если не сказать агрессивные) меры позволяют говорить о попытках «присвоения» исторической памяти о героях национально-освободительного движения.

В КНДР нарратив о субъектности корейцев в деле освобождения от колониального господства также видоизменялся по мере укрепления личной власти Ким Ир Сена. Немаловажным драйвером внутривосточных процессов на Севере

1 Хан 2015, 310–311.

2 Myers 2015, 12–21.

3 Инициатива введения режима опеки принадлежала США. См.: Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства (16–26 декабря 1945 года). Корея. 27 декабря 1945 года. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/jbwci> (дата обращения: 28.06.2023).

4 Хан 2015, 313.

5 Сон б.д.

стала фракционная борьба, развернувшаяся в политическом руководстве КНДР после завершения Корейской войны и смерти Сталина. Свою роль сыграл и XX съезд КПСС – выступление Н.С. Хрущева с «разоблачением культа личности» стало шоком для политических элит социалистических стран. А в 1956 г. произошла попытка отрешения Ким Ир Сена от власти (не без участия политического руководства СССР и КНР)¹. В ответ Ким Ир Сен резко ужесточил внутривнутрипартийные репрессии («зачистка» фракционеров началась еще в 1953), что к концу 1950-х гг. привело к утверждению и консолидации его единоличной власти, а к концу 1960-х гг. оформилось в идеологему «восхваления вождя»². Эти процессы потребовали первой серьезной редакции политического мифа (в частности, именно к этому периоду относят первое использование Ким Ир Сеном термина чучхе³). Следуя за эволюцией нарратива о роли вождя в освобождении страны, можно проследить и эволюцию северокорейского вождизма в целом.

Так, еще в конце 1950-х гг. северокорейская историография признавала, что поражение японского империализма и освобождение Кореи стали возможными благодаря вступлению Советского Союза в войну с Японией 9 августа 1945 г.⁴ К 1980-м гг. нарратив сменился: освобождение Кореи состоялось уже благодаря реализации плана Ким Ир Сена, который предусматривал взаимодействие с Красной армией. «Не прошло и недели после начала операции КНРА по освобождению Родины, как империалисты Японии поспешно объявили о безоговорочной капитуляции 15 августа 1945 года»⁵. В середине 1990-х гг. происходит окончательное «забывание» роли Красной армии. Согласно «Очерку корейской истории», 9 августа 1945 г. в соответствии с разработанным Ким Ир Сеном планом КНРА приступила к освобождению родины. Роль СССР сводится к совещательной: накануне, в июле 1945 г., Ким Ир Сен «обсуждал вопрос о взаимодействии с советскими войсками» в Хабаровске с высокопоставленными военными командирами. «Получив сокрушительный удар от соединений КНРА» и корейского народа, японские империалисты 15 августа вынуждены были капитулировать. Все заслуги по освобождению Кореи авторы приписывают КНРА во главе с Ким Ир Сеном. Такая трактовка освобождения однозначно соответствует идеям чучхе о роли народных масс в истории и принципу самостоятельности и национальной независимости. Победа над японским империализмом при этом означала завершение антиколониальной борьбы, но не корейской революции. «Разгромив японский империализм – ударный отряд международного фашизма в Азии, корейская революция внесла свой активный вклад в спасение человечества от фашистского порабощения, сыграла громадную роль в открытии эпохи крушения колониальной системы империалистов»⁶.

В южнокорейском историческом дискурсе факт освобождения Кореи Красной армией также замалчивается, упоминается только факт высадки

1 Подробнее об этих событиях см. Ланьков 2009.

2 Стенограмма дискуссии в рамках секции «Корейский политический миф: версии Севера и Юга» на XIII Конвенте РАМИ в МГИМО.

3 Утверждается же этот термин в северокорейском политическом нарративе только к середине 1960-х – в отличие от Юга, где он был в ходу с середины 1950-х (Myers 2015, 13).

4 КНДР, 82.

5 Ким 1979, 186.

6 Ким, Кан 1995, 249.

американских войск на Юге Кореи в сентябре 1945 года. Освобождение Кореи иностранными силами остается одним из самых болезненных эпизодов национальной истории, который умаляет национальную гордость корейцев, поэтому об этом предпочитают «забывать».

Травма разделенности – борьба за статус

На развитие постколониального нарратива в КНДР и РК огромное влияние оказали общие структурные процессы международной системы – глобальная деколонизация и противостояние социалистической и капиталистической систем. Следствием первой стала сама возможность для бывших колоний определять свое будущее, а вторая вписывала национальную эмансипацию в гораздо более широкий контекст. Советский Союз активно использовал антиимпериалистическую доктрину для продвижения своего влияния в странах Азии и Африки. Северная Корея в этом отношении была идеальным объектом влияния: десятилетиями дискриминируемый корейский народ воспринял антиимпериализм как адекватное решение для определения своего отношения к колониальному прошлому и суверенному будущему.

Руководство КНДР сразу после освобождения от японского колониализма стало бороться с американским влиянием и присутствием. В отличие от Южной Кореи, в КНДР не произошло переосмысления основ отношений общества и власти внутри колониальной системы: неоколониализм определяется через те же свойства, что и колониализм XIX–XX вв., с опорой на ленинскую теорию об империализме – даже в постколониальный период. Вообще, северокорейский политический миф постулирует обязательную приверженность догматам в их изначальном, неизменном виде¹, поэтому в отношении КНДР понятие «постколониализм» скорее описывает период времени после освобождения страны, чем характер дискурса.

Раскол Кореи в 1948 г. вследствие противостояния великих держав в годы холодной войны² актуализирует в общественном пространстве проблему объединения. Нарратив об объединении развивается параллельно с нарративами о нациестроительстве, формируя сложную ткань национального политического мифа.

Следует также отметить, что в 1960–1990-е гг. в обеих частях разделенной страны усиливается звучание нарратива линии крови (*пхитчхоль* / *хёльтхонь*), или «чистой крови», как основы единства нации³. В этот период тема крови, входящая еще к доколониальным временам (а в колониальные ставшая одним из дискурсивных способов борьбы за субъектность), выделяется уже в полноценный отдельный нарратив. Актуальна она в различных изводах (от сугубо примордиалистских до метафорически-конструктивистских) и сейчас как на Севере, так и на Юге.

- 1 Верность заветам Ким Ир Сена считается в КНДР одной из основ государственности и одной из главных обязанностей национального лидера: «уважаемый и любимый товарищ Ким Чен Ын, без самых малейших изменений, в первозданном виде продолжает мысль и намерения великих вождей» (Тань 2014).
- 2 Фактически Корея была разделена непосредственно сразу после освобождения по 38 параллели в связи с договоренностями между СССР и США о принятии капитуляции японской армии в 1945 г.
- 3 Подробнее о нарративе линии крови и чистоты крови в контексте нациестроительства в Корею см., например: Myers 2010; Крулякко, Акуленко 2017; Hyun 2019; Roebuck 2022; Асмолов et al. 2022, 125.

Нарратив борьбы с американским империализмом в Северной Корее

Оказавшаяся в период холодной войны в социалистическом лагере КНДР автоматически противопоставила себя капиталистическим державам, прежде всего – США. Борьба с американским империализмом в Северной Корее была борьбой с конкретной осязаемой внешней силой, считавшейся главным виновником раскола Кореи, «кровным врагом корейского народа». Если критика японского колониализма в северокорейской исторической литературе или периодической печати ведется в основном в воспитательных целях¹, то критика американского империализма красной линией проходит через многочисленные выступления северокорейских вождей, посвященные вопросам международных отношений, внутренней и внешней политики КНДР.

До начала Корейской войны критика американского империализма сводилась к обвинениям США в том, что они подавляют демократические силы на Юге Кореи и противодействуют формированию единого правительства. По мере обострения внутривнутриполитической ситуации на Юге критика американской политики в Корее становилась все более жесткой и категоричной. Вместе с США Ким Ир Сен осуждал действия их «прислужников», реакционных сил во главе с Ли Сын Маном. Ситуация в Южной Корее при американской военной администрации стала сравниваться с эпохой японского империализма, когда политические свободы подавлялись, а крестьяне и рабочие подвергались «жестокой эксплуатации»². Естественным образом в антиколониальном нарративе возникло противопоставление Северной Корее Южной: Север описывался как «край демократии», Юг – «край реакции, убийств и разрушений»³.

Отказ США от участия в совместной советско-американской комиссии, передача корейского вопроса на рассмотрение ГА ООН, равно как и отказ от советского предложения о выведении оккупационных войск из Кореи стали водоразделом в критике американского империализма в Корее (август–октябрь 1947). Для северокорейского руководства это означало, что США больше не настроены на диалог с СССР, не поддерживают формирование единого правительства с участием коммунистов, а значит, их империалистические намерения в Корее очевидны. Начавшаяся Корейская война (1950–1953) окончательно укрепила руководство Северной Кореи во мнении, что нет более злейшего врага, чем американский империализм. Война преподносилась как борьба против марионеточного режима Ли Сын Мана, чьи войска вероломно напали «на территорию северной части Республики»⁴. Но сделала это лисынмановская клика не самостоятельно, а «по указке американских империалистов», да еще и в сговоре с японскими милитаристами – такими же «заклятыми врагами корейского народа»⁵.

1 Периодические издания КНДР регулярно публикуют статьи и фотографии, повествующие о зверствах японских колонизаторов. Помимо прочего, в КНДР созданы различные мемориальные объекты, которые также используются в воспитательных и просветительских целях, формируют устойчивые представления в массовом сознании об эксплуататорском характере японского колониализма и славной борьбе корейского народа за освобождение (дом-музей Мангён-дэ, Тэсонсанское мемориальное кладбище революционеров, Музей революции и др.).

2 Ким 1976, 118–119.

3 Ibid., 230.

4 Ibid., 304.

5 Ibid., 305.

Поэтому неслучайно в северокорейской историографии Корейская война официально именуется «Отечественной освободительной войной».

Окончание Корейской войны и подписание соглашения о перемирии считали в Северной Корее победой сил демократии (КНДР, КНР) в борьбе за свободу и независимость Кореи, первым шагом на пути к мирному объединению родины. На этом пути требовалось для начала сосредоточить все силы на восстановлении народного хозяйства, создать прочный базис социалистической экономики в «северной части Республики». Заключение Южной Кореей договора о взаимной обороне с США было воспринято как предательский акт со стороны Ли Сын Мана, «преследующий цель узаконить вечное пребывание войск американских захватчиков в Южной Корее и при случае нарушить соглашение о перемирии...»¹. Так в северокорейском антиколониальном нарративе появился тезис о выводе американских войск из Кореи, который сохраняется по сей день и является условием для объединения Кореи².

После Корейской войны Северная Корея официально придерживалась мирного решения вопроса объединения страны, хотя и не исключала вооруженное. Поэтому и формат взаимоотношений с американским империализмом, виновником раскола Кореи, мог быть различным. Мирные формы борьбы с американскими империалистами сводились к укреплению идеологической работы в массах, «повышению революционной сознательности населения южной части», тогда как вооруженные – к «ослаблению сил империализма в результате большой войны» (мировой войны, а не локального конфликта). КНДР неоднократно призывала США заменить соглашение о перемирии на мирный договор и вывести войска из Южной Кореи³. Антиимпериалистическая риторика, таким образом, тесно вплетена в нарратив объединения страны: любые действия США и Южной Кореи, вроде проведения масштабных военных учений, размещения дополнительных вооружений, расцениваются как ущерб объединению, а следовательно, и национальному суверенитету.

В XXI в. в Северной Корее по-прежнему жестко критикуют американский империализм. В прессе и в выступлениях Ким Чен Ына по отношению к США используются термины «американский империализм», «заклятый враг», «монстр», «империя зла», действующая заодно с «бандой марионеток» (Южной Кореей) против суверенитета КНДР и ее политики развития сил ядерного сдерживания⁴. США и «марионеточную» Южную Корею упрекают в попытках развязывания ядерной войны против Северной Кореи, угрозах ликвидировать северокорейский режим. Для противостояния американскому империализму Ким Чен Ын призывает укреплять антиимпериалистическое, антиамериканское классовое воспитание корейского народа, от которого зависит «будущее революции

1 Ким 1976, 443.

2 Три основных принципа объединения – самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация – прописаны в Совместном заявлении Юга и Севера от 4 июля 1972 г. Последующие декларации (2000, 2007, 2018) основывались на этих принципах. Пребывание иностранных войск в Корее противоречит принципу самостоятельности. Требование вывести войска из Южной Кореи, а также ядерное оружие и оружие массового истребления обсуждалось между сторонами в ходе обмена мнениями, но никогда не включалось в текст совместной декларации (Предложения КНДР...1982, 168).

3 Ким 2012, 12–13.

4 "로동신문 (Rodong Sinmun)," May 4, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jbwcy>.

и страны»¹. В прессе появляются различные публикации, повествующие о собраниях общественности, участники которых выражают свое негодование в адрес США и их приспешников и подтверждают готовность бороться за независимость Республики. Как и в предшествующий период, придерживаясь преимущественно мирного способа разрешения противостояния с США, КНДР не отрицает возможность вооруженной борьбы. Корейская народная армия, как пишет пресса, вооружена современным оружием – термоядерным и гиперзвуковым, сплочена вокруг верховного главнокомандующего «перед лицом постоянной ядерной угрозы со стороны США» и всегда готова к сражению².

Фактически, при Ким Чен Ыне антиколониальный нарратив в КНДР существенно не изменился. Ким Чен Ын последовательно развивает ту же идеологическую линию, что и его отец, и дед (см. выше о приверженности догматам). Единственное новое, что появляется в этом антиколониальном дискурсе, относится к России, которую в прессе нередко упоминают в контексте текущего ее противостояния с Западом. После распада Советского Союза Россия в северокорейском антиколониальном дискурсе на время утратила статус страны, стоящей в авангарде борьбы с империализмом и колониализмом. Но теперь мы снова видим упоминание о ней в прессе в контексте антиколониальной борьбы.

Постколониальный дискурс в постколониальной Южной Корее

Нарратив сохранения единства корейской нации, а точнее, ее объединения в связи с разделением Кореи на два государства в 1948 г. стал в Южной Корее интердискурсивным явлением в антиколониальном дискурсе национально-освободительной борьбы после освобождения. В определенном смысле даже можно говорить, что нарратив объединения – это постколониальный нарратив и его можно рассматривать как самостоятельный. Но нарратив объединения стандартно возникает в контексте памятных мероприятий, будь то освобождение и воссоздание корейской государственности или Первомартовское восстание, которые выше мы отнесли к антиколониальному дискурсу. Наложение дискурсов доказывают многочисленные выступления южнокорейских президентов по случаю празднования Первомартовского восстания и Дня освобождения, начинающиеся с констатации освобождения и борьбы за независимость и заканчивающиеся вопросами объединения Кореи³. Нарратив объединения оказывается тонко вплетен в антиколониальный дискурс национально-освободительной борьбы и борьбы за независимость. При этом он и хронологически, и по своей интенции является скорее постколониальным, формируя самостоятельный постколониальный дискурс единства нации.

Постколониальный дискурс также формирует нарратив жертвенности Кореи в годы японской оккупации. Этот нарратив в свою очередь распадается на

1 “로동신문 (Rodong Sinmun)”, May 5, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jbwddc>.

2 “로동신문 (Rodong Sinmun)”, April 21, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jbwdfw>.

3 Случайная выборка речей президента Пак Чонхи в День освобождения (кванбокчоль) за 1970, 1974 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/jbwddm> (дата обращения: 28.06.2023); Речь президента Ким Дэчжун в 1998 г. по случаю празднования Первомартовского восстания. [Электронный ресурс]. URL: https://ko.wikisource.org/wiki/제79주년_삼일절_기념사 (дата обращения: 28.06.2023); Речь президента Пак Кынхе в День Первомартовского восстания в 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.co.kr/news/politics/5463499> (дата обращения: 28.06.2023).

нарратив о «женщинах для утешения» (*вианбу*), обманным путем мобилизованных японскими колониальными властями для работы на «станциях утешения», и жертвах принудительной трудовой и военной мобилизации. Хотя о принудительной мобилизации, в том числе и о *вианбу*, было известно в Корее и Японии еще в 1950–1980-е гг., по ряду причин об этом активно не писали в прессе и не обсуждали в обществе до 1990-х годов. По замечанию Мин Пёнгап, память о *вианбу* замалчивалась потому, что послевоенное японское правительство скрывало информацию о преступлениях милитаристской Японии, государства-союзники не проявляли большого интереса к азиатским жертвам японского милитаризма, в то время как в самой Южной Корее господствовали военно-авторитарные режимы и доминировали патриархальные взгляды и ценности, мешавшие жертвам выступить с публичными откровениями¹.

С началом либерализации политического режима в Южной Корее на рубеже 1980–1990-х гг. эта тематика реактуализируется в общественном дискурсе. Ведущими мнемоническими акторами в этом процессе были общественные организации – Объединение женщин протестантских церквей Кореи (*Хангук кёхва ёсон ёнхапхва*) в Южной Корее, а в Японии – объединения корейских соотечественников – *Мундан* и *Чонрён*, а также левые японские интеллектуалы². В Южной Корее с 1990-х гг., а во втором десятилетии XXI в. и в разных городах мира³, создаются места памяти жертв «станций для утешения», подобные Дому «женщин для утешения»⁴ или памятникам «Девушке мира» (*пхенхваый сонёсан, вианбу киримби*), которые символизируют молодую девушку – *вианбу*⁵. С 2017 г. 14 августа официально стал днем памяти жертв – *вианбу* (*вианбу пхихэчжа киримиль*).

«Женщины для утешения» формально являлись принудительно мобилизованными на заводы или фабрики, но фактически привлекались к работе в военных борделях. Поэтому наряду с актуализацией памяти о *вианбу* активно стали вспоминать жертв принудительной трудовой и военной мобилизации в годы японской оккупации. В 2007 г. парламент РК принял Закон о помощи жертвам принудительной мобилизации внутри страны и за рубежом в период войны на Тихом океане, в 2010 г. – Закон о сборе сведений о жертвах принудительной мобилизации и помощи жертвам внутри страны и за рубежом в период анти-японского сопротивления. Принятие «исторических законов» о жертвах принудительной мобилизации означало, что государство придает огромное значение сохранению памяти о пострадавших. Как и с *вианбу*, акцент сделан на жертвенности корейцев в колониальный период. Наряду с тезисом об эксплуатации корейского народа, развиваемом в антиколониальном дискурсе, появляется новый нарратив Кореи – жертвы, который делает, казалось бы, давно разрешенный вопрос о колониальном наследии и ответственности Японии вновь актуальным.

1 Min 2021, 32.

2 Ким 2019, 132–133.

3 “KBS News,” March 9, 2017, accessed June 28, 2023, <https://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=3442342>.

4 Этот Дом служит и музеем, и местом проживания оставшихся в живых «женщин для утешения» (на 2 мая 2023 г. их оставалось всего 9 из 240 официально зарегистрированных). См. “‘위안부’ 피해자 할머니 벌써... 생존자 이제 9명(‘Comfort Women’ victim Grandmother Starve... Survivors now 9),” Hankyoreh, May 2, 2023, accessed June 28, 2023, https://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/1090307.html.

5 Корея. Коллективная фотовыставка «Коллективная память о японском милитаризме» // НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://oriental.hse.ru/hismem/photoex_korea (дата обращения: 28.06.2023).

Создание различных мест памяти жертв принудительной мобилизации в Южной Корее призвано напомнить всему миру в XXI в., что японское правительство использовало принудительный труд в своих милитаристских целях и при этом до сих пор не понесло за это никакого наказания. За скобки нарратива выводится то обстоятельство, что и японские подданные подлежали трудовой и военной мобилизации, а не только народы колоний или оккупированных территорий¹. На сегодняшний день в Южной Корее функционирует Фонд помощи жертвам принудительной мобилизации (2014) и Национальный музей истории принудительной мобилизации (2014), в Сеуле на станции метро Ёнсан установлена статуя рабочего – жертвы принудительной мобилизации (2017), в г. Пусан и г. Чхонан воздвигнуты памятники жертвам принудительной мобилизации. Места памяти не только служат символическим напоминанием о преступлениях колонизаторов, но и выполняют просветительскую функцию – на их территории организуют выставки, лекции и семинары. Таким образом тема принудительной трудовой и военной мобилизации последовательно поддерживается в общественном дискурсе, учебной и просветительской литературе. Требование же к японским компаниям выплатить корейским рабочим материальную компенсацию вывело дискурс за рамки внутринационального, сделав проблематику принудительного труда предметом международного спора между Южной Кореей и Японией о том, должна ли Япония сегодня нести материальную ответственность за колониальную политику².

Если нарратив Кореи-жертвы соответствует основным положениям националистической историографии о колониальной эксплуатации, то теория колониальной модернизации, разрабатываемая исследователями Института Наксондэ Сеульского национального университета, представляет собой попытку тотального пересмотра сложившегося антиколониального дискурса и, таким образом, порождает еще один постколониальный нарратив – колониальной модернизации. Во-первых, в рамках данной теории сомнению подвергается тезис о нещадной эксплуатации корейцев в период японской оккупации и, как следствие, якобы отсутствию какого-либо значимого роста и развития. «Ученые института показали, что с 1911 по 1940-е гг. производство продукции на душу населения возросло. При этом увеличение доходов собственно японских граждан и уменьшение доходов корейцев еще не означало неравного распределения доходов между двумя группами населения в Корее»³. Во-вторых, в работах исследователей Наксондэ, преимущественно экономистов, доказывается, что существует прямая связь между современной рыночной экономикой Южной Кореи и экономикой колонии. Не одобряя сам факт колонизации Кореи Японией, сторонники теории колониальной модернизации позитивно оценили снижение безграмотности населения, развитие инфраструктуры, строительство промышленных предприятий и другие элементы «модернизации», которые никак не учитывались националистической историографией, поскольку последняя фокусировалась исключительно на эксплуатации корейского населения.

1 Ким 2022, 61–62.

2 В КНДР в этом направлении активно действует (в том числе и на международной арене) «Корейский комитет по возмещению ущерба жертвам японской армии, принудительной мобилизации и «женщинам для утешения», а впервые этот вопрос был поднят, согласно официальной историографии, Ким Ир Сенем еще в 1943 г. (Ким 1943).

3 Ким 2014, 179.

Этот подход становится элементом нового нарратива – нарратива о «диалоге с Другим», который развивается в духе идей М.М. Бахтина 1920-х гг. об экзистенциальной необходимости «Другого» для осознания себя¹. В его рамках японский колониализм предстает уже не как безусловный враг корейского народа, но как значимый «Другой». Это позволяет по-иному рефлексировать роль Японии в формировании корейской нации, переосмысливать колониальное наследие и менять отношение к коллаборационистам, которые из безусловных «национал-предателей» превращаются, скорее, в жертв обстоятельств². В южно-корейском кинематографе переосмысливаются даже такие исторические фигуры, как Ким Вонбон, которого прежде стигматизировали как коммуниста и, соответственно, врага³.

Заключение

Публичная репрезентация истории движения за независимость в Корее в КНДР осуществляется скорее в поле *исторической политики*, тогда как в случае Республики Корея – в поле *политики памяти*. Различие между этими пересекающимися понятиями определяется составом и сферой деятельности мнемонических акторов. Если историческая политика, по определению А.И. Миллера, заключается в «использовании государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»⁴, то политику памяти О.Ю. Малинова предлагает понимать как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования»⁵.

В КНДР главным (и, по сути, единственным) мнемоническим актором является государственная идеологическая машина, следующая запросам власти на те или иные нарративы. Иными словами, в КНДР политика памяти и историческая политика тождественны. Эти запросы формируются в соответствии с политической необходимостью, которая и определяет доминирующие в каждый конкретный момент акценты. Критика японского империализма и колониализма естественным образом перетекает в критику империализма и колониализма американского. Структурными элементами антиколониального нарратива остаются темы независимости, субъектности, освобождения, господства, подчинения, дискриминации, эксплуатации, реакции, классовой борьбы, чужде, корейской революции и, конечно, центральной роли ее вождя. В основе нарратива борьбы с американским империализмом – история противостояния левых (демократических) и правых (реакционных) сил в Корее, Корейская война, объединение, становление сил ядерного сдерживания КНДР, национальная независимость и самостоятельность.

1 Бахтин 1986.

2 См., например, Kim et al, 2013; Kang 2017; Shin 2018; Scholl 2019. Корпус подобных работ весьма обширен.

3 Стенограмма дискуссии в рамках секции «Корейский политический миф: версии Севера и Юга» на XIII Конвенте РАМИ в МГИМО.

4 Миллер 2012, 19.

5 Малинова 2018, 33.

Впрочем, в северокорейском нарративе можно обнаружить и некоторые признаки «постколониальности» – американский экспансионизм в КНДР объясняется преимущественно через установление *отношений господства и подчинения*¹ скорее социально-политического, а не экономического характера². Кроме того, сама возможность выделить в северокорейском нарративе мотив рефлексии «трех исторических травм» также может истолковываться в постколониальном ключе.

В Республике Корея, при безусловном преобладании официального исторического нарратива, все же можно говорить о формировании историко-политического дискурса хабермасовского типа – «идеальной речевой ситуации», диалога разных, даже противоположных нарративов с целью достижения общественного согласия по значимому вопросу³. Этому способствует разнообразие мнемонических акторов и общественно-политических целей, которые они преследуют. Разумеется, до достижения общественного согласия в этом отношении южнокорейским историкам, политикам и активистам еще далеко – дебаты в самом разгаре⁴. Современный постколониальный дискурс в Южной Корее приобретает характер критического не только по отношению к колониальному или империалистическому господству, но и (в различных своих изводах) по отношению к противоборствующим историко-политическим трактовкам особенностей такого господства.

В нем прослеживается множество общих мотивов с северокорейским нарративом (драматическая рефлексия «трех травм», оценки колониальной политики Японии, запрос на особую значимость национально-освободительной борьбы и ее героев). Это отражает историческую общность восприятия на Севере и на Юге политических задач периода колониализма и даже начального периода разделения страны – выживание нации, сохранение ее достоинства, обретение независимости и, наконец, объединение страны (даже в мотивах послевоенного восстановления экономики и хозяйства можно обнаружить схожесть). Различия же в нарративах начинают формироваться по мере развития государственности в КНДР и РК. Все более существенное расхождение в принципах построения и управления государством реализуется во все более существенном расхождении общественного опыта, а значит, разнятся и запросы на содержание политического мифа, и методы «работы над мифом», и состав участников этой работы.

1 Эта концепция служит своего рода «визитной карточкой» критической теории, элементом которой является постколониальный нарратив.

2 Редкий пример обращения к теме экономической экспансии – короткий абзац в пятистраничном Отчетном докладе ЦК ТПСК II съезду партии: «Американские империалисты пытаются полностью превратить Южную Корею в собственную колонию с тем, чтобы вывозить из нее рис, золото, серебро, медь, вольфрам и другие ценные ресурсы Южной Кореи, сбывать там свои залежалые товары, пытаются полностью захватить всю Корею и сделать ее плацдармом для агрессии на Востоке» (Ким 1976, 231).

3 Фурс 2000, 65–66.

4 Ahn 2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Асмолов, К.В. Не только ракеты: путешествие историка в Северную Корею. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2018.
- Asmolv, Konstantin V. *Ne tol'ko rakety: putesthestvie istorika v Severnyuyu Koreyu*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2018 [In Russian].
- Асмолов, К.В., Соловьев, А.В., Лебедев, В.В. Элементы домодерна, модерна и постмодерна в политическом мифе КНДР: опыт конструктивистского анализа // Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура (под общ. ред. Р. Тангалычева). М.: ВЦИОМ, 2022. Гл. 6. С. 116–139.
- Asmolv, Konstantin V., Alexander V. Soloviev, and Vasilii V. Lebedev. "Elementy domoderna, moderna i postmoderna v politicheskom mife KNDR: opyt konstruktivistskogo analiza." In *Modernizatsiya Korei: politika, ekonomika, obshchestvo, kul'tura*, edited by R. Tangalychev, 116–139. Moscow: VTSIOM, 2022 [In Russian].
- Барт, Р. Миф сегодня // Мифологии. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.
- Barthes, Roland. "Myth today." In *Mythologies* by Ronald Barthes. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh, 1996 [In Russian].
- Декларация независимости 1 марта 1919 г. // К 90-летию Первомартовского народного движения 1919 г. в Корею. Материалы научной конференции. М.: Первое Марта, 2009а. С. 124–125.
- "Deklaratsiya nezavisimosti 1 marta 1919 g." *K 90-letiyu Pervomartovskogo narodnogo dvizheniya 1919 g. v Koree. Materialy nauchnoi konferentsii*, 124–125. Moscow: Pervoe Marta, 2009a [In Russian].
- Декларация независимости Кореи (Иркутск) // К 90-летию Первомартовского народного движения 1919 г. в Корею. Материалы научной конференции. М.: Первое Марта, 2009б. С. 140.
- "Deklaratsiya nezavisimosti Korei (Irkutsk)." *K 90-letiyu Pervomartovskogo narodnogo dvizheniya 1919 g. v Koree. Materialy nauchnoi konferentsii*, 140. Moscow: Pervoe Marta, 2009b [In Russian].
- Джан Гюсик. Разделение и развитие движения за независимость // История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.]. Сеул, 2015. С. 146–253.
- Jang Gysuk. "Razdelenie i razvitie dvizheniya za nezavisimost'." In *Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei*, 146–253 [Translated from Korean]. Seoul, 2015 [In Russian].
- Ким Ир Сен. Избранные произведения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1976.
- Kim Il Sung. *Izbrannyye proizvedeniya*. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1976 [In Russian].
- Ким Ир Сен. Осуществить самостоятельное мирное объединение родины. М., 2012.
- Kim Il Sung. *Osushchestvit' samostoyatel'noe mirnoe ob'edinenie rodiny*. Moscow, 2012 [In Russian].
- Ким Ир Сен. Ответы на вопросы иностранных журналистов. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1974.
- Kim Il Sung. *Otvety na voprosy inostrannykh zhurnalistov*. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1974 [In Russian].
- Ким Хан Гир. Современная история Кореи. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1979.
- Kim Han Gir. *Sovremennaya istoriya Korei*. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1979 [In Russian].
- Ким Чхан Хван, Кан Сок Хи. Очерк корейской истории. Кн. 2. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995.
- Kim Chang Hwan, and Kang Seok Hee. *Ocherk koreiskoi istorii*. Book 2. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1995 [In Russian].
- Ким, Н.Н. Гендер, класс и этничность: перипетии истории женского рабочего движения в Корею // Женщины в Китае, Корею и Вьетнаме: от традиционного общества к современному / М.А. Бакланова, А.Л. Верченко, Н.Н. Ким, Э.А. Синецкая, М.А. Сюннерберг; отв. ред. Н.Н. Ким. М.: Наука, 2019. С. 132–133.
- Kim, Natalia N. "Gender, klass i etnichnost': peripetii istorii zhenskogo rabochego dvizheniya v Koree." In *Zhenshchiny v Kitae, Koree i V'etname: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu*, edited by Natalia N. Kim, 132–133. Moscow: Nauka, 2019.
- Ким, Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 177–185.
- Kim, Natalia N. "Kritika teorii kolonial'noi modernizatsii Korei: podkhody i otsenki v sovremennoi yuzhnokoreiskoi istoriografii." *Vostok (Oriens)*, no. 3 (2014): 177–185 [In Russian].
- Ким, Н.Н. Южная Корея // Память о Второй мировой войне за пределами Европы; коллективная монография под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2022. С. 57–74.
- Kim, Natalia N. "Yuzhnaya Koreya." In *Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy*, edited by Aleksei I. Miller and Alexander V. Soloviev, 57–74. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022.
- Ким, Н.Н. Южная Корея 1945–1948. Политическая история. М.: Восточная литература, 2015.
- Kim, Natalia N. *Yuzhnaya Koreya 1945–1948. Politicheskaya istoriya*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2015 [In Russian].
- КНДР. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
- KNDR. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958 [In Russian].
- Крупяно А.А., Акуленко В.С. Чучхейская теория этногенеза корейцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (40). С. 43–51. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/43-51>.
- Krupyanko Alexander A, and Vadim S Akulenko. "Juche theory of ethnogenesis of Korean nation." *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. no. 2 (40) (2017):43–51 [In Russian].
- Ланьков, А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корею. М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина; РОССПЭН, 2009.
- Lankov, Andrei N. *Avgust, 1956 god. Krizis v Severnoi Koree*. Moscow: Fond pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina; ROSSPEN, 2009 [In Russian].
- Ланьков, А.Н. Историческая память о колониализме и национально-освободительном движении как фактор политической легитимизации в Северной и Южной Корею // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2017. № 13–14. С. 143–147.

Lankov, Andrei N. "Historical Memory of Colonialism and National-Liberation Movement as a Factor of Political Legitimization in North Korea and South Korea." *Proceedings of Sakhalin State University*, no. 13–14 (2017): 143–147 [In Russian].

Ланков, А.Н. К северу от 38-й параллели: Как живут в КНДР. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

Lankov, Andrei N. *K severu ot 38-i paralleli: Kak zhivut v KNDR*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2020 [In Russian].

Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Госполитиздат, 1949.

Lenin Vladimir I. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma*. Moscow: Gospolitizdat, 1949 [In Russian].

Малинова, О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.; СПб: Нестор-История, 2018.

Malinova, Olga Yu. "Politika pamtyati kak oblast' simvolicheskoi politiki." In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamtyati*, edited by Aleksei I. Miller and Dmitrii V. Efremenko. Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018 [In Russian].

Миллер, А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке, под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 7–32.

Miller, Aleksei I. "Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI veka." In *Istoricheskaya politika v XXI veke*, edited by Aleksei I. Miller and Maria Lipman, 7–32. Moscow, 2012 [In Russian].

Пан Бёнлюль. Рост движения за независимость и Первоапрельское движение // История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.]. Сеул, 2015. С. 78–145.

Pan Byunyuul. "Rost dvizheniya za nezavisimost' i Pervomartovskoe dvizhenie." In *Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei*, 78–145 [Translated from Korean]. Seoul, 2015 [In Russian].

Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1982.

Predlozheniya KNDR po ob'edineniyu strany. P'yongyang: Izd-vo literary na inostrannykh yazykakh, 1982 [In Russian].

Сон, Ж.Г. Коммеморативные практики Республики Корея как инструмент сохранения памяти о борьбе за независимость Кореи в России и странах СНГ // Сборник трудов конференции «Корея открывает для себя мир: глобальные и локальные вызовы (конец XIX – середина XX века)» (готовится к печати).

Son, Zh.G. "Kommemorativnyye praktiki Respubliki Koreya kak instrument sokhraneniya pamtyati o bor'be za nezavisimost' Korei v Rossii i stranakh SNG." In *Sbornik trudov konferentsii 'Koreya otkryvaet dlya sebya mir: global'nye i lokal'nye vyzovy (konets XIX – seredina XX veka)'* (forthcoming) [In Russian].

Тертицкий, Ф.К. Северная Корея // Память о Второй мировой войне за пределами Европы. Коллективная монография под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 75–97.

Tertitskiy, Fyodor K. "Severnaya Koreya." In *Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy*, edited by Aleksei I. Miller and Alexander V. Soloviev, 75–97. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022.

Филлипов, А.Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 51–70. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-51-70>.

Filippov, Alexander F. "Values and Mobilization: Towards the Dynamics of Sterile Excitement." *Russia in Global Affairs* 21, no. 1 [In Russian].

Фурс, В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000.

Furs, V.N. *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa*. Minsk: Ekonompress, 2000 [In Russian].

Хан Ёнгу. История Кореи: новый взгляд. М.: Восточная литература, 2010.

Han Yongyu. *Istoriya Korei: novyi vzglyad*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010 [In Russian].

Хан Сиджун. Объединение сил движения за независимость и движения за обретение независимости государства // История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.]. Сеул, 2015. С. 254–314.

Han Sijun. "Ob'edinenie sil dvizheniya za nezavisimost' i dvizheniya za obretenie nezavisimosti gosudarstva." In *Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei*, 254–314 [Translated from Korean]. Seoul, 2015: 254–314 [In Russian].

Чудинов, А.А., Чеснокова, Н.А. «Янки», «империалисты» и «канибалы»: анализ «образа врага» в обращении Ким Ир Сена к корейскому народу в 1952 г. // Гуманитарный акцент. 2020. № 3.

Chudinov, Alexandr A., and Natalia A. Chesnokova. "'Yankees', 'imperialists' and 'cannibals': analysis of the 'enemy image' description in Kim Il Sung's speech to the North Korean people in 1952." *Humanitarian Accent*, no. 3 (2020) [In Russian].

Ahn, Yonson. "Rewriting the History of Colonialism in South Korea." In *Broken Narratives*, edited by Susanne Weigelin-Schwiedrzik, 109–132. Leiden: BRILL, 2014. https://doi.org/10.1163/9789004277236_007.

Anderson, Benedict R. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1991.

Blumenberg, Hans. *Work on Myth. Studies in Contemporary German Social Thought*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.

Bottici, Chiara. *A Philosophy of Political Myth*. 1st ed. Cambridge University Press, 2007. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498626>.

Hyun, Jaehwan. "Blood Purity and Scientific Independence: Blood Science and Postcolonial Struggles in Korea, 1926–1975." *Science in Context* 32, no. 3 (2019): 239–260. <https://doi.org/10.1017/S0269889719000231>.

Kang, Kyoung-lae. "Embracing Postcolonial Potentiality: New Faces of Japanese Collaborators in Contemporary Korea." In *Spaces of Possibility: In, Between, and Beyond Korea and Japan*, edited by Clark W. Sorensen and Andrea G. Arai. Seattle: University of Washington Press, 2017.

Kim, Young Chun, Seungho Moon, and Jaehong Joo. "Elusive Images of the Other: A Postcolonial Analysis of South Korean World History Textbooks." *Educational Studies* 49, no. 3 (2013): 213–246. <https://doi.org/10.1080/00131946.2013.783838>.

Min Pyong Gap. *Korean "Comfort Women": Military Brothels, Brutality, and the Redress Movement*. New Brunswick, Camden, and Newark, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2021.

Myers, Brian R. *The Cleanest Race: How North Koreans See Themselves and Why it Matters*. Brooklyn, New York: Melville House Publishing, 2010.

Myers, Brian R. *North Korea's Juche Myth*. Busan, South Korea: Sthele Press, 2015.

Robinson, Michael. "National Identity and the Thought of Sin Ch'aeho: Sadaejuiui and Chuch'e in History and Politics." *The Journal of Korean Studies* 5 (1984): 121–142.

Roebuck, Kristin. "Science without Borders? War, Empire, and the Contested Science of 'Race Mixing' in Japan, East Asia, and the West." In *Who Is the Asianist? The Politics of Representation in Asian Studies*, edited by Will Bridges, Nitasha Tamar Sharma, and Marvin D. Sterling. New York: Columbia University Press, 2022.

Rosa, Hartmut. *Resonanz. Eine Soziologie der Weltbeziehung*. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2016.

Scholl, Tobias. "Ch'oe Namsŏn and Identity Construction through Negotiation with the Colonizer." *International Journal of Korean History* 24, no. 1 (February 2019): 153–186. <https://doi.org/10.22372/ijkh.2019.24.1.153>.

Shin Seungyop. "Resembling the Opponent: Nationalist and Colonialist Historiographies in Modern Korea." *Acta Koreana* 21, no. 2 (2018): 525–552. <https://doi.org/10.18399/acta.2018.21.2.008>.

Stråth, Bo, ed. *Myth and Memory in the Construction of the Community*. Brussels: Peter Lang, 2000.

Tertitskiy, Fyodor K. "North Korean Narrative of the Second World War: Why the Change?" *Russia in Global Affairs* 19, no. 4 (2021): 164–183. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-4-164-183>.

Tudor, Henry. *Political Myth*. London: Macmillan Education, 1972.

White, Hayden. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.

김일성. 조선혁명가들은 조선을 잘 알아야 한다. 조선인민혁명군 정치간부 및 정치교원앞에서 한 연설. 1943년 9월 15일.

Kim Il Sung. "Korean revolutionaries must know their country well." Speech before the political cadres and political teachers of the Korean People's Revolutionary Army [In Korean] <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=crevo1&stype=1&type=view&no=3726>

당경호. «경애하는김정은동지께서 밝혀주신 우리 식의 경제관리방법의 본질적 특징» 경제연구. № 2 (163). 2014.

Tang Kyŏngho. "Essential Methods of Management of Our Style Economics Developed by our Beloved Comrade Kim Jŏngŭn." *Studies of Economics* 2, no. 163 [In Korean].

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Ким,

к.и.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН,
директор Международного центра корееведения МГУ имени М.В. Ломоносова
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-1
e-mail: nkim@iaas.msu.ru

Александр Валерьевич Соловьев,

заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»;
приглашенный преподаватель департамента международных отношений и департамента
регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
119049, Москва, Россия, ул. Малая Ордынка, 17-1
e-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Ким, Н.Н., Соловьев, А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 49–72.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-49-72>

Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea

ABSTRACT

This article delves into the intricate ways in which anti- and postcolonial narratives shape the formation of political myths in both the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and the Republic of Korea. Political myth, as a discursive system, elucidates how people are molded and what objectives they serve through a complex interplay of signs and symbols. Having established the prerequisites for when historical narrative converges with political myth (drama, significance, and political action), the authors identify three clusters of historical narratives, each associated with a significant trauma: the loss of independence, the attainment of independence through external aid, and the division of the people. Scrutinizing these narratives, the authors extract common and specific features of political myths as they manifest in the North and South, and pinpoint the key historical and political circumstances that account for these divergences and convergences.

KEYWORDS

anticolonialism, postcolonialism, DPRK, Republic of Korea, historical narrative, political myth, trauma, historical politics, memory politics

Authors

Natalia N. Kim,

PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences;
Director, International centre for Korean studies, Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University
11-1, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
e-mail: nkim@iaas.msu.ru

Alexander V. Soloviev,

Deputy editor-in-chief, Russia in Global Politics; guest lecturer,
School of Regional Studies and School of Asian Studies,
Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University
17-1, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017
e-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kim, Natalia N., and Alexander V. Soloviev. "Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 49–72.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-720>

Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро- французских отношениях в начале 2020-х годов

Василий Александрович Кузнецов, Государственный академический институт гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

Анастасия Игоревна Василенко, Государственный академический институт гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

Контактный адрес: vasiakuznets@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению проблемы колониального прошлого в алжиро-французских отношениях. В начале 2020-х гг. поднятый вопрос приобрел особое значение по трем причинам. Во-первых, в контексте трансформации глобального миропорядка и глубоких общественных расколов, охвативших многие восточные и западные общества, на первый план в общественных дискуссиях стали выходить вопросы исторической памяти, внешней и внутренней деколонизации. Во-вторых, приход к власти во Франции Э. Макрона ознаменовал попытку серьезной трансформации внешней политики страны, укрепления ее позиций в мире, особенно в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. С этим были связаны (в основном неудачные) инициативы Э. Макрона по ливанскому кризису, по палестино-израильскому и ливийскому урегулированию и по поиску решений накопившихся противоречий с Алжиром.

В-третьих, приход в Алжире к власти А. Теббуна в 2019 г. также придал новый импульс развитию внешней политики страны и создал условия для пересмотра отношений с Францией.

В этих обстоятельствах появилась идея подготовки докладов, посвященных возможностям преодоления негативного колониального наследия в двусторонних отношениях. Алжирская сторона официально доклада не представляла, а французский текст был подготовлен Б. Стора к январю 2021 г. и вызвал широкий резонанс. Целью настоящей статьи является уточнение французского подхода к проблеме примирения с Алжиром на основе анализа текста этого доклада и материалов последовавших за ним дискуссий. Статья написана с использованием метода «медленного чтения» источника и основную ее часть составляет подробный разбор доклада Б. Стора, после чего следует обзор вызванной им дискуссии. Результатом такого подхода становится не только выявление широко обсуждаемых противоречий в вопросах исторической памяти (как между Алжиром и Францией, так и внутри французского общества), но и определение некоторых неочевидных проблем французского восприятия этой проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Франция, Алжир, колониализм, историческая память, Бенжамен Стора, война за независимость Алжира, Алжирская война

20 января 2021 г. французский историк Б. Стора представил¹ французскому президенту Э. Макрону подготовленный по его просьбе доклад «Вопросы памяти, относящиеся к колонизации и алжирской войне», который должен был, по замыслу главы государства, открыть новую страницу в двусторонних франко-алжирских отношениях.

Буквально за месяц до этого Б. Стора принимал участие в организованной в Центре арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» с докладом «Франция – Алжир: раны истории». Комментируя подготовку доклада, он отметил: «Я понимаю, что с обеих сторон Средиземного моря меня будут критиковать, но я продолжаю эту работу. Французы будут говорить: не трогайте это! А с алжирской стороны будут говорить, что не слишком-то вы обвиняете французских страшных колонизаторов и так далее. Я знаю, что есть люди, которым войны исторической памяти уже надоели и которые хотят углубиться в сложное изучение истории... Сегодня именно это нам нужно...»². Как мы увидим далее, опасения профессора Б. Стора оказались небеспочвенными.

В настоящей статье, основываясь на анализе текста доклада и вызванной его публикацией дискуссии, мы попытаемся не только показать содержание «войн памяти» между двумя странами, но и выявить наиболее проблемные моменты преодоления колониального наследия. Предлагаемый анализ проводится с использованием метода «медленного чтения» (*close reading*) – общепринятого в литературоведении и литературной критике, однако редко применяемого в современных политических исследованиях.

Предыстория появления доклада была описана российскими арабистами М.А. Сапроновой и В.В. Орловым в статье «“Колониальное наследие” в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее?»³, которая увидела свет буквально накануне подготовки документа Б. Стора и потому может служить своеобразным «приквелом» к настоящей публикации. Помимо этой статьи, к проблеме французско-алжирских отношений в последние годы обращались такие авторы, как Г.Н. Канинская⁴ и Е.А. Прусская⁵.

Важное значение имеют работы, позволяющие ввести проблему французского-алжирского диалога об исторической памяти в более широкий контекст. Среди них: «Вопросы культуры и идентичности в современной Франции: проблема примирения колониального прошлого с реальностью настоящего», опубликованная К. Адамсон в 2006 г.⁶, «К постмодернистскому национальному нарративу? Мемориал Алжирской войны и современный французский ландшафт памяти» А. Браззодуро 2019 г.⁷, «Кто контролирует прошлое, контролирует

1 “France – Algérie : les 22 recommandations du rapport Stora (France – Algeria: the 22 Recommendations of the Stora’s Report),” *Le Monde*, January 20, 2021, accessed May 1, 2023, https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/01/20/france-algerie-les-22-recommandations-du-rapport-stora_6066931_3212.html.

2 Лекция Б. Стора «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» // Youtube. 29 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/dQODGXcj2_s (дата обращения: 09.05.2023).

3 Сапронова, Орлов 2020.

4 Канинская 2014.

5 Прусская 2021, 2021а.

6 Adamson 2006.

7 Brazzoduro 2019.

будущее: как Алжир манипулировал историей и легитимизировал власть, используя конституционные хартии и законодательство» Ф. Тамбурины 2021 г.¹

Этот список можно продолжить – в конце концов, как во французском, так и в алжирском обществах проблема колониального наследия и вопросы двусторонних отношений много раз становились предметом анализа. При этом едва ли не наиболее авторитетным в мире специалистом по данной проблематике на сегодняшний день является автор рассматриваемого нами доклада.

Родившись в Константине в еврейской семье в 1950 г.², Б. Стора оказался среди тех евреев, которые были вынуждены покинуть территорию Алжира после обретения государственной независимости³. Автор трех десятков монографий, посвященных памяти об алжирской войне, выдающимся деятелям алжирского национально-освободительного движения, алжирским иммигрантам во Франции и истории иудео-мусульманских отношений, он оказался одним из первых французских историков-магрибистов, активно привлекавших в своей работе устные и аудиовизуальные источники. Кроме того, уже став заслуженным ученым, он активно занимался просветительской деятельностью, участвуя в создании ряда документальных фильмов, в организации выставок и музеев⁴. Наконец, оказавшись частью французского научного истеблишмента, в 2010-е гг. он довольно активно взаимодействовал с политическим руководством, выступая советником и Ф. Олланда, и Э. Макрона. Многие моменты из личного опыта Б. Стора нашли свое отражение в подготовленном им докладе.

Доклад Бенжамена Стора: опыт чтения

Доклад Б. Стора⁵ состоит из введения, трех разделов («Эффекты памяти», «Отношения Франции с Алжиром» и «Проблемы, которые надо преодолеть» – около 30 страниц каждый), заключения, рекомендаций, длинного списка благодарностей и нескольких приложений. Приложения включают в себя соответствующие теме речи четырех французских президентов (Ж. Ширака, Н. Саркози, Ф. Олланда и Э. Макрона), описание некоторых проектов сотрудничества между двумя странами, инициированных гражданскими обществами, описание архивов, в которых хранятся документы, касающиеся рассматриваемой проблемы, и коммюнике Четвертой сессии межправительственного Алжиро-Французского комитета высокого уровня⁶, проходившей в 2017 г. Заканчивается доклад краткой библиографией, содержащей упоминания в основном работ французских историков или же изданных во Франции книг.

1 Tamburini 2021.

2 "Biographie. Benjamin Stora (Biography. Benjamin Stora)," Université Sorbonne Paris Nord, accessed May 5, 2023, <https://benjaminstora.univ-paris13.fr/index.php/biographie/505-biography.html>.

3 "Une enfance à Constantine, par Benjamin Stora (A Childhood in Constantine, by Benjamin Stora)," Constantine, accessed May 5, 2023, http://www.constantine-hier-aujourd'hui.fr/LaCulture/Enfance_Constantine.pdf.

4 Catherine Simon, "Benjamin Stora: mémoires vives (Benjamin Stora: Living Memories)," Le Monde, February 3, 2010, accessed May 8, 2023, https://www.lemonde.fr/culture/article/2010/02/03/benjamin-stora-memoires-vives_1300575_3246.html.

5 Stora 2021.

6 "Quatrième session du Comité intergouvernemental de haut niveau franco-algérien (Fourth Session of the French–Algerian High-Level Intergovernmental Committee)," Le Service d'Information du Gouvernement, December 11, 2017, accessed May 9, 2023, <https://www.gouvernement.fr/communiqu/9821-quatrieme-session-du-comite-intergouvernemental-de-haut-niveau-franco-algerien-cihn>.

Первое, чем привлекает внимание доклад – это специфика изложения материала, которая подчеркивает индивидуальный стиль историка, словно субъективирующего поставленную перед ним задачу. Введение начинается со слов: «В июле 2020 г. президент Республики поручил мне написать доклад о мемориальных вопросах, связанных с колонизацией и войной в Алжире». Далее автор не раз обращается к личному опыту – сначала вспоминает о документальных фильмах, в подготовке которых принимал участие¹, затем ссылается на свои труды², дает личные рекомендации³, цитирует собственное интервью⁴.

Такой подход заставляет воспринимать доклад прежде всего как выражение частного мнения авторитетного историка. Ссылка на президента при этом, повышая значимость текста в глазах читателя, все же не дает возможности относиться к нему как к отражению официальной позиции французского руководства.

На такое восприятие влияет также и вторая особенность текста – наполненность его многочисленными поэтическими метафорами и эмоциональными выражениями. Бесконечные «раны прошлого», «исторические травмы», риторические вопросы, несомненно, могли бы украсить любое сочинение по истории и в целом соответствуют французской традиции академического письма, однако подчас затемняют аналитическую составляющую, тем более что большинство из этих выражений никак не определяется в тексте. В чем состоят эти раны прошлого, насколько упоминаемый опыт действительно травматичен, до какой степени описываемые проблемы памяти определяют современное самоощущение тех или иных групп – это остается за пределами аналитического объяснения, и читателю остается только верить, что все это действительно имеет значение.

Наконец, сама избранная автором манера изложения материала резко отличает представленный текст от обычных политически ориентированных аналитических документов – от первой до последней буквы доклад остается сочинением историка, который видит свою задачу не в системном, а в историко-генетическом анализе текущего состояния проблемы. В первых двух частях Б. Стора показывает, какую роль играл вопрос о памяти в двусторонних отношениях с момента обретения Алжиром независимости, описывает французскую историографию проблемы, отслеживает, как менялось отношение к проблеме во Франции на протяжении нескольких десятилетий, чтобы в конце прийти к анализу отдельных ее аспектов на современном этапе. При этом уже заявленная в начале текста известная субъективность анализа позволяет автору выбирать эти аспекты более или менее произвольно, просто опираясь на свой профессиональный опыт.

Возможно, избрание диахронического подхода с элементами реконструкции исторического нарратива было подсказано автору его профессией историка, а не политического аналитика, однако результатом такого подхода становится довольно своеобразная картина. В ней французское общество идет по трудному

1 Stora 2021, 12–13.

2 Ibid., 17, 39.

3 Ibid., 68, 91.

4 Ibid., 81.

пути преодоления травм колониального прошлого навстречу примирению с Алжиром, причем приход к власти президента Э. Макрона позволяет продвинуться на этом пути дальше, чем когда бы то ни было ранее¹.

Часть первая: забыть нельзя помнить

Первая часть доклада – «Алжир: невозможность забвения» – начинается с утверждения значимости вопросов исторической памяти в современных и будущих француско-алжирских отношениях. Отмечая, что сохраняющиеся противоречия в оценках общего прошлого не позволяют сегодня говорить ни об общем учебнике истории, ни о подписании договора о дружбе, Б. Стора утверждает, что «в этих непрекращающихся спорах можно увидеть разрушение планов на будущее между двумя странами»². В подтверждение этого тезиса он тут же приводит яркую цитату Р. Драи³ – выходца из еврейской общины Константины: «Я никогда не отказывался от идеи не то что возвращения в Алжир, а примирения с Алжиром, который стал независимым. Я всегда считал свой отъезд из Алжира глубоко несправедливым. Наказанием за ошибку, которую я лично не совершал. При этом я не пытался возложить ее на других, я приписывал это иррациональности Истории, ее жестокости... Я долго размышлял о трагедии, которую мы пережили. Трагедию, которую всегда рассматривал в перспективе этого примирения»⁴.

Обращает на себя внимание то, как подается в этом самом первом фрагменте текста проблема памяти. На формальном уровне она интересует Б. Стора как фундамент *будущего двусторонних отношений* – так он представляет ее в этом тексте и с таким ее восприятием была связана изначальная идея подготовки документа. Однако в реальности, едва провозгласив такой подход, он тут же от него отказывается – именно поэтому не идет речи ни об общем школьном учебнике, ни о договоре о дружбе, а сама проблема иллюстрируется словами выходца из еврейской общины Константины, «всегда считавшего свой отъезд из Алжира глубоко несправедливым». Понятно, что если во Франции эта цитата вполне может вызывать сочувствие, то в Алжире она воспринимается иначе. Пусть в отношении прав «черноногих» (*pieds-noirs*)⁵ и харки⁶ правительство Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) еще участвовало в каких-то дискуссиях, однако речи о возвращении евреев по большому счету никогда не шло⁷, а нормализация отношений между Марокко и Израилем в 2020 г. сделала эту тему особенно чувствительной.

1 Stora 2021, 57.

2 Ibid., 5.

3 Рафаэль Драи (*Raphaël Draï*) 1942–2015 – французский политолог, социолог, религиозный мыслитель, происходил из еврейской общины Константины, покинул Алжир в возрасте 19 лет. Автор двух десятков работ по истории и философии иудаизма, философии права, биоэтике и госуправлению. Выступал горячим сторонником межрелигиозного диалога. В 2000 г. вместе с певцом Э. Масиасом посетил Алжир, чтобы помолиться на могиле алжиро-еврейского певца Шейха Раймонда Лейриса, убитого в 1961 г. Визит встретил непонимание алжирской стороны. По следам поездки Драи опубликовал «Письмо президенту Бутефлике о возвращении “черноногих” в Алжир» (См.: Draï 2020).

4 Stora 2021, 5.

5 «Черноногие», или *pieds-noirs*, – принятое название европейского населения Алжира в период колониализма.

6 Харки – арабо-алжирцы, сражавшиеся на стороне Франции в войне за независимость.

7 Впрочем, в начале президентства А. Бутефлики были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Так, 6 июля 1999 г. в речи, посвященной 2500-летию Константины, президент признал значительный вклад еврейской общины в историю страны. Это вызвало некоторый энтузиазм, проявлением которого стала поездка в страну Р. Драи. Вскоре, впрочем, импульс к сближению угас. См.: Guedj 2012.

Переходя вслед за этим к разделу «Уникальность конфликта», автор переключается с вопроса о значимости исторической памяти для отношений между двумя странами на ее значимость для каждой из сторон в отдельности – теме, которая его действительно интересует. Здесь он формулирует, пожалуй, наиболее важный тезис всего доклада. Если бы рассматриваемая проблема была всего лишь вопросом двусторонних отношений, ее можно было довольно легко разрешить, однако на практике это внутренняя проблема французского общества, более 10% которого (а на самом деле, возможно, и больше, если рассматривать алжирский случай как модель для преодоления колониального наследия) связывает с ней свою идентичность. При этом эти 10% вовсе не гомогенны – среди них выделяются «черноногие», алжирские евреи, берберы, харки, ветераны французской армии и их потомки, алжирские иммигранты последних волн, левые – каждая из этих групп опирается на собственные сюжеты об Алжире¹. Формирование множества несводимых друг к другу нарративов обозначается Б. Стора как коммунитаризация памяти², и именно на ее преодоление, по его мнению, должны быть направлены дальнейшие усилия правительства и гражданского общества Франции. При этом автор пытается показать процессы трансформации памяти в двух странах во многом как параллельные.

Он отмечает, что если для Франции алжирская война была войной гражданской, протекавшей в трех департаментах республики, то в Алжире она называется «революцией»: «Она до сих пор отмечается как акт основания нации, восстановившей свои права суверенитета посредством “освободительной войны”»³.

На самом деле это весьма спорный и внутренне противоречивый тезис: нельзя утверждать одновременно, что нация была в ходе войны основана и что она в это же время *восстановила* свой суверенитет⁴. Такое нарушение логики, по всей видимости, во многом воспроизводит противоречивость самого алжирского нарратива⁵, в рамках которого декларировавшийся еще первым поколением борцов за независимость тезис о формировании нации в процессе антиколониальной борьбы сосуществует с представлением о древней истории страны, непрерывности и преемственности ее наследия от Античности до наших дней.

Третий, наиболее распространенный в профессиональной среде специалистов по Алжиру⁶ вариант отношения к роли антиколониальной борьбы в Алжире в становлении нации заключается в следующем. Борьба рассматривается как ключевой фактор формирования не нации, но только политической системы,

1 В вышеупомянутой лекции Б. Стора предлагал следующие данные. Практически все мужчины старше 80 лет, родившиеся во Франции, прошли через алжирскую войну (до 1,5 млн чел.); «черноногие» – 600–800 тыс. чел., включая более 130 тыс. алжирских евреев, и их потомки; харки – более 100 тыс. чел. и их потомки; иммигранты из Алжира – ок. 400 тыс. на момент окончания войны и их потомки. Помимо этого речь может идти и о более поздних волнах иммиграции.

2 Stora 2021, 7.

3 Ibid., 8.

4 В ходе упомянутой ранее конференции этот вопрос обсуждался. Довольно длинный ответ историка сводился к тому, что в момент прихода в Алжир Франции алжирская нация находилась в процессе становления – у местных жителей уже было развито чувство патриотизма и существовало представление об Алжире как своей родине, однако нации как таковой все же еще не было.

См.: Лекция Б. Стора «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» // YouTube. 29 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/dQODGXcj2_s (дата обращения: 09.05.2023).

5 См. например: Issaad 2022.

6 Tamburini 2021.

а память о ней – как важнейший инструмент легитимизации закрытой политической элиты.

Из этих трех вариантов восприятия наследия войны Б. Стора, в сущности, устраивает лишь первый (хотя и другие два он вполне осознает). При втором подходе позитивные элементы колониализма оказываются незначительными, а роль Франции исключительно негативной – речь в таком случае может идти не о примирении, а исключительно о признании вины французской стороной. В рамках же третьего подхода на первый план выходит асимметрия восприятия. Там, где во Франции память о войне оказывается исключительно вопросом идентичности и гражданского согласия, в Алжире она становится вопросом стабильности политической системы, а следовательно, примирение не может быть достигнуто усилиями гражданских обществ.

Таким образом, редуцируя сложность воспоминаний о войне для алжирского общества до политически приемлемого тезиса, историк обретает некую точку опоры. Отталкиваясь от нее, в следующих абзацах он показывает параллелизмы исторической памяти в двух странах:

«Этот эпизод также переживается [в Алжире] как глубокая травма: массовое перемещение сельского населения, практика пыток, произвольное интернирование и коллективные казни. Единогласное поминовение не затрагивает внутренних разногласий алжирского национализма, в частности, трагических столкновений между сторонниками старого лидера М. Хаджа¹ и Фронтом национального освобождения (ФНО)² (столкновения между двумя организациями, ФНО против АНД³, приведут к гибели нескольких тысяч человек в иммиграции во Франции и среди *маки* в Алжире); или жестоких репрессий против харки – сил, верных Франции».

Во Франции война в Алжире до сих пор «читается как болезненная страница» недавней истории: нет единодушных воспоминаний об окончании войны, мало хороших фильмов. Она вызвала падение Четвертой республики и рождение Пятой – с новой конституцией; вступление в политику нового поколения, которое мы обнаружим в 1968 г.; расколы во французской армии, которая, считая себя победителем на местах, отказывалась от принятия политической независимости Алжира; отъезд почти миллиона «черноногих», харки и их семей в метрополию⁴.

Итак, война стала отправной точкой для двух политических систем, привела к формированию алжирской нации и переформатированию нации французской, вызвала расколы как между различными общественными группами в двух странах, так и между политическим руководством и отдельными частями обществ. Ситуация почти зеркальная.

Однако именно эта зеркальность, дающая основания говорить об общности стоящих перед Алжиром и Францией задач преодоления травм колониализма,

1 Ахмед Мессали Хадж (1898–1974) – алжирский политик, один из лидеров национально-освободительного движения, сооснователь организации «Североафриканская звезда» (1926), Партии алжирского народа (ППА) (1937) и ряда революционных организаций. См. о нем: Ланда 2005.

2 Фронт национального освобождения.

3 Алжирское национальное движение.

4 Stora 2021, 9.

казалось бы, и должна быть неприемлемой для алжирской стороны – ведь она неизбежно влечет за собой фактическое уравнивание жертвы колониализма и колонизатора.

Впрочем, при более внимательном чтении можно увидеть, что ситуация еще сложнее. Говоря об Алжире, Б. Стора сначала упоминает о страданиях местного населения от действий метрополии, а затем о репрессиях со стороны победителей по отношению к алжирскому же обществу. В то же время в случае с Францией речь идет о политическом прогрессе (становлении Пятой республики, новом политическом поколении) и о конфликтах *внутри* общества, но не между обществом и властью.

С одной стороны, Б. Стора утверждает, что войны памяти идут не только между Францией и Алжиром, но и внутри двух обществ. С другой стороны, «для большого числа французских историков основная ответственность за конфликт может заключаться в установлении очень закрытой колониальной системы, запрещавшей коренным жителям-мусульманам добиваться какого бы то ни было прогресса в правах», и речь не может идти о возложении равной ответственности на обе страны. Однако, выразив эту мысль, он тут же приводит слова алжирского историка М. Харби¹, рассуждающего о деконструкции националистической мысли, о судьбе харки и «черноногих» и считающего, что «вопрос идентичности и вопрос авторитаризма являются двумя основными проблемами, которые необходимо решить, чтобы двигаться к новому и мирному Алжиру»².

Получается, что хотя все необходимые шаги навстречу потенциальному алжирскому читателю сделаны, ничего неприятного для читателя французского не сказано: колониализм автором осужден (хотя и не от собственного имени, а от имени профессионального сообщества), но жертвы все равно две, причем алжирская сторона – жертва не только Франции, но и собственного руководства. То, что последнее утверждение вкладывается в уста алжирского историка, не только придает ему веса, но и избавляет Б. Стора от упреков в колониальном высокомерии.

Предложенная логика развивается и в следующих двух разделах – «Дорогой воспоминаний»³ и «Коммунитаризация воспоминаний»⁴, – где автор описывает, как после 1962 г. постепенно формировалось несколько различных нарративов об алжирской войне. При этом если в случае с Францией речь шла о монополизации этой памяти различными группами в условиях стремления властей «забыть» войну, то в Алжире дело выглядело иначе: «С алжирской стороны это ожесточение памяти приняло форму глобального осуждения колониальных времен без поиска конкретной ответственности групп, затронутых этой историей. Погружение во времени имело целью легитимизировать ресурсное

1 Мухаммед Харби – алжирский историк (р. 1933), участник войны за независимость, советник и член правительства А. Бен Беллы. Выступая с марксистских позиций, считал, что вооруженные народные милиции должны были революционизировать алжирское общество. После прихода к власти Х. Бумедьена был арестован и после недолгого пребывания в тюрьме помещен под домашний арест, откуда по поддельному турецкому паспорту бежал в Тунис и затем во Францию, где преподавал в Парижском университете. Автор десятка монографий по истории ФНО и войны за независимость и мемуаров. См.: Harbi 2001.

2 Stora 2021, 9.

3 Ibid., 9–12.

4 Ibid., 12–16.

использование идентичности, в основном религиозной. Политическая неподвижность после прихода к власти А. Бутефлики, политический и общественный исламизм, социальная неустроенность – все способствовало этому возврату к неонационализму, основанному на этнорелигиозной базе. Война за независимость Алжира, казалось, никогда не закончится, поскольку стала неиссякаемым резервуаром аргументов для политических игр современности»¹.

Таким образом, раннее прочтение войны как фактора легитимизации алжирского политического режима далее раскрывается напрямую не для того, чтобы объяснить значимость исторической памяти для одной из сторон, а чтобы имплицитно осудить алжирские элиты, фактически лишившие общество права на собственные воспоминания о войне. На таком фоне французские власти кажутся пусть и слабыми со своим стремлением «забыть», но все же более человечными – они никогда не лишали общество возможности вспоминать.

Вполне логичным оказывается переход от этого тезиса к анализу историографии. Поскольку весь доклад направлен на то, чтобы описать именно французское видение проблемы, Б. Стора посвящает несколько страниц текста² анализу ключевых, с его точки зрения, работ об алжирской войне, опубликованных после 1962 г. именно во Франции, игнорируя алжирскую историографию. Общая тенденция в описываемом им процессе состоит в постепенной либерализации воспоминаний, расширении возможностей более свободной дискуссии об исторической памяти. При этом в этой дискуссии постепенно выявляется ключевая проблема: «Понимание кровавой спирали алжирской войны требует возвращения к истокам этой конкретной последовательности: колонизации... На одной и той же очень обширной исторической территории постепенно возникли две вообразимые картины, породившие два разных национализма. Для европейцев, которые в большом количестве приезжали из материковой Франции, Испании и Италии на протяжении XIX в., должен был сформироваться и укорениться обострившийся французский национализм. В целом французский национализм в значительной степени был построен на завоеваниях колониальной империи, идее Великой Франции, стремящейся принести ценности цивилизаторской миссии. Для алжирцев, наоборот, особенно после Первой мировой войны, к сельскому патриотизму защиты от чужеземных стран добавится национализм завоевания утраченного суверенитета»³.

Справедливо отмечая зеркальность двух национализмов, сформированных в колониальную эпоху, автор словно снова возвращается к главной своей идее о параллелизме французской и алжирской историй памяти, хотя и вновь умалчивает о важнейшем расхождении между ними – они построены на разных основаниях. Французский нарратив, как он представлен в докладе, посвящен истории заселения словно бы пустых земель, на которые европейцы приносят свет цивилизации. При этом национальное единство скрепляется представлениями об общеевропейских христианских ценностях, замечательном прошлом (Римская империя) и прекрасном прогрессивном будущем. Алжирский же нарратив осно-

1 Stora 2021, 13.

2 Ibid., 16–23.

3 Ibid., 23–24.

ван исключительно на переживании утраты былого величия и чувстве унижения со стороны чужеземцев.

Вновь проявляется авторский прием – упомянуть все необходимое, но так, чтобы избежать разговора об ответственности. Вполне естественным при таком подходе становится и важнейший для этой части доклада вывод: «Из-за создания этого националистического воображения, такого мощного и такого разного, трудно представить себе реализацию франко-алжирского школьного учебника (по образцу, о котором мечтали, франко-немецкого), способного создать общую историю»¹.

Словно подтверждая эту невозможность общего прочтения истории, Б. Сто-ра посвящает последний раздел этой части доклада тем группам, которые, несмотря на все различия между двумя картинами прошлого, могли бы выступать своеобразными связующими звеньями между двумя странами: религиозным католическим деятелям, самоотверженно выполнявшим гуманитарные миссии во время войны; еврейской общине Алжира, которая потом была исключена из любого проекта будущего страны, строившейся только для мусульман; французской армии; алжирским иммигрантам во Франции. При том что личные трагедии и подвиги многих упоминаемых в этом разделе людей не вызывают никакого сомнения, очевидная проблема состоит в том, что практически все эти группы неприемлемы для алжирской стороны. Более того, они становятся «воображаемыми» мостами, потому что были изгнаны по тем или иным причинам из Алжира, и, соответственно, связывают Францию не с современным Алжиром, а со страной своего прошлого.

Часть вторая: *en français*

Вторая часть доклада, хотя и называется «Отношения Франции с Алжиром», в реальности посвящена скорее отношению французского руководства к Алжиру. Повторяя некоторые уже высказанные ранее идеи (о стремлении французских властей «забыть» войну в XX в., о попытках Алжира выстроить единый однородный нарратив о войне), автор реконструирует трансформацию «алжирской проблемы» во французской политике после 1962 г. и, за исключением двух коротких фрагментов на с. 48–50², к алжирскому видению проблемы не обращается.

В описании же французского подхода обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, в самом начале Б. Сто-ра указывает, что вопрос об Алжире во французском общественном сознании плотно связан с отношением к Ш. де Голлю³, отказ которого от «французского Алжира» рассматривался (и рассматривается) как предательство различными группами населения – и «черноногими», и харки, и частью армии. Вместе с тем, как здесь же отмечает автор, именно Ш. де Голль сумел перехватить дискурс неприсоединения и антиколониализма, воспользовавшись уходом из Алжира, – этой теме были посвящены его многочисленные выступления в Мексике, Канаде, Вьетнаме и других странах.

1 Stora 2021, 25.

2 Ibid., 48–50.

3 Ibid., 36–37.

Эта мысль – о значимости французского голоса не только для колониальной системы, но и для антиколониального движения – будет звучать и на следующих страницах доклада, однако именно здесь она заявлена впервые.

Во-вторых, деятельность последующих трех президентов – Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстена, Ф. Миттерана – практически не удостоивается внимания, за исключением упоминания попыток реабилитации некоторых ультраправых деятелей времен алжирской войны при Ф. Миттеране и распространения антирасистского движения в стране¹.

Довольно пристального внимания удостоивается деятельность Ж. Ширака. Именно при нем в 1999 г. Национальное собрание Франции начало называть алжирские события войной, не решившись, впрочем, обозначить их как «войну в Алжире» (*guerre en Algérie*), что означало бы противостояние двух равных сторон, ограничившись компромиссной формулой «алжирской войны» (*guerre d'Algérie*), предполагавшей возможность интерпретации конфликта как гражданского противостояния². Тогда же наметилась некоторая активизация гражданского общества, проявившаяся в появлении памятных дней (День памяти и скорби о гражданских и военных жертвах Алжирской войны и сражений в Тунисе и в Марокко – 19 марта, День памяти харки – 25 сентября, День павших за Францию в войнах в Алжире, в Марокко и в Тунисе – 5 декабря) и монументов, посвященных жертвам среди французских солдат и харки. Наконец, в 2003 г. во время визита в Алжир Ж. Ширак призывает «уважать всех жертв войны: как борцов за независимость, так и тех, кому пришлось отправиться в изгнание, европейцев и харки»³.

Развивая эту тему и обращаясь к деятельности последующих глав государства, Б. Стора обращает внимание на сопротивление, которое встречала проводившаяся ими политика памяти. Здесь и принятие в 2005 г. закона № 2005-158⁴, в ст. 4 которого говорилось о позитивных аспектах колониализма («Школьные программы признают, в частности, положительную роль французского присутствия за границей, особенно в Северной Африке, и отводят истории и жертвам среди французских военных на этих территориях то видное место, которого они заслуживают»). В 2006 г. статья была отменена⁵ под давлением упорного сопротивления историков и юристов. Также здесь несколько несостоявшихся проектов создания музеев и мемориалов, в том числе проект музея истории Франции и Алжира в Монпелье 2012 г.; резкая критика ультраправыми Ф. Олланда, попытавшегося сделать 19 августа днем памяти всех жертв алжирской войны. Формально ссылаясь на то, что подписание Эвианских соглашений само по себе не положило конец кровопролитию в Алжире, критики Ф. Олланда одновременно

1 Stora 2021, 40–41.

2 Ibid., 42.

3 Ibid., 45.

4 “Loi n°2005-158 du 23 février 2005 portant reconnaissance de la Nation et contribution nationale en faveur des Français rapatriés (Law n°2005-158 of February 23, 2005 Recognizing the Nation and National Contribution in Favor of Repatriated French),” Legifrance, December 31, 2018, accessed May 2, 2023, <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000444898/#:text=La%20Nation%20exprime%20sa%20reconnaissance,ant%C3%A9rieurement%20sous%20la%20souverainet%C3%A9%20fran%C3%A7aise>.

5 “Décret n°2006-160 du 15 février 2006 portant abrogation du deuxième alinéa de l'article 4 de la loi n° 2005-158 du 23 février 2005 portant reconnaissance de la Nation et contribution nationale en faveur des Français rapatriés (Decree n°2006-160 of February 15, 2006 Repealing the Second Paragraph of Article 4 of law n°2005-158 of February 23, 2005 Recognizing the Nation and National Contribution in Favor of Repatriated French),” Legifrance, February 16, 2006, accessed May 2, 2023, <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000264006>.

указывали на недопустимость возложения ответственности за войну на «республиканскую полицию, а вместе с ней и на всю Республику»¹.

Несмотря на напряженность всех этих дискуссий, общее движение шло к все более критическому восприятию Францией собственного колониального прошлого. В этой перспективе действия Э. Макрона, поручившего Б. Стора подготовить рассматриваемый доклад, представляются самому Б. Стору просто прорывными. Признание французским президентом похищения, пыток и убийства считавшегося ранее пропавшим без вести М. Одана² «знаменует собой порог ответственности французского государства в ведении алжирской войны. В самом деле, эта декларация по поводу “Дела Одана” говорит о *системе* [курсив Б. Стора – В.К., А.В.], установленной в пользу “Особых полномочий”³... Эммануэль Макрон, первый президент Франции, родившийся после окончания войны в Алжире, хочет атаковать “семейные тайны”, которые до сих пор разъедают французское общество, как “яд”. Он объявляет открытие архивов алжирской войны о тысячах пропавших без вести и обращается к свидетелям, которые никогда бы не выступили. Помимо случая с Морисом Оданом, подчеркивает Елисейский дворец, цель состоит в том, чтобы продвигать работу историков и предоставить семьям пропавших без вести по обе стороны Средиземного моря средства для выяснения того, что произошло в прошлом. Это, настаивает президент, касается всех: гражданских лиц, военных, алжирцев, французов»⁴.

Рисуя эту своеобразную картину, в которой вся деятельность французских лидеров и XX, и XXI вв., за исключением Ш. де Голля, становится долгой подготовкой к появлению Э. Макрона, к опыту алжирской стороны Б. Стора обращается лишь дважды.

Первый раз – говоря о Ж. Шираке. Здесь он упоминает эпизод с выступлением А. Бутефлики в Национальном собрании Франции⁵ 14 июня 2000 г. Признавая вклад колониализма в модернизацию, в этой речи алжирский президент возлагает на колонизаторов неизбывную вину за угнетение и отвержение алжирцев, призывает к признанию вины французской стороной и одновременно приветствует предпринятые Парижем шаги: «Нельзя игнорировать колониальный факт. Нарушаете ли вы забвение недосказанностей алжирской войны, называя ее своим именем, или же ваши образовательные учреждения пытаются исправить школьные учебники, содержащие в себе подчас искаженное изображение некоторых эпизодов “колонизации” – все это становится воодушевляющим вкладом в дело истины, привнесенным во имя великого исторического знания и дела справедливости среди людей»⁶.

1 Stora 2021, 54.

2 Морис Одан (1932–1957) – французский математик, преподаватель Алжирского университета, член алжирской коммунистической партии, активно поддерживал ФНО во время войны, участвовал в нескольких операциях. 11 июня 1957 г. был арестован, подвергался пыткам. Считался пропавшим без вести. Его именем названа одна из площадей в центре Алжира. См.: Vidal-Naquet 1989.

3 Имеется в виду принятый в 1956 г. декрет французского правительства, согласно которому на территории Алжира армия получала полномочия полиции, вводилось тотальное применение военной юстиции, приостанавливалось действие личных свобод. См.: Thénault 2013.

4 Stora 2021, 58.

5 “Discours du président algérien Abdelaziz Bouteflika devant l’Assemblée nationale en 2000 (Algerian President Abdelaziz Bouteflika’s Speech to the National Assembly in 2000),” Lumni, May 29, 2018, accessed May 9, 2023, <https://enseignants.lumni.fr/fiche-media/000000011885/discours-du-president-algerien-abdelaziz-bouteflika-devant-l-assemblee-nationale-en-2000.html>.

6 Stora 2021, 48.

Во втором эпизоде говорится о нарушении установившейся в независимом Алжире государственной монополии на память о прошлом. В ходе протестных движений 2000-х и 2019 гг. представители молодого поколения алжирцев требовали вернуть в публичное пространство страны фактически вычеркнутые из официального дискурса имена национальных лидеров, например, М. Хаджа, Ф. Аббаса¹, А. Рамдана²: «Кто убил алжирского лидера ФНО Абана Рамдана? (Фактически он был убит своими товарищами по ФНО в Марокко в декабре 1957 г. прим. автора). Кто несет ответственность за смерть 374 жителей Мелузы, подозревавшихся в симпатиях к мессалистам, 28 мая 1957 года? Эта бойня поднимает вопросы об истоках, характере насилия, охватившего Алжир в 1990-х гг. – государство борется за сохранение монополии на написание истории. В полемике... задача состоит в том, чтобы позволить актерам, особенно молодым людям, обрести прошлое, которое ускользнуло от них... Школьные учебники меняются с появлением новых фигур, давно скрытых от официальной истории, таких как К. Белкасем (исторический лидер ФНО, подписавший акт о независимости в соответствии с Эвианскими соглашениями, убитый в 1970 г. прим. автора) или М. Будиаф (также центральная фигура, двадцать восемь лет проживший в изгнании в Марокко и убитый вскоре после своего возвращения и назначения главой государства в 1992 г. прим. автора)».

Два описанных фрагмента доклада, посвященных Алжиру, направлены на несколько вещей. Первый из них, по сути, подкрепляет позитивную оценку инициатив, предпринятых Ж. Шираком. Второй же, с одной стороны, еще раз свидетельствует о параллелизме процессов, связанных с исторической памятью, протекавших во французском и алжирском обществах (в обоих случаях речь шла о снятии покрыва забвения с прошлого), а с другой – демонстрирует все же некоторое моральное превосходство французской политической системы. В самом деле, если во Франции просвещенные лидеры шли по пути все большего движения к исторической правде, преодолевая сопротивление отдельных общественных групп, то в Алжире по этому пути пошло как раз общество, сумевшее оказать достаточное давление на манипулятивные политические элиты.

Часть третья: ...и что делать?

Третья часть доклада посвящена наиболее значимым, с точки зрения Б. Стора, практическим вопросам, препятствующим преодолению негативного наследия исторической памяти. В основном речь идет о четырех проблемах, отобранных автором, кажется, более или менее произвольно (по крайней мере, предыдущий текст никоим образом на них не указывает): принадлежность перевезенных во Францию архивов, связанных с историей Алжира; информация о пропавших без вести; оценка колониализма и визуальное отражение историче-

1 Фархат Аббас (1899–1985) – один из лидеров алжирского национально-освободительного движения, основатель нескольких освободительных организаций, глава Временного правительства Алжирской Республики (1958–1961), считается первым главой государства Алжира. С 1963 г. и до конца жизни находился в оппозиции. При А. Бен Белле и Х. Бумедьене несколько раз был арестован. См.: Ланда 2004.

2 Абан Рамдан (1920–1957) – активист ППА, с конца 1940-х гг. – один из лидеров партии, член ее силового крыла (Специальной организации), в 1950–1955 гг. находился в заключении, подвергался пыткам. В 1955 г. стал инициатором создания ФНО и Конгресса в Суммаме, где была создана АНО. Был убит соратниками по ФНО.

ской памяти. Кроме того, упоминаются автором и некоторые другие проблемные вопросы: оценка ядерных испытаний, проводившихся Францией на сахарских территориях Алжира в 1960 и 1966 гг.; охрана европейских и еврейских кладбищ в Алжире; переводы и переиздания произведений, посвященных рассматриваемой проблеме; сотрудничество в деле оцифровки и сохранения архивов; необходимость подготовки специалистов по истории колониализма.

Описывая противоречия между странами по каждому из вопросов, Б. Стора предлагает и некоторые решения. Так, в случае с хранящимися во Франции алжирскими архивами Париж делит их на относящиеся к «суверенитету», возвращение которых в Алжир не обсуждается, и относящиеся к «госуправлению», которые теоретически могут быть возвращены, но как отделить одни от других – неизвестно, тем более что значительная их часть засекречена. Проблема, по мнению Б. Стора, могла бы частично решаться через рассекречивание документов до 1962 г. и междууниверситетское сотрудничество: «Я предлагаю, чтобы Франция каждый год предоставляла десяти исследователям, работающим в алжирской университетской системе над диссертациями по истории колониального Алжира и войны за независимость, возможность проводить исследования в архивах Франции», обеспечивая аспирантов необходимыми визами и оказывая материальную поддержку. Такая же процедура возможна и для алжирской стороны¹.

Касательно информации о пропавших без вести предлагается сотрудничество ученых двух стран в составлении своеобразного путеводителя по архивам, относящимся к судьбам этих людей. В случае с визуальным отражением исторической памяти речь идет о совместном кинопроизводстве – в частности, о создании фильма об Абделькадире – «воине, противостоявшем французскому присутствию; мусульманском ученом, поэте и философе; эрудите, проникнутом французской рациональностью»².

Если по трем обозначенным вопросам при всех противоречиях между сторонами оказывается возможным найти некие компромиссные и как бы технические решения, то в случае с оценкой колониализма дело обстоит иначе: проблема покаяния или признания Францией ответственности за совершенные преступления стоит уже не первый год. Разумеется, автор доклада не может сказать, что подобные шаги со стороны Парижа немыслимы прежде всего в силу внутрисполитической ситуации во Франции, где каждые президентские выборы демонстрируют усиление позиций ультраправых сил. Поэтому он находит остроумный вариант и, ссылаясь на опыт японо-китайско-корейских отношений, в которых официальные извинения не принесли никаких плодов, утверждает, что эти извинения попросту не нужны: «...Извинений, а не только признания массовых убийств, недостаточно, чтобы успокоить раненые воспоминания... отбросить стереотипы, расизм... Прежде всего важно стремиться к познанию того, чем была колониальная система с ее повседневной реальностью и идеологическими целями, алжирским и французским сопротивлением этой системе господства»³.

1 Stora 2021, 68.

2 Ibid., 76.

3 Ibid., 79–82.

Завершая этот обзор проблем, Б. Стора возвращается к сюжету, ранее затронутому им лишь фрагментарно – к огромной роли Франции не только в истории колониализма, но и в истории антиколониальной борьбы: «...Имена и судьбы тех, кто отказался от колониальной системы, должны быть доведены до сведения молодого поколения, чтобы мы могли выйти за пределы отдельных, коммунистических воспоминаний. В этом движении также необходимо будет упомянуть тот факт, что именно в Париже преподаватель и будущий сенатор Алиун Диоп создал в 1949 году журнал *Présence Africaine* и связанное с ним издательство для борьбы с расизмом и колониализмом. Именно в Париже в 1956 году, в разгар алжирской войны, состоялся первый Конгресс африканских писателей и художников, на котором присутствовал Франц Фанон, неутомимый борец за независимость Алжира. Его организаторы описывают этот Конгресс как культурный Бандунг, имея в виду великую Афро-Азиатскую конференцию, которая в апреле 1955 года осудила колониализм и империализм»¹. Анализ проблем в двусторонних отношениях весьма изящно завершается новым утверждением величия Франции, на этот раз сделанным через обращение к ее левой интеллектуальной и политической традиции.

Переходя к заключительной части доклада, Б. Стора выдвигает еще некоторые вполне практические инициативы (признание известных по источникам, но ранее официально не признававшихся фактов убийств ряда алжирских и французских деятелей во время войны; перезахоронение останков; возвращение некоторых символических объектов (например, пушки «Баба Марзуг»²)³). Однако более значимо, что здесь он формулирует общий подход, придерживаться которого необходимо двум сторонам: «Цель состоит не в том, чтобы написать общую историю, а в том, чтобы попытаться вместе объяснить колониализм, не полагая, будто все может быть решено неким окончательным вердиктом»⁴.

Наконец, последний раздел доклада содержит в себе порядка трех десятков вполне конкретных рекомендаций (частично они повторяют уже описанные ранее). Некоторые из них носят довольно бюрократический характер и сводятся к созданию разного рода комиссий и рабочих групп, в том числе по разминированию и установлению мест проведения ядерных испытаний и более общей двусторонней комиссии «памяти и истины». Другие касаются символической политики – установления дней памяти, возвращения в Алжир имеющих особую ценность для алжирской стороны артефактов. Третьи связаны с различными аспектами деятельности по идентификации останков жертв войны и сохранению мест захоронения погибших. Четвертые – с созданием музеев и мемориалов. Пятые – с интенсификацией академического и образовательного сотрудничества, созданием специальной книжной серии и фонда для поддержки переводов, пересмотром преподавания истории французской политики в Алжире в школьных учебниках с тем, чтобы она рассматривалась в контексте колониализма. Наконец, шестые –

1 Stora 2021, 86.

2 Баба Марзуг (ар. Отец удачи), или *La Consulaire* – 7-метровая пушка, с XVI в. защищавшая гавань г. Алжира. Была захвачена французами в 1830 г. и в 1833 г. установлена на гранитном пьедестале в г. Брест. С 1990-х гг. алжирская сторона периодически требует ее возвращения.

3 Stora 2021, 90–91.

4 Stora 2021, 92.

с облегчением визового режима для перемещения между двумя странами харки и их потомков.

Выдвинутые Б. Стора рекомендации производят, откровенно говоря, смешанное впечатление. С одной стороны, по большей части они очень предметны и вполне реализуемы на практике – автор предлагает целый ряд довольно ярких действий, к тому же вряд ли излишне обременительных для французского правительства в моральном или материальном отношении, но способных произвести серьезный медийный эффект и, конечно, сильное впечатление как на алжирское общество, так и на сочувствующую ему часть общества французского. Особенно конкретны при этом те шаги, которые непосредственно связаны с профессиональными компетенциями автора (академический обмен, музейное дело).

С другой стороны, наиболее важные рекомендации, предполагающие системное изменение ситуации, автором либо вовсе не выдвигаются (как идея извинений перед Алжиром или общего учебника истории), либо носят совершенно обобщенный и не прикладной характер – облегчение передвижений харки, изменение школьной программы. Вероятно, именно поэтому доклад Б. Стора вызвал столь противоречивую реакцию публики.

Дискуссия о докладе

Вполне ожидаемо, что алжирская сторона отреагировала на него негативно. Представитель президента А. Теббуна А. Бельхимер назвал документ «необъективным» и уравнивающим «жертву и палача»¹, в то время как директор национальных архивов А. Шихи, имя которого фигурирует в длинном списке благодарностей к докладу и который, как предполагалось, должен был выступить автором аналогичного алжирского документа, сказал, что поскольку доклад Б. Стора не был представлен алжирской стороне официально, он для нее словно не существует². Комментируя эти слова, французский историк Ж. Мансерон напишет: «Мы почти вернулись к тому времени, когда советские руководители начала десталинизации отрицали подлинность доклада, представленного Н. Хрущевым XX съезду, текст которого разошелся по всему миру, называя его докладом, “приписываемым товарищу Хрущеву”»³.

Ситуация усугубилась к осени 2021 г., когда сентябрьские скандальные заявления французского президента о «военно-политической системе» Алжира, «живущего за счет ренты памяти»⁴, повлекли за собой острый дипломатический кризис, заставивший в конечном счете Э. Макрона взять свои слова обратно.

1 “Algérie: le rapport Stora qualifié de ‘non objectif’ par le gouvernement algérien (Algeria: the Stora’s Report Described as ‘not Objective’ by the Algerian Government),” TV5 Monde, February 18, 2021, accessed May 3, 2023, <https://information.tv5monde.com/international/algerie-le-rapport-stora-qualifie-de-non-objectif-par-le-gouvernement-algerien-36317>.

2 “Pour Alger, c’est comme si le rapport Stora sur la réconciliation des mémoires entre la France et l’Algérie n’existait pas (For Algiers, it is as if the Stora’s Report on the Reconciliation of Memories Between France and Algeria did not exist),” Le Monde, March 24, 2021, accessed May 2, 2023, <https://histegeodgab.files.wordpress.com/2021/03/lm-240321-pour-alger-cest-comme-si-le-rapport-stora-sur-la-reconciliation-des-memoires-entre-la-france-et-lalgerie-nexistait-pas-.pdf>.

3 “Des réactions de la part d’historiens en France au rapport de Benjamin Stora (Reactions from Historians in France to Benjamin Stora’s Report),” Histoire coloniale et postcoloniale, February 7, 2021, accessed May 1, 2023, <https://histoirecoloniale.net/Des-reactions-de-la-part-d-historiens-en-France-au-rapport-de-Benjamin-Stora.html>.

4 Anne Guion, “Les propos de Macron sur le ‘système politico-militaire’ rallument les braises entre l’Algérie et la France (Macron’s Comments on the ‘Politico-Military System’ Reignite the Embers Between Algeria and France),” La Vie, October 7, 2021, accessed May 4, 2023, <https://www.lavie.fr/actualite/geopolitique/les-propos-de-macron-sur-le-systeme-politico-militaire-rallument-les-braises-entre-lalgerie-et-la-france-78260.php>.

Тем не менее к лету 2022 г. ситуация несколько разрядилась. В июле во время празднований шестидесятой годовщины независимости страны А. Теббун принял Б. Стора, посетившего Алжир, по словам историка, вовсе не для того, чтобы сгладить негативный эффект от резких заявлений Э. Макрона. В ходе встречи, прошедшей в условиях очередной нормализации отношений, А. Теббун попросил своего гостя «провести “работу над общей памятью” обо всем французском колониальном периоде в Алжире»¹, не ограничиваясь лишь периодом войны за независимость. А вскоре вслед за этим начался и процесс формирования двусторонней комиссии историков, создание которой было предложено в докладе. В январе 2023 г. журнал *Jeune Afrique* опубликовал список вошедших в нее исследователей².

Если публичная алжирская реакция на доклад была в значительной степени обусловлена вполне ожидаемым неприятием его умеренности и политическим контекстом, то дискуссия во французском профессиональном сообществе исследователей оказалась более содержательной и эмоциональной. Большинство увидевших свет откликов делятся на две группы – умеренных сторонников и резких противников Б. Стора.

На портале «Колониальная и постколониальная история» уже 7 февраля 2021 г., спустя немногим более двух недель после официального представления доклада президенту, вышла статья³, в которой были собраны отзывы на доклад нескольких историков колониализма.

Наиболее содержательным из них представляется текст Ж. Мансерона, автора многочисленных работ по колониальной истории Франции и члена ЦК Лиги прав человека. Приветствуя попытку Б. Стора вернуть французам «искаженную стереотипами память об алжирской войне» и утверждая, что ни один президент Республики до Э. Макрона не решался обратиться к мемориальному вопросу с такой же прямотой, он обращает внимание, что сначала становление в независимом Алжире жесткого авторитаризма, а затем драматические события 1990-х гг. поселили во французском обществе уверенность в правоте тех групп, которые выступали против деколонизации в середине XX в. Значительная заслуга Б. Стора состоит в реконструкции медленной эволюции проблемы отношения к алжирской войне во французском обществе.

Значительного внимания в этом тексте удостоивается поднятая в докладе проблема с «раскайанием» Франции. Говоря о том, что Б. Стора отвергает использование этого понятия, «как почти все историки», он обращается к сложности политического контекста публикации доклада. По словам Ж. Мансерона, идея «покаяния» получила развитие во французском политическом дискурсе вовсе не по инициативе левых или тем более алжирцев, как это могло бы показаться, а в результате пропаганды правых, ностальгировавших по эпохе колониализ-

1 “Аль-мауарих аль-фарансий Стора якшифу муктаракхан ли-раис Аль-Джазаир хауала аз-закира (French Historian Stora Reveals a Proposal to the Algerian President About Memory).” Аль-минаса, July 10, 2022, accessed May 2, 2023, <https://www.almi-nasapress.com/news1398788>.

2 Farid Aillat, “Commission Mixte Algérie-France : les noms des dix historiens enfin connus (Joint Algeria-France Commission: the Names of the ten Historians finally known),” *Jeune Afrique*, January 30, 2023, accessed May 1, 2023, <https://www.jeuneafrique.com/1413392/politique/commission-mixte-algerie-france-les-noms-des-dix-historiens-enfin-connus/>.

3 “Des réactions de la part d'historiens en France au rapport de Benjamin Stora (Reactions from Historians in France to Benjamin Stora's Report),” *Histoire coloniale et postcoloniale*, February 7, 2021, accessed May 1, 2023, <https://histoirecoloniale.net/Des-reactions-de-la-part-d-historiens-en-France-au-rapport-de-Benjamin-Stora.html>.

ма. Именно они в свое время стали утверждать невозможность какого бы то ни было покаяния, которого на деле от них никто и не требовал, – их противники говорили не о покаянии, а о признании военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных Францией в Алжире.

В этой ситуации, и тем более когда правые политические силы во Франции от выборов к выборам демонстрируют совершенно не снижающуюся популярность, Б. Стора избрал прагматичный подход, при котором «вместо того, чтобы выражать определенные идеи, к которым он лично привязан, но которые не имеют шансов быть сохраненными в нынешнем французском политическом контексте, искал то, что могло бы быть эффективным». Отсюда – определенная скромность предлагаемых им мер, которые тем не менее «имплицитно содержат в себе» требование признания Францией ответственности¹.

Авторы других хвалебных отзывов хотя и отмечают подчас политическую нереализуемость некоторых системных предложений Б. Стора, все же отдают дань и фундированности доклада, и прагматизму его автора, сумевшего в очень непростой политической ситуации все же предложить вполне реальные шаги, которые должны в конечном счете помочь двум странам продвинуться на пути примирения². Если сторонники Б. Стора хвалят его за прагматизм, то противники (в основном – арабисты и специалисты по колониальному Алжиру) критикуют за политический оппортунизм и нарушение профессиональной этики.

Так, известнейший исламовед Ф. Бюрга отреагировал на доклад резкой статьей: «Доклад Стора – Франция вновь отрицает историю Алжира»³. В ней он обвиняет автора в том, что в нем советник президента победил историка, в результате чего весь предложенный им текст оказался направлен на то, чтобы не разозлить правый спектр президентского электората. Отсюда – повторенный вслед за самим Э. Макроном решительный отказ от каких бы то ни было извинений Франции, отсюда же – стремление поставить на одну доску системное насилие, которому подвергалось население Алжира на протяжении 132 лет, с периодическими вспышками сопротивления и контрнасилия. Отсюда же, наконец, – замалчивание конкретных данных о преступлениях, совершенных колонизаторами, массово уничтожавшими местное население. Все эти манипуляции, с точки зрения Ф. Бюрга, объясняются одним единственным и очень простым обстоятельством: к моменту публикации доклада Э. Макрон, прежде всего, был озабочен завоеванием поддержки правого электората на выборах 2022 г., яв-

1 “Des réactions de la part d'historiens en France au rapport de Benjamin Stora (Reactions from Historians in France to Benjamin Stora's Report),” *Histoire coloniale et postcoloniale*, February 7, 2021, accessed May 1, 2023, <https://histoirecoloniale.net/Des-reactions-de-la-part-d-historiens-en-France-au-rapport-de-Benjamin-Stora.html>.

2 “Dense et riche, le rapport Stora peut permettre d'aller au-delà du conflit franco-algérien (Dense and Rich, the Stora's Report can make it Possible to go Beyond the Franco-Algerian Conflict),” *Liberation*, January 20, 2021, accessed May 1, 2023, https://www.liberation.fr/debats/2021/01/20/dense-et-riche-le-rapport-stora-peut-permettre-d-aller-au-dela-du-conflit-franco-algerien_1818082/; Malika Rahal, “Guerre d'Algérie : ‘Nommer les victimes de la disparition forcée vaudrait réparation symbolique’ (Algerian War ‘Naming the Victims of Enforced Disappearance would be Worth Symbolic Reparation),” February 5, 2021, accessed May 5, 2023, https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/02/05/guerre-d-algerie-nommer-les-victimes-de-la-disparition-forcee-vaudrait-reparation-symbolique_6068854_3232.html; Samia Lokmane Khelil, “Tramor Quemeneur, historien: ‘Il est difficile de parvenir à un apaisement complet des mémoires’ (Tramor Quemeneur, Historian/It is difficult to Achieve a Complete Appeasement of Memories),” February 6, 2021, accessed May 3, 2023, https://www.liberte-algerie.com/actualite/il-est-difficile-de-parvenir-a-un-apaisement-complet-des-memoires-353638?fbclid=IwAR39PJrIb-VSu1Z-O1aUyMunxSPW7eT9cOFCtc79C-me8CTGetwno2hWRIA#_YB8puSK6WNNM.facebook.

3 Francois Burgat, “ANALYSIS – Stora Report: France Denies Algerian History once Again,” February 17, 2021, accessed May 1, 2023, <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-stora-report-france-denies-algerian-history-once-again/2148554>.

ным проявлением чего стала его речь 2 октября 2020 г. о предотвращении «му-сульманского сепаратизма»¹.

В тех же тонах выдержана и не без сарказма написанная статья историка Алжира О. Ле Гранд Мэзона, отмечающего, что доклад должен рассматриваться не как историографический текст, но исключительно как текст политический, чего не мог не понимать его автор. Совпадая с Ф. Бюрга в основной своей аргументации, он, кроме того, обращает внимание на использование Б. Стора «правого» вокабуляра при описании колониализма и опасности национального раскола во Франции и практически полный его отказ от использования таких понятий, как «военные преступления» или «преступления против человечности», вместо которых используются различные эвфемизмы. Интересно, что последнее понятие упоминается в докладе один раз, когда речь идет об интервью Э. Макрона алжирскому телеканалу *Echourouk News* в феврале 2017 г., где президент именно так обозначил колониализм. При этом в докладе не говорится, что, вернувшись во Францию, Э. Макрон от своих слов отказался.

Наконец, он обращает внимание на манипулятивность обращения к опыту Японии при разговоре о покаянии или извинениях – ведь есть множество гораздо более близких примеров, когда государства признавали вину за совершенные ими преступления: Германия в случае с Юго-Западной Африкой; Великобритания в случае с Кенией; США, Новая Зеландия, Канада и Австралия в случае с коренными народами².

Несколько выбивается из ряда критиков С. Тэно, директор по исследованиям *CNRS*. В ее анализе подчеркиваются две слабости текста Б. Стора. Во-первых, в результате персонификации Франции и Алжира, содержащейся уже в самом названии доклада и далее прослеживающейся во всем тексте, отношения между двумя странами предстают в изображении автора чем-то подобным отношениям между людьми. Отсюда использование многих эмоциональных и трудноопределимых понятий.

Во-вторых, библиография доклада основана почти исключительно на французских публикациях начала 2000-х гг. Англо-саксонская историография полностью отсутствует, хотя она могла бы помочь посмотреть на проблему извне. Кроме того, обогащение библиографии даже французскими работами последних лет позволило бы показать, что ни о каком герметическом единстве воспоминаний отдельных групп населения (то, что Б. Стора называет коммунитаризацией памяти) речи идти не может – в каждой из них присутствует широкий спектр отношений к прошлому. Наконец, подходы к прошлому алжирской стороны изображаются так, словно во Франции есть общество, а в Алжире только государство. Обращение к этим разным историографическим материалам заставило бы автора отказаться от его ключевого тезиса о «войне памяти», придуманного во Франции. Да

1 Ibid.

2 Olivier Le Cour Grandmaison, "Sur le rapport de Benjamin Stora: le conseiller contre l'historien (On the Report of Benjamin Stora: the Adviser Against the Historian)," *Le Club de Mediapart*, January 28, 2021, accessed May 7, 2023, <https://blogs.mediapart.fr/olivier-le-cour-grandmaison/blog/280121/sur-le-rapport-de-benjamin-stora-le-conseiller-contre-l-historien>; Аргументы Ф. Бюрга и О. Ле Гранд Мэзона повторяет и Саид Буамама: Saïd Bouamama, "La signification politique et idéologique du Rapport de Benjamin Stora. On ne dépasse jamais une page d'histoire sans la lire jusqu'à la dernière ligne (The Political and Ideological Significance of Benjamin Stora's Report. We never go Beyond a Page of History Without Reading it to the Last Line)," February 6, 2021, accessed May 2, 2023, <https://bouamamas.wordpress.com/2021/02/06/la-signification-politique-et-ideologique-du-rapport-de-benjamin-stora-on-ne-depasse-jamais-une-page-d-histoire-sans-la-lire-jusqua-la-derniere-ligne/>.

и само понятие памяти устарело и не может служить инструментом анализа – оно лишь психологизирует сложную реальность, препятствуя ее изучению¹.

Выводы

Как можно видеть и по самому докладу Б. Стора, и по последовавшим за его публикацией дискуссиям, проблема памяти в алжиро-французских отношениях стоит очень остро. Вероятно, дело в том, что, как отмечает сам историк, алжирская война – «это не маргинальное и не периферийное событие – оно занимает центральное место в истории [Франции], но до сих пор не воспринимается как таковое... оно... замалчивается»².

Если оставить в стороне специфику политической ситуации, в которой был опубликован доклад (подготовка Э. Макрона к выборам 2022), и наиболее конкретные вопросы двусторонних отношений (архивы, судьбы пропавших без вести), а также специфику восприятия истории в двух обществах (ответственность сторон, роли жертвы и агрессора, вопрос о покаянии), то можно увидеть одну наиболее существенную проблему, на которую не обращают внимание ни критики, ни сторонники автора.

Она состоит в сохраняющемся несмотря ни на что неравенстве восприятия сторон. И действительно, с самого начала Б. Стора пытается продемонстрировать параллелизм влияния памяти о войне на два общества. С этой целью он справедливо отмечает важность алжирской войны для формирования современных Алжира и Франции, сравнивает ее воздействие на несколько поколений населения в двух странах, говорит о ее сохраняющемся социально-политическом импульсе, воздействии которого продолжают ощущать не только двусторонние отношения, но и социальная повестка двух обществ. И все равно в рисуемой им картине выходит так, что даже в своем переживании прошлого Алжир и Франция отнюдь не равны.

Трагедия французской стороны состоит в том, что война расколола французское общество, и этот раскол сохраняется по сей день. Однако в нем, по сути, никто не виноват. Не зря на первой же странице текста Б. Стора цитирует Р. Драи, возлагавшего вину за свой отъезд из Алжира на «иррациональность Истории, ее жестокость».

Однако в трагедии стороны алжирской, как ее описывает Б. Стора, виновные есть – и это вовсе не Франция или, по крайней мере, одна лишь Франция. Ведь трагедия эта состоит не только в жертвах, понесенных алжирским обществом за 132 года колониальных унижений и во время войны за независимость, но и в установлении по ее окончании жестокого репрессивного режима, расквитавшегося и со своими противниками, и со многими соратниками, и инструментализировавшего историческую память. Соответственно, именно на победителях – руководстве ФНО – лежит ответственность за все случившееся.

Связана ли такая читаемая в докладе интерпретация истории с тем, что этот текст писался для французских читателей, значительное число которых не готово расстаться с идеей цивилизаторской миссии Франции? Или же она связана с

1 Thénault 2021.

2 Лекция Б. Стора «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» // Youtube. 29 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/dQODGxj2_s (дата обращения: 09.05.2023).

тем, что сам его автор – француз, осмысляющий историю при помощи все еще колониального языка?

Является ли, иначе говоря, взгляд на историю алжиро-французских отношений Б. Стора, ученого, 40 лет посвятившего ее изучению и никак не считающегося сторонником правых политических сил, объективирующим и потому колониальным? Является ли признаком колониального сознания демонстрируемая автором нечувствительность к тем моментам, которые – он с его опытом историка и знанием Алжира не может этого не понимать – будут либо скептически, либо болезненно восприняты в Алжире?

Или же речь идет лишь о политической игре и попытке продвинуться хоть на полшага вперед в благородном деле примирения между двумя обществами, находясь в весьма специфических политических условиях?

Ответить на эти вопросы невозможно, да в общем-то и не нужно. Достаточно быть благодарными историку за его труд. Однако эти вопросы выводят на иные и, возможно, более важные – с ними сталкивается любой ученый, затрагивающий чувствительные для общества сферы. Где заканчивается ответственность ученого и начинается ответственность гражданина, и насколько гражданские задачи, которые ставят перед собой такие ученые, допускают гибкость в вопросах профессиональной этики? Правы ли французские критики Б. Стора, обвиняющие его в недостаточно ясном признании вины Франции – вины, с существованием которой он, судя по его академическим работам, вполне согласен? Или же правы те историки, которые считают, что такое признание попросту сделало бы неосуществимым любое движение на пути к примирению? Впрочем, все это проблемы, выходящие далеко за пределы настоящей статьи, обращенной к весьма скромному сюжету, и лежащие скорее в области морали и философии гуманитарной науки. Их актуализация сегодня, вероятно, служит одним из многочисленных свидетельств переосмысления задач гуманитарного знания в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ланда, Р.Г. Ахмед Мессали Хадж // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 47–71.

Landa, Robert G. "Ahmed Ben Messali Hadj." *Voprosy istorii*, no. 3 (2005): 47–71 [In Russian].

Ланда, Р.Г. Фархат Аббас // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 58–82.

Landa, Robert G. "Ferhat Abbas." *Voprosy istorii*, no. 9 (2004): 58–82 [In Russian].

Канинская, Г.Н. Французское общество и Алжирская война (1954–1962 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 13. С. 157–175.

Kaninskaya, Galina N. "French Society and the Algerian War (1954–1962)." *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies,"* no. 13 (2014): 157–175 [In Russian].

Прусская, Е.А. «Бархатный» французский империализм (о книге Д. Тодда) // Французский ежегодник. 2021. Т. 54. С. 419–428.

Prusskaya, Evgeniya A. "'Velvet' French Imperialism (On David Tosdd's Book)." *Annual of French Studies* 54, (2021): 419–428 [In Russian].

Прусская, Е.А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 31–43.

Prusskaya, Evgeniya A. "Projects of Colonization of Algeria during the Early French Occupation (1830–1834)." *Modern and Contemporary History*, no. 6 (2021): 31–43 [In Russian].

Сапронова, М.А., Орлов, В.В. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // История. 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I. <https://doi.org/10.18254/S207987840010457-1>.

Sapronova, Marina A., and Vladimir V. Orlov. "'Past Colonial Heritage' in Algerian-French Relationship: Curse of the Past or Hope for the Future?" *Istoriya* 11, no. 12 (2020) [In Russian].

Adamson, Kay. "Issues of Culture and Identity in Contemporary France: The Problem of Reconciling a Colonial Past with a Present Reality." *Sociology* 40, no. 4 (2006): 627–643. <https://doi.org/10.1177/0038038506065151>.

Brazzoduro, Andrea. "Towards a Postmodern National Narrative? The Algerian War Memorial and

Contemporary French Landscapes of Memory." *Memory Studies* 15, no. 4 (2019): 858–882. <https://doi.org/10.1177/1750698019863148>.

Draï, Raphaël. *Lettre au président Bouteflika sur le retour des Pieds-Noirs en Algérie*. Editions Michalon, 2000.

Draï, Raphaël. *Letter to President Bouteflika on the Return of the Blackfeet to Algeria*. Editions Michalon, 2000 [In French].

Guedj, Jérémy. "Juifs et musulmans d'Algérie en France. Cinquante ans d'exil partagé, entre mémoire, échanges et déchirements." *Hommes & Migrations*, no. 1295 (2012): 144–154. <https://doi.org/10.4000/hommesmigrations.1081>.

Guedj, Jérémy. "Jews and Muslims from Algeria in France. Fifty Years of Shared Exile, Between Memory, Exchanges and Heartbreak." *Men & Migration*, no. 1295 (2012): 144–154 [In French].

Harbi, Mohammed. *Une vie debout. Memoires politiques*. Paris: La Decouverte, 2001.

Harbi, Mohammed. *A Life on your Feet. Political Memoirs*. Paris: La Decouverte, 2001 [In French].

Issaad, Mokdad. *Genèse d'un État-Nation: l'Algérie*. Paris: L'Harmattan, 2022.

Issaad, Mokdad. *Genesis of a Nation-State: Algeria*. Paris: L'Harmattan, 2022 [In French].

Stora, Benjamin. *Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie*. Paris, 2021. <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/09/05/86b6b0ef1c2fc2540589c6d56a1ae63a65d97c.pdf>.

Stora, Benjamin. *The Memorial Questions Relating*

to the Colonization and the Algerian War. Paris, 2021 [In French].

Tamburini, Francesco. "Who Controls the Past Controls the Future: How Algeria Manipulated History and Legitimated Power Using its Constitutional Charters and Legislation." *Journal of Asian and African Studies* 57, no. 2 (2021): 226–246. <https://doi.org/10.1177/00219096211013416>.

Thénault, Sylvie. "Benjamin Stora, Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie, rapport remis au président de la République, en ligne Benjamin Stora, France-Algérie. Les passions douloureuses." *Histoire Politique*, April 13, 2021, accessed May 10, 2023.

Thénault, Sylvie. "Benjamin Stora, The Memorial Questions Concerning the Colonization and the Algerian War, Report Submitted to the President of the Republic, online Benjamin Stora, France-Algeria. Painful Passions." *Histoire Politique*, (April 13, 2021) [In French].

Thénault, Sylvie. "Justice et droit d'exception en guerre d'Algérie (1954–1962)." *Les Cahiers de la Justice* 2, no. 2 (2013): 71–81. <https://doi.org/10.3917/cdlj.1302.0071>.

Thénault, Sylvie. "Justice and the Right of Exception in the Algerian War (1954–1962)." *The Bulletin of Justice* 2, no. 2 (2013): 71–81 [In French].

Vidal-Naquet, Pierre. *L'Affaire Audin*, 1957–1978. Paris: Éditions de Minuit, 1989.

Vidal-Naquet, Pierre. *The Audin Case*, 1957–1978. Paris: Éditions de Minuit, 1989 [In French].

Сведения об авторе

Кузнецов Василий Александрович,

к.и.н., доцент Восточного факультета Государственного академического института гуманитарных наук (ГАУГН), 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26

e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Василенко Анастасия Игоревна,

преподаватель Восточного факультета Государственного академического института гуманитарных наук (ГАУГН), 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26

e-mail: avasilenkan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1027-6137

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10.05.2023.

Переработана: 13.06.2023.

Принята к публикации: 30.06.2023.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кузнецов, В.А., Василенко А.И. Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро-французских отношениях в начале 2020-х годов // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14(2). С. 73–96.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-73-96>

Reading Stora Carefully: Problems of Historical Memory in Algerian- French Relations in the Early 2020s

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the colonial past in Algerian-French relations. In the early 2020s, it gained particular urgency for three reasons. Firstly, in the context of the transformation of the global world order and the deep social cleavages that have engulfed both many Eastern and Western societies, issues of historical memory, external and internal decolonization began to come to the fore both in public discussions within individual states and in international relations. Secondly, the coming to power in France of E. Macron marked an attempt at a serious transformation of the country's foreign policy, strengthening its position in the world as a whole, and in the region of the Middle East and North Africa, in particular. Related to this were the (mostly unsuccessful) initiatives of E. Macron on the Palestinian-Israeli and Libyan settlements, the Lebanese crisis, and the resolution of accumulated contradictions with Algeria. Thirdly, A. Tebboune's coming to power in Algeria in 2019 also gave impetus to the country's foreign policy and created the conditions for revising relations with France. In these circumstances, the idea arose of preparing reports by the two sides on the possibilities of overcoming the negative colonial legacy in bilateral relations. The Algerian side did not submit the report, and the French text was prepared by B. Stora by January 2021 and caused wide response. The purpose of this article is to determine, based on the analysis of this text and the materials of the discussions that followed it, the French vision of the problem of reconciliation with Algeria. The article was written using the method of "slow reading" of the source - its main part is a detailed analysis of the report by B. Stora, followed by a review of the discussion he caused. The result of this approach is the identification of not only the widely discussed contradictions in matters of historical memory (both between Algeria and France, and within French society), but also the identification of some non-obvious problems of the French perception of this problem.

KEYWORDS

France, Algeria, colonialism, historical memory, Benjamin Stora, Algerian war of Independence, Algerian war

Author

Vasily A. Kuznetsov,

PhD (Hist.), Associate Professor, Faculty of Oriental Studies, State Academic University
for the Humanities (GAUGN)

26 Maronovskiy lane, Moscow, Russia, 119049

e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Anastasia I. Vasilenko,

Lecturer, Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN)

26 Maronovskiy lane, Moscow, Russia, 119049

e-mail: avasilenkan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1027-6137

Additional information

Received: May 10, 2023. Revised: June 13, 2023. Accepted: June 30, 2023.

Funding

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 "Historical and cultural traditions and values in the context of global history").

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kuznetsov Vasily A., and Anastasia I. Vasilenko. "Reading Stora Carefully: Problems of Historical Memory in Algerian-French Relations in the Early 2020s."
Journal of International Analytics 14, no. 2 (2023): 73–96.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-73-96>

Идеологема справедливости и антиколониальный дискурс как обоснование инициативной внешней политики Турции

Вероника Витальевна Цибенко, ЮФУ, Ростов-на-Дону

Контактный адрес: tsibenkow@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа широкого корпуса текстов и выступлений турецких лидеров и идеологов, а также программ политических партий изучена роль идеологемы справедливости в обосновании инициативной внешней политики Турецкой Республики. Рассматривается турецкая специфика концепта справедливости и его применение в сочетании с антиколониальным дискурсом. В ходе исследования установлено, что, сформировавшись во второй половине XX в. на основе исламского концепта справедливости для легитимации борьбы против светских политических элит, в XXI в. идеологема справедливости стала широко применяться новыми политическими элитами на международной арене. Проведенное исследование дает возможность сделать следующий вывод: идеологема справедливости функционирует как моральный аргумент, позволяющий обосновывать внешнеполитические решения турецкого руководства и для внутренней турецкой аудитории, требующей обоснования проактивности или инициативности на международной арене в силу сложившегося в Турции внешнеполитического мышления, и для международного сообщества с основным упором на его мусульманский сегмент. Идеологема справедливости, по своим корням исламистская, задействует антиколониальный дискурс, что позволяет Турции формировать новый центр силы в системе международных отношений через критику Запада как коллективного виновного в колонизации и эксплуатации остального мира, а турецкому руководству дает право выступать с морализаторской позиции, устанавливая свой авторитет как противостоящей угнетателям справедливой стороны, готовой объединить под своим началом весь незападный мир в новой «справедливой системе управления».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Турция, справедливость, внешняя политика, Партия справедливости и развития, исламизм, моральный аргумент

Введение

Инициативность наряду с человекоориентированностью¹ – базовая характеристика внешней политики Турции, согласно актуальной концепции, опубликованной на официальном сайте турецкого МИДа в тезисном виде, и начиная с 2017 г. представляемая министром иностранных дел Мевлютом Чавушоглу турецкому парламенту в итоговых годовых отчетах².

Под инициативной (тур. *girişimci*) внешней политикой понимается соответствующая предприимчивому духу турецкой нации защита национальных интересов на региональном и международном уровнях и обеспечение устойчивого мира, развития, процветания и стабильности на обширной географии, охватывающей Балканы, Ближний и Средний Восток, Африку, Кавказ и Центральную Азию с выделением центрального положения Турции. В последнем отчете министра подчеркивается готовность к активности и за столом переговоров, и непосредственно в среде (тур. *sahada ve masada*), богатство истории и дипломатической традиции, сильная институциональная опора с разветвленной сетью диппредставительств по всему миру³, человеческий ресурс и динамично развивающаяся экономика.

Концепция содержит оценку текущего состояния и перспектив развития ситуации по различным областям деятельности и географическим направлениям, проблемным вопросами и конкретным инициативам Турции. Наряду с этим особый интерес представляет обоснование инициативности Турции на международной арене, дающееся в документе с отсылкой к опорному тезису президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен» (тур. *Daha Adil bir Dünya Mümkün*) и формуле «Мир больше пяти» (тур. *Dünya Beşten Büyüktür*), к которым ранее уже было привлечено исследовательское внимание.

В частности, П.В. Шлыковым представлен фундированный анализ истории дискуссий о справедливом миропорядке в Турции с упором на международную деятельность Турции в 2000-е гг.⁴; А.А. Ирхиным и О.А. Москаленко изучены попытки превращения Турции в глобального актора мировой политики посредством формулы «Мир больше пяти» и последствия для России применения турецкой «мягкой» и «жесткой силы»⁵; В.А. Аватковым и Р.И. Гузаеровым осуществлен подробный критический разбор книги Реджепа Эрдогана «Справедливый мир возможен»⁶. Следует отметить, что зарубежные работы по вопросу носят достаточно поверхностный характер, ограничиваясь простым упоминанием книги и основных тезисов Реджепа Эрдогана в позитивном либо негативном ключе⁷. Среди них выделяется работа Бердала Арала, который предпринял попытку проследить использование «девиза» турецкого президента на внешнеполитической и внутривнутриполитической аренах, однако основное внимание уделил текущей

1 Турецкий МИД использует на русском языке термины «предприимчивая» и «гуманная», что представляется не вполне удачным переводом.

2 Соответствующее издание ежегодно размещается на сайте турецкого МИДа.

3 Если в 2003 г. насчитывалось 166 дипломатических и консульских миссий, то в настоящее время – около 260.

4 Шлыков 2019.

5 Ирхин, Москаленко 2021.

6 Аватков, Гузаеров 2023.

7 Uzer 2018.

ситуации в ООН и перспективам развития организации¹. В то же время недостаточно изученными остались причины самой необходимости обоснования инициативности или проактивности на международной арене, что можно отнести к проявлениям специфики «внешнеполитического мышления» республиканской Турции. Также неясна роль концепции «справедливости» и ее исламские основания, что представляет несомненный научный интерес.

В настоящем исследовании на основе анализа широкого корпуса обосновывающих текстов турецких лидеров и идеологов, а также программ политических партий предпринимается попытка ответить на вопросы, почему турецкая внешняя политика требует обоснования и какими средствами это достигается. Исследовательский фокус будет направлен на концепцию «справедливости», рассмотренную в качестве идеологемы, и ее связи с антиколониальным дискурсом. Основная цель исследования – установить функции применения идеологемы справедливости и определить роль, которую она играет во внешней политике Турции. Для этого в статье проводится анализ обоснования внешнеполитической активности Турции, рассматриваются особенности турецкого концепта справедливости и изучается его использование в качестве идеологемы, функционирующей в контексте антиколониального дискурса.

Обоснование внешнеполитической активности Турции как проблема

Основы внешней политики Турецкой Республики были заложены Мустафой Кемалем Ататюрком, первым президентом (1923–1938) и национальным лидером, в связи с чем символическое значение обрел его лозунг «Мир в стране – мир во всем мире». Эти слова, относящиеся к 1931 г., не только цитируются в упомянутой выше концепции инициативной и человекоориентированной внешней политики, но и используются во всех ключевых документах, в том числе в Конституции Турецкой Республики, высечены в камне на многочисленных монументах по всей стране. Отражая безусловный приоритет внутренней политики над внешней, эта формула включает в себе ключевые внешнеполитические принципы нового государства: сосредоточение на проблемах внутри государственных границ, обозначенных Национальным обетом Турции 1920 г. и Лозаннским мирным договором 1923 г., миролюбивая внешняя политика и невмешательство во внутренние дела других государств.

Данный курс, несмотря на отдельные и объяснимые внешнеполитической конъюнктурой контрпримеры², в общих чертах сохранился к XXI в. Как отмечает П.В. Шлыков, «вплоть до конца 1990-х гг. Турция, опираясь на принципы традиционного реализма, не генерировала своего альтернативного видения регионального порядка и внешнеполитических концепций, которые выходили бы за рамки существующих норм международного права и принципов, сформулированных в рамках ООН и других международных организаций»³. Даже

1 Aral 2019.

2 В частности, отправка в 1950 г. турецкого корпуса для участия в Корейской войне, предшествовавшая вступлению Турции в НАТО в 1952 г.

3 Шлыков 2019, 36.

в предвыборных программах партий блок по внешней политике традиционно располагался на самом последнем месте после вопросов внутренней политики, экономики и культуры.

Переоценка сложившейся парадигмы связана с именем ученого-международника, впоследствии министра иностранных дел (2009–2014), лидера правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и премьер-министра Турции (2014–2016) Ахмета Давутоглу. В своем вышедшем в 2001 г. программном тексте «Стратегическая глубина. Международное положение Турции»¹ он сосредоточился на определении новой для государства роли на международной арене после окончания холодной войны. Именно благодаря его книге развернувшаяся после распада СССР внешнеполитическая активность Турции на Балканах, Ближнем Востоке и постсоветском пространстве получила свое первое значимое теоретическое обоснование и признание в высших кругах руководства страны.

Для переоценки внешнеполитической роли Турции Ахмет Давутоглу задействовал геополитический подход, который он подверг критическому переосмыслению², а также соответствующую классическую терминологию, принятую на Западе³. Основополагающее значение было уделено геополитике, геокультуре и постимперскому наследию, превращающему Кавказ, Балканы и Ближний Восток в «османские зоны ядра» и часть *Pax Ottomanica*, объединенного осман-исламской культурой. Такая постановка вопроса привела к распространенной трактовке труда Ахмета Давутоглу исследователями как обосновывающего текста новой идеологии – неоосманизма⁴.

Новое видение внешнеполитического курса Турецкой Республики повлияло на предвыборную программу правящей Партии справедливости и развития (ПСР) уже в 2007 г., когда Ахмет Давутоглу выступал советником Реджепа Эрдогана. В прошлой программе ПСР 2002 г. только намечался потенциал регионального и глобального влияния Турции благодаря ее выгодному геополитическому положению, сохранялся приоритет территориальной целостности и суверенитета, политической стабильности и безопасности и лишь отмечались сложившиеся условия для реализации взаимовыгодной многовекторной и альтернативной внешней политики. Новая же программа вводила термин «многомерной внешней политики» (тур. *çok boyutlu dış politika*) с декларируемой целью сделать Турцию региональной силой и влиятельным глобальным актором.

Если первая программа партии 2002 г. предлагала проявлять больше инициативы и участия в разрешении региональных кризисов, то программа 2007 г. постулировала переход от кризисного подхода к стратегическому, что означает отказ от оборонительной реактивной стратегии в пользу проактивной и динамичной в широком окружении Турции – на Балканах и Кавказе, в Каспийском и Ближневосточном регионах, где предполагалось создать «круг безопасности и стабильности» (тур. *güvenlik ve refah halkası*) в соответствии с концепцией Ахмета Давутоглу «ноль проблем с соседями». Выделялись и зоны активности Турции

1 Davutoğlu 2012.

2 Taban 2013, 28–29.

3 Например, «зоны ядра» или «ключевые районы» (*core areas*, тур. *merkez alanlar*), «пояс» (*belt*, тур. *kuşak*), «фронт» (*frontier*, тур. *ön hat*), «центр силы» (*power center*, тур. *güç merkezi*), ось (*pivot*, тур. *eksen*) и «хинтерлэнд» (*hinterland*, тур. *arkabahçe*).

4 См., например: Шпаковская, Барнашов 2018.

в «Тюркском мире» как области «исторической ответственности» Турции, а также в Азии, Африке и Латинской Америке. Важно отметить, что в программе 2007 г. лозунг Мустафы Ататюрка стал служить обоснованием для укрепления обороноспособности страны и повышения ее военного потенциала, базируясь на необходимости обеспечения безопасности, стабильности и процветания в самой Турции и за ее пределами.

В 2015 г., когда Ахмет Давутоглу был лидером ПСР, раздел программы партии по внешней политике впервые получил глубокую концептуальную проработку и новое название, которое можно перевести как «передовое государство со стратегическим видением» (тур. *Vizyoner ve Öncü Ülke*). В соответствии с декларировавшейся внешнеполитической линией, основанной на ценностях (тур. *değer odaklı dış politika*), происходило перенесение концепта справедливости из внутренней во внешнюю политику, которая теперь стала носить характеристики «независимой» (тур. *bağımsız*), «реалистичной» (тур. *gerçekçi*), «проактивной» (тур. *pro-aktif*) и «создающей перспективу» (тур. *perspektif üreten*).

Основной акцент в разделе был сделан на политическую стабильность, согласование государственных интересов с глобальными ценностями. Подчеркивались успешность внешнеполитической деятельности ПСР в сравнении со всеми ее предшественниками; расширение внешнеполитической активности, в первую очередь в соседних регионах (тур. *komşu bölge*), с опорой на экономическую силу и историческое наследие Турции; а также вовлечение во внешнеполитическую деятельность граждан и некоммерческих организаций, т.е. именно то, что в исследовательской среде понимается в качестве «мягкой силы» Турции.

Вплоть до выхода в 2021 г. нового программного труда «Более справедливый мир возможен»¹ за авторством Реджепа Эрдогана концепция стратегической глубины оставалась единственным масштабным обоснованием внешнеполитической линии государства. Анонсированная в 2017 г. концепция инициативной и человекоориентированной внешней политики, хоть и вводила две новые ключевые категории внешнеполитического курса, в основном повторяла тезисы о приоритете национальных ценностей и демократии, безопасности и стабильности в регионе, а также подтверждала приверженность лозунгу «Мир в стране – мир во всем мире».

В новом тексте на основе предлагаемой турецким президентом формулы «Мир больше пяти», впервые озвученной Реджепом Эрдоганом еще в 2013 г., было представлено развернутое обоснование необходимости переустройства всей системы глобального управления через реформу Совета Безопасности ООН. Декларируемая идея турецкого президента состоит в ограничении полномочий Совбеза ООН – «элитного клуба» из пятерки стран-победительниц во Второй мировой войне – и превращении его в исполнительный орган для Ассамблеи ООН, которая, в свою очередь, будет выполнять функции общемирового парламента. В соответствии с этим, члены Совбеза ООН должны ротационно выбираться из состава Ассамблеи на определенный срок и не обладать правом вето. Таким образом, по мнению Реджепа Эрдогана, будет преодолена проблема политической непредставленности в процессе принятия решений $\frac{3}{4}$ населения Земли.

1 Erdoğan 2021.

Выдвижение такого заведомо малоисполнимого проекта, к тому же с низкой степенью детализации, очевидно несет выгоды для самой Турции на международной арене, которые крымские исследователи обозначили как «лидерство в суннитской части исламского мира... с секторальным лидерством в глобальном масштабе»¹. В.А. Аватков и Р.И. Гузаеров также отмечают, что исходя из желаний турецкого руководства сделать Турцию лидером мусульманской части международной системы «предложения по реформе носят половинчатый характер и в первую очередь преследуют цель возвращения Турции в СБ ООН на новых условиях, где Анкара уже имела бы влияние на принимаемые решения»².

Действительно, значительная часть текста книги «Справедливый мир возможен» посвящена несопоставимости и неравнозначности государств исходя из численности их населения, территориальной протяженности и богатства истории, что дает преимущества Турции и ряду других государств (например, Китаю) выступать на международной арене от имени широкого круга не представленных в должной мере стран. В этой логике Турция претендует на представительскую роль как лидер исламского и тюркского мира в соответствии со своими внешнеполитическими амбициями. При этом концептуальным обоснованием служит отсылка к универсальной справедливости, которая явным образом содержит выраженную турецкую специфику. В чем эта специфика состоит, попробуем разобраться в следующем разделе.

Справедливость в Турции как концепт

Турецкие авторы, опираясь на конструируемую преемственность Турции как национального государства от древних тюрков, при разборе существующего в Турции концепта справедливости часто апеллируют к соответствующим древнетюркским понятиям справедливости, связанным с законом и образом правителя, который поддерживает установленный небесами порядок³. Гораздо уместнее представляется искать корни турецкого понимания справедливости в исламской традиции, на протяжении многих веков задававшей основополагающие концепты и формировавшей культурные нормы для Османской империи, а теперь и Турции.

В исламской традиции справедливость является нравственной категорией, понимаемой как добродетель. Согласно тексту Корана, в котором справедливость (*адль*) и однокоренные слова упоминаются почти 30 раз, мусульмане призваны быть «стойкими в справедливости» (4:134) и «судить по справедливости» (4:61), поскольку «поистине, Аллах приказывает справедливость, благодеяние и дары близким» (16:92)⁴.

Для осуществления справедливости необходима сила и власть, а источником высочайшей справедливости является Аллах (справедливость – один из божественных атрибутов). Говоря о кораническом понимании справедливости, Х.О. Аушев отмечает: «В понимании ислама справедливость заключается в том,

1 Ирхин, Москаленко 2021, 104.

2 Аватков, Гузаеров 2023, 197–198.

3 Çakı 2017, 563–564; Kaplan 2020, 145–147.

4 Перевод И.Ю. Крачковского.

чтобы каждая вещь занимала предназначенное для нее место... мусульмане понимают под несправедливостью любое уклонение от пути, указанного Аллахом»¹. Или, по словам Ахмета Кесгина, называющего справедливость центральным аспектом веры, «для мусульман быть справедливыми означает исполнение божественного повеления»².

Таким образом, справедливость для мусульманина приравнивается к следованию религиозным догмам, а принятая в современном западном обществе корреляция между справедливостью и равенством сводится к равенству в подчинении воле Аллаха и справедливом, но не равном распределении благ по установленному исламом порядку. Согласно исламской трактовке, люди не равны в своих возможностях и своих обязанностях, хотя и равны перед божественным законом³.

Можно с уверенностью сказать, что в исламской традиции справедливость оказывается неотъемлемым атрибутом не только социальной, но и политической, а также экономической деятельности. Общепринятым в исламском мире является тезис, что справедливость – это основа имущества, а политическая справедливость – отражение божественной справедливости на земле.

Исламское понимание справедливости сохранилось в определенных кругах турецкого общества и в республиканский период. В частности, главный турецкий идеолог исламизма Ахмет Неджип Фазыл Кысакюрек (1904–1983) в своих работах утверждал, что единственным источником экономической и социальной справедливости, которую безуспешно искали в коммунизме и социализме, либерализме и капитализме, нацизме и фашизме, является ислам. Более того, традиционно понимаемая справедливость по-исламски является высшей ценностью для всего мира, не только для мусульман, и должна быть принята за основу судебной системы⁴.

На основании этих идей лозунгом исламистского движения, породившего плеяду политических партий в 1970–1990-е гг. и приведшего в итоге к власти ПСР⁵, стало формирование «справедливого порядка» (тур. *Adil Düzen*). В частности, основной целью исламистской Партии национального порядка (ПНП), согласно ее первой и единственной программе 1970 г., было установление «порядка, спокойствия, общественной справедливости» через приведение в действие «высокий нравственности и добродетели нашей нации». Вводились понятия общественного равновесия и свободы как невмешательства государства в осуществление обществом справедливого (т.е. исламского) порядка. Общественный порядок и справедливость были представлены в качестве нравственных категорий и основных политических ценностей. Оценка нравственного уровня представлялась необходимой даже для назначения судей, а защита справедливости и права называлась основным принципом внешней политики. Такая защита, согласно тексту программы, подразумевает борьбу против империалистических амбиций, прикрывающихся мирными целями. Однако защищать на мировой арене планировалось собственные исторические и культурные свободы, происходящие из геополитического положения Турции.

1 Аушев 2017, 83–84.

2 Kesgin 2018, 797.

3 Кауаоğlu 1985, 203.

4 См., например, Kisakürek 1968.

5 Coşkun, Yanar 2020.

Предшественница ПСР Партия добродетели в качестве своей цели называла установление государственного управления всех уровней на основе честности, чистоты, справедливости, доверия и служения нации, принципа «справедливость – основа имущества». В международных отношениях предлагалось придерживаться приоритета своих интересов, защиты от внешних угроз, в первую очередь через развитие оборонной промышленности. Вновь декларировалась необходимость активной внешней политики, в том числе на платформе ООН, различных региональных объединений, в регионе Средиземноморья, Балкан, Кавказа и Центральной Азии с опорой на историческое наследие, геополитическое и геоэкономическое положение и с учетом баланса сил на международной арене.

Таким образом, можно отметить идейную преемственность современного турецкого внешнеполитического курса от исламистских партий 1970–1990-х гг., последовательно проводивших идею о ценности справедливости, которая понималась в исламском ключе в противовес светской секулярной модели справедливости западного образца, реализуемой альтернативным блоком партий. Исламистское понимание справедливости означало снятие ограничений на исламский образ жизни и возвращение к исламским нормам общественного устройства внутри страны (внутриполитическое измерение) и справедливое положение государства на международной арене с учетом его геополитического значения и исторического наследия (внешнеполитическое измерение). Таким образом, справедливость одновременно существует в турецкой политической среде как концепт, ценность и нравственная добродетель и может быть определена как идеологема, часть идеологии исламизма.

Идеологема справедливости в контексте антиколониального дискурса

Знаменательным образом идеологема справедливости в Турции в XXI в. оказалась встроена одновременно и в исламистский, и в антиколониальный дискурс. В рассмотренной выше программе ПСР 2015 г. указывалось не только на самостоятельность и инициативность Турции, но и ее «нравственную обязанность», выражающуюся в возложении на себя лидерской роли и ответственности для построения более стабильного, безопасного и процветающего мира. В антиколониальном ключе обозначалось, что Турция «стала лучом света» для «угнетенных народов» (тур. *mazlum halklar*), а ПСР несет демократию, независимость и справедливость для всех пострадавших, притесняемых, нуждающихся.

В тексте «Стратегической глубины» Ахмета Давутоглу современная Турция называется нацией-государством, созданным в результате первой в мире антиколониальной борьбы¹, т.е. войны за независимость 1919–1923 гг., а панисламизм последнего самодержавного султана Абдул Хамида II (1876–1909) –

1 Davutoğlu 2012, 8.

формированием *хинтерлэнда* для колонизированных мусульман и противостоянием колониальным силам в их попытках поделить между собой мусульманские территории. Основываясь на политическом реализме, Ахмет Давутоглу отмечал, что после распада Османской империи новое турецкое руководство предпочло избегать прямого столкновения с колониальными силами и выбрало идеалистически миролюбивую стратегию внешней политики, сконцентрировавшись на защите своих национальных границ и превратившись в часть западной оси, а не ее оппонента или альтернативу. В этой связи Турция сегодня сталкивается с западным неокOLONIALИЗМОМ на исламских территориях, включая Кавказ и Балканы¹.

Антиколониальный дискурс наглядно представлен и в книге «Справедливый мир возможен» Реджепа Эрдогана, который назвал Совбез ООН как наследием эпохи колониализма с его конкуренцией между великими державами, меряющимися своими военными силами. Турецкий президент утверждает, что в ООН отсутствует справедливость из-за навязывания своих решений «великими державами», за которыми признается больше прав, но не ответственности, другим членам организации с имитацией их согласия. В результате сложившейся колониальной системы отсутствует справедливость в географическом, культурном и демографическом представительстве государств в ООН.

Еще полнее взгляды Реджепа Эрдогана прослеживаются в его публичных выступлениях и статьях в прессе. В частности, на площадках не только ООН, но и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) турецкий президент выдвигал тезис о необходимости того самого «справедливого порядка», особенности и суть которого рассмотрены в предыдущем разделе. Призывая все государства-члены ООН поддержать борьбу Турции за справедливость, турецкий президент в немецких СМИ² очевидным союзником в этом деле обозначил Германию, чья экономическая мощь явно не соответствует ее наличному политическому весу.

В своей статье для ведущей французской газеты *Le Figaro* в 2018 г. по случаю столетней годовщины со дня завершения Первой мировой войны Реджеп Эрдоган, не называя конкретных государств, обвинил победителей в колониальном разделе Ближнего Востока и Северной Африки, создании подконтрольных искусственных государственных образований и их эксплуатации в собственных выгодах до настоящего момента с использованием всевозможных антидемократических методов, в том числе военных переворотов³.

Гораздо более откровенные выступления Реджепа Эрдогана перед турецкой аудиторией и на мероприятиях религиозной направленности дают

1 Davutoğlu 2012, 66–70.

2 “Erwartungen an Deutschland. Von Recep Tayyip Erdogan, Staatspräsident der Türkei (Expectations from Germany by Turkish President Recep Tayyip Erdoğan),” Frankfurter Allgemeine Zeitung, September 26, 2018, accessed April 28, 2023, <https://www.faz.net/aktuell/politik/gastbeitrag-von-erdogan-erwartungen-an-deutschland-15808317.html>.

3 Recep Tayyip Erdogan, “À l’heure du centenaire de l’Armistice, la Turquie continue à oeuvrer pour la paix et la stabilité (At the Time of the Centenary of the Armistice, Türkiye Continues to Work for Peace and Stability),” *Le Figaro*, November 10, 2018, accessed April 28, 2023, <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/2018/11/10/31002-20181110ARTFIG00082--l-heure-du-centenaire-de-l-armistice-la-turquie-continue-a-oeuvrer-pour-la-paix-et-la-stabilite.php>.

возможность составить полное представление о системе взглядов турецкого президента. В частности, на проходившем в Стамбуле в 2022 г. Первом конгрессе Конференции конституционных юрисдикций исламского мира он обвинил западные элиты в сохранении политики ориентализма и колониализма в отношении мусульман, одновременно противопоставив истинную исламскую справедливость западным понятиям о справедливости, базирующимся на двойных стандартах о правах человека и верховенстве закона¹.

В ходе награждения победителей Конкурса хафыз и чтецов Корана, также проходившего в Турции, Реджеп Эрдоган заявил о защите со стороны благословенной Аллахом и милосердной турецкой нации всех угнетенных и невинных по всему миру, напрямую связав концепцию «Мир больше пяти» с исламской верой. Угнетенными и невинными также оказались именно мусульмане, а угнетателями – материалисты и империалисты. «Мы питаем глубокую привязанность ко всем мусульманам мира и сострадание ко всем угнетенным. От Азии до Африки, от Кавказа до Балкан, от Индийского океана до Западной Сахары, где бы ни находился мусульманин, наши сердца и умы находятся там... Наша обязанность как членов исламской религии, которая является единственным средством спасения как в этом мире, так и в будущем, состоит в том, чтобы донести имеющийся у нас рецепт до всего человечества с помощью достоверных знаний, правильных методов и прекрасного стиля», – заявил турецкий президент².

Кроме того, идеологема справедливости оказывается составным элементом борьбы Турции с исламофобией на Западе. Выступая против попыток вмешательства государств в религиозную свободу мусульман, проявляющихся в ограничениях на ношение хиджаба или религиозной символики, например, во Франции, турецкий президент приравнивает их к институционализации исламофобии на государственном уровне³.

Такая трактовка естественным образом проистекает из внутривнутриполитического понимания справедливости, которое Реджеп Эрдоган обозначает в своих выступлениях. В частности, на встрече со студентами богословских факультетов со всего мира, проходившей в Стамбуле в 2022 г., турецкий президент обозначил период республиканской истории Турции до прихода ПСР к власти как время фашизма, несправедливости и беззакония, что проявлялось в запретах на осуществление религиозной деятельности, мусульманское образование и даже вероисповедание. По словам турецкого президента, после выборов 2002 г. в Турции начался новый период справедливости, демократии и свобод, а посредством реформ, направленных на развитие,

1 “İslam Dünyası Anayasa Yargısı Konferansı’nda Yaptıkları Konuşma (Speech at the Islamic World Constitutional Judiciary Conference),” Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı, December 23, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/142246/islam-dunyasi-anayasa-yargisi-konferansi-nda-yaptiklari-konusma>.

2 “Mevlid-i Nebi Haftası Açılış Programı ile Uluslararası Hafızlık ve Kur’an-ı Kerim’i Güzel Okuma Yarışması Ödül Töreni’nde Yaptıkları Konuşma (Speech at the Mawlid-i Nebi Week Opening Program and the International Contest for Hafiz and Good Reading of the Qur’an Award Ceremony),” TCC, October 4, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/139975/mevlid-i-nebi-haftasi-acilis-programi-ile-uluslararasi-hafizlik-ve-kur-an-i-kerim-i-guzel-okuma-yarismasi-odul-toreni-nde-yaptiklari-konusma>.

3 “İslam İşbirliği Teşkilatı 12. Enformasyon Bakanları Toplantısı’nda Yaptıkları Konuşma (Speech at the 12th Meeting of Ministers of Information of the Organization of Islamic Cooperation),” TCC, October 21, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/140323/islam-isbirligi-teskilati-12-enformasyon-bakanlari-toplantisi-nda-yaptiklari-konusma>.

была осуществлена «беззвучная революция» (тур. *sessiz devrim*), обеспечившая религиозную свободу и свободу выбора¹.

Очевидно, что реализуемое ПСР черно-белое деление, наследуемое еще от исламистских партий Турции XX в., позволяет решать ряд внутривластных задач, мобилизуя консервативный и религиозный электорат в поддержку правящей партии и турецкого президента. Однако более интересным в контексте исследования представляется анализ инструментализации идеологии справедливости на внешнеполитическом направлении, что и будет рассмотрено в следующем разделе.

Инструментальное использование идеологии справедливости

В XXI в., как указывают А.А. Ирхин и О.А. Москаленко, «справедливость стала не только брендом ПСР, но и лозунгом внутренней и внешней политики правящей турецкой партии»². Также российскими исследователями отмечается инструментальное использование понятия «справедливость» и концепции «Мир больше пяти» в качестве элемента пропаганды и средства формирования имиджа для повышения рейтингов доверия к турецкому президенту в Турции и мусульманском мире³.

Однако такое общее понимание должно быть дополнено более детализированным анализом инструментализации идеологии справедливости, который даст возможность изучить механизмы реализации планов турецкого руководства по установлению лидерства Турции в международной системе отношений. Также проведение анализа позволяет выделить ряд сюжетов, в которых идеология «справедливости» задействуется для решения важных прикладных задач во внешней политике.

В частности, на примере украинского кризиса можно проследить, как турецкий президент обосновывает приверженностью Турции справедливости свою роль международного посредника. Международное посредничество – одно из приоритетных внешнеполитических направлений, которое даже вошло в проектную программу «Век Турции», анонсированную Реджепом Эрдоганом в октябре 2022 г. на ближайшее столетие. «Посредничество ради мира» на данный момент включает активность Турции в урегулировании отношений между Россией и Украиной, Боснией и Герцеговиной, Хорватией и Сербией, Сомали и Сомалилендом; в «установлении мира» в Ираке, Ливии, Кыргызстане, Афганистане и на Южных Филиппинах; мирном урегулировании «проблемы иранской ядерной программы»⁴.

1 "Uluslararası İlahiyat Gençlik Buluşması ve İlahiyat Yıldızları Ödül Töreni'nde Yaptıkları Konuşma (Speech at the International Theology Youth Meeting and Theology Stars Award Ceremony)," TCC, December 30, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/142382/3-uluslararasi-ilahiyat-genclik-bulusmasi-ve-ilahiyat-yildizlari-odul-toreni-nde-yaptiklari-konusma>. Характерно, что концепт справедливости пробуют задействовать и политические оппоненты ПСР, стремясь перехватить инициативу. В частности, в 2017 г. главная оппозиционная Народно-республиканская партия (НРП) объявила гражданскую акцию «Шествие справедливости» от Анкары до Стамбула с внутривластными требованиями (см.: Küçükşahin 2017). Однако НРП традиционно придерживается западного секулярного понимания справедливости, что указывает на столкновение идеологий на примере использования рассматриваемого нами концепта.

2 Ирхин, Москаленко 2021, 103.

3 Аватков, Гузаеров 2023, 197–198.

4 "Barış İçin Arabuluculuk (Mediation for Peace)," Türkiye Yüzyılı, accessed April 28, 2023, <https://turkiyeyuzyili.com/proje-baris-icin-arabuluculuk>.

В украинском вопросе Реджеп Эрдоган продвигает идею «справедливого мира без проигравших» посредством «справедливых дипломатических решений», призванных дать возможность обеим сторонам с достоинством выйти из кризиса, с закреплением Стамбула и Анталы в качестве основных переговорных площадок и привлечением других стран к поддержке Турции в качестве основного переговорщика¹. «Мы едва ли не единственная страна, которая в качестве символа совести и справедливости может не только на Украине, но и во многих других местах устанавливать и поддерживать отношения на одном уровне со всеми воюющими сторонами»², – заявил Реджеп Эрдоган в своей речи для представителей судебной системы Турции. Такая «моральная» позиция позволяет Турции претендовать на роль не только посредника, но и арбитра.

Турция не относит к посреднической деятельности свою активность в палестинском вопросе, где она последовательно выступает защитницей мусульман с отсылкой к справедливому разрешению конфликта через создание независимого и суверенного государства Палестина со столицей в восточной части Иерусалима, а также в Кашмире, где справедливый мир означает поддержку именно мусульман, и уж тем более в кипрском вопросе, «справедливое разрешение» которого подразумевает международное признание независимого и суверенного турецкого государства на острове Кипр³.

С учетом своего разворота в Африку с 2005 г. турецкое руководство использует антиколониальный дискурс с акцентом на справедливость и в отношениях с государствами африканского континента, в первую очередь с Сомали, которое служит «своеобразными “воротами” для проникновения Турции в Восточную Африку и плацдармом для закрепления турецких стратегических позиций на Африканском роге»⁴. Собственная политика на основах равенства и взаимной выгоды со времен Османской империи и национально-освободительной войны (по словам турецкого президента, придавшая вдохновение народам Африки бороться за свою свободу⁵) противопоставляется империалистической, расистской эксплуатации африканских народов западными государствами. Основным проводником антиколониального дискурса в отношении Африки выступает жена президента Эмине Эрдоган, сосредотачивающаяся на культурных инициативах с упором на историческую роль Турции и благотворительности в исламских традициях⁶.

1 “Birleşmiş Milletler 77. Genel Kurulu’nda Yaptıkları Konuşma (Speech at the 77th General Assembly of the United Nations),” TCC, September 20, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/139774/birlesmis-milletler-77-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma>.

2 “2022–2023 Adli Yıl Açılış Töreni’nde Yaptığı Konuşma (Speech at the 2022–2023 Judicial Year Opening Ceremony),” TCC, September 1, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/139363/2022-2023-adli-yil-acilis-toreni-nde-yaptigi-konusma->.

3 “Birleşmiş Milletler 77...”.

4 Колесникова 2019, 222.

5 См., например: “Türkiye-Afrika Ortaklık Zirvesi Açılış Oturumu’nda Yaptıkları Konuşma (Speech at the Opening Session of the Türkiye-Africa Partnership Summit),” TCC, December 18, 2021, accessed April 28, 2023, <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/134033/iii-turkiye-afrika-ortaklik-zirvesi-acilis-oturumu-nda-yaptiklari-konusma>; “Türkiye-Senegal: Maziden Atiye Güçlü Dostluk (Türkiye-Senegal: Strong Friendship from Past to Atti),” TCC, February 21, 2022, accessed April 28, 2023, <https://tccb.gov.tr/makaleler/1898/135731/allafrica-internet-sitesinde-yayimlanan-makale>.

6 Emine Erdoğan, “Bugüne Kadar Afrika’da Yaptıklarımız Ülkemizin İnsan Odaklı dış Politikasının Eseridir (What We Have Done in Africa So Far is the Result of Our Country’s Human-Oriented Foreign Policy.),” Afrika Evi, accessed April 28, 2023, <https://afrikaevi.com/tr/emine-erdogan-bugune-kadar-afrikada-yaptiklarimiz-ulkemizin-insan-odakli-dis-politikasinin-eseridir/>; “Emine Erdoğan Afrika’da Sivil Toplum Kuruluşu Temsilcileri İle Buluştu (Emine Erdoğan Met with the Representatives of Non-Governmental Organizations in Africa),” Afrika Evi, accessed April 28, 2023, <https://afrikaevi.com/tr/emine-erdogan-afrikada-sivil-toplum-kurulusu-temsilcileri-ile-bulustu/>

Благотворительность и помощь развивающимся странам с отсылкой к исламской справедливости – одно из ключевых направлений реализации «мягкой силы» Турции по всему миру, но прежде всего – в мусульманских регионах. Об этом, например, свидетельствует географическое распределение офисов и отсылки к справедливости как главному основанию своей деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА), главного инструмента «гуманитарной дипломатии» и «мягкой силы» Турции. Как указывает Реджеп Эрдоган, «чтобы быть достойными наследия, доставшегося нам от предков, мы придавали и придаем особое значение работе наших организаций, в первую очередь ТИКА, протягивающих руку помощи угнетенным, обездоленным, пострадавшим и одиноким»¹. В этом же ключе используется и вопрос борьбы с коронавирусом как часть «медицинской дипломатии» Турции. На последней Генассамблее ООН Реджеп Эрдоган подчеркивал, что Турция оказала помощь 161 стране и 12 международным организациям, а также предложила «на службу всему человечеству нашу местную и национальную вакцину *Турковак*»².

По словам турецкого президента, Турция считает себя самой щедрой страной и страной «номер один в оказании помощи угнетенным», что превращает турецкий флаг в «символ справедливости и безопасности»³. В данном случае можно увидеть попытку монополизации справедливости на международной арене, что призвано легитимизировать турецкое влияние и присутствие в развивающихся странах, сделав его морально обоснованным, а не базирующимся на тех или иных политических и экономических интересах Турции.

Еще одно практическое применение идеологии справедливости – давление на международное сообщество в части принятия турецких подходов к включению в список террористических организаций тех или иных групп. Это касается в первую очередь курдских объединений, функционирующих в Сирии (партия «Демократический союз», Отряды народной самообороны и Отряды женской самообороны), которых Турция приравнивает к Рабочей партии Курдистана (РПК), признанной в качестве террористической организации во многих странах Запада.

Например, на последней Ассамблее ООН Реджеп Эрдоган призвал в отношении РПК «тех, кто пытается узаконить эту террористическую организацию с помощью дешевых уловок вроде смены названия, как можно скорее прекратить вооружать и поддерживать террористов, отказаться от своих ошибок. Мы вновь решительно заявляем, что способны предпринять любые меры против терроризма и что никогда не будем стесняться делать то, что необходимо, против террористических организаций»⁴. Именно отсылка к борьбе против этих групп и защита «исконно турецкого» населения является обоснованием военного присутствия Турции в Сирии.

Кроме того, наличие представителей и структур этих объединений в Швеции и Финляндии послужило официальной причиной отказа Турции согласовывать заявку данных государств на вступление в НАТО (до сих пор действует в отноше-

1 Ibid.

2 “Birleşmiş Milletler 77...”.

3 “Mevlid-i Nebi Haftası...”.

4 “Birleşmiş Milletler 77...”.

нии Швеции). В этом же списке на выдачу турецким властям представители Террористической организации гюленистов (ФЕТО), признанной террористической только Турцией, Пакистаном и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива. Анкара требует выдачи представителей организации на основании предъявляемых им обвинений в подготовке военного переворота в Турции в 2016 г.¹ Приравнивая ФЕТО к РПК и ИГИЛ², турецкий президент заявляет, что они являются пешками в играх империалистов³. Таким образом, идеологема справедливости и антиколониальный дискурс и здесь позволяют Турции решать свои задачи, в том числе вести борьбу со своими политическими оппонентами.

На необходимость обоснования военного присутствия в Сирии косвенно указывает и выбор чрезвычайно миролюбивых названий для обозначения турецких военных операций – «Щит Евфрата» (2016–2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019). Такое позиционирование Турции базируется на глубинном неприятии итогов Первой мировой войны, ощущаемых как несправедливые. Именно такое историческое мышление демонстрирует Реджеп Эрдоган французским СМИ, когда говорит об Ираке, Сирии, Палестине и ряде других государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке как «прочерченных по линейке» проблемных политических образованиях в результате «не окончившейся» Первой мировой войны и колониального раздела османских территорий. Турецкий президент обвиняет элиты этих «политических образований» в авторитаризме, военных переворотах, передаче управления в руки этноконфессиональных меньшинств, подавлении демократических движений (таких как «арабская весна») при поддержке кураторов из-за рубежа, действующих из расчета собственных выгод⁴.

Обоснование планируемого пересмотра таких прочерченных границ осуществляется также через актуализацию на международных площадках темы сирийских беженцев, численность которых в Турции составляет более 3,5 млн. Например, в статье для американской аудитории Реджеп Эрдоган подчеркивает гостеприимство Турции и ее готовность принимать беженцев, пострадавших и угнетенных со всего мира⁵. В данном случае Турция проявляет не справедливость, а милосердие, и одновременно борется с несправедливостью Европейского Союза, который, по словам Реджепа Эрдогана, вместо того чтобы найти выход из кризиса, заботится о собственной безопасности и благополучии, загораживаясь от беженцев колючей проволокой и тем самым проявляя «самые примитивные рефлексы фашизма»⁶.

Вкупе с темой исламофобии вопрос с сирийскими беженцами позволяет Турции получать преимущества в ходе диалога о вступлении в ЕС, поскольку подкрепляет обвинения в создании европейцами закрытого «христианского клуба».

1 См., например: Recep Tayyip Erdoğan, "Turkey, a Year after the Attempted Coup, is Defending Democratic Values," *The Guardian*, July 15, 2017, accessed April 28, 2023, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jul/15/turkey-coup-democracy-recep-tayyip-erdogan>.

2 Признана в России террористической организацией.

3 "Mevlid-i Nebi Haftası ...".

4 Recep Tayyip Erdoğan, "À l'heure du centenaire de l'Armistice...".

5 Recep Tayyip Erdoğan, "Turkey Is Stepping Up Where Others Fail to Act," *The Wall Street Journal*, October 14, 2019, accessed April 28, 2023, <https://www.wsj.com/articles/turkey-is-stepping-up-where-others-fail-to-act-11571093850>.

6 "İslam Dünyası Anayasa Yargısı...".

Следует отметить, что П.В. Шлыков в «неуступчивости переговорной позиции Брюсселя» по вопросу вступления Турции в ЕС видит саму причину выдвигания ПСР собственного видения регионального порядка и «альтернативной матрицы ценностей»¹. Отчасти соглашаясь с этим, можно предложить и другие причины появления идеологемы справедливости во внешнеполитическом инструментарии Турции.

Заключение

Со второй половины 2010-х гг. наряду с общим нарастанием активизации Турции на внешнеполитическом направлении проявился и качественный переход от политики «мягкой силы» к «жесткой». За рамками своих обязательств по НАТО Турция перешла к активной военной поддержке ряда государств (например, Азербайджана), провела серию военных операций, начала открывать турецкие военные базы за рубежом – в Сомали, Катаре, Ливии, Сирии. Турецкие эксперты связывают такие изменения с глобальной конъюнктурой и указывают на новые характеристики проактивной политики Турции².

В частности, Фуат Кейман для внешней политики государства после «эры Давутоглу» предложил определение «моральный реализм», что означает совмещение военной активности, основанной на жесткой силе, и гуманитарных норм, выборочную активность и уход от идеализма концепции «ноль проблем с соседями» к установлению стратегических альянсов и дружеских связей с отдельными государствами³. Определение Фуата Кеймана было принято и российскими специалистами⁴, в том числе в русле рассуждений о закате концепции «справедливого миропорядка», которая уходит вместе с «мягкой силой»⁵.

Проведенное исследование, напротив, демонстрирует актуальность идеологемы справедливости, ее мультифункциональность для целей турецкой внешней политики. Сформировавшись во второй половине XX в. как идеологема на основе исламского концепта справедливости для легитимации в борьбе против светских политических элит, в XXI в. идеологема справедливости стала широко применяться новыми правящими элитами и на внешнеполитической линии.

Как показало исследование, данная идеологема служит развитию посреднической и миротворческой деятельности Турции в международных конфликтах (в первую очередь, с участием мусульман); легитимизации позиции Турции в отношении постосманских государств как несложившихся политических образований, на территории которых Турция имеет естественное историческое право; формированию образа Турции как лидера и центра мусульманского мира и представителя всех мусульман в международной системе отношений; осуществлению борьбы с политическими оппонентами (курдами, гюленистами), поддерживаемыми другими государствами; получению переговорных преимуществ в диалоге о вступлении Турции в ЕС; потенциальному закреплению Турции в

1 Шлыков 2019, 36–37.

2 Gümüş 2022; Keуman 2017.

3 Ibid.

4 Ирхин, Москаленко 2021.

5 Шлыков 2019.

качестве постоянного члена Совбеза ООН; обоснованию военного присутствия Турции далеко за пределами региона (например, в Африке), способствуя формированию позитивного имиджа Турции на международной арене, где государство применяет и «мягкую», и «жесткую силу».

Использование данной идеологемы можно отнести к выделяемому В.А. Аватковым происламскому популизму как политической стратегии и «органичной составляющей внешнеполитического курса Турции», когда справедливость в турецком понимании – это «ведение игры по правилам Анкары»¹. Однако в таком случае справедливость следует считать не более чем риторическим приемом, позволяющим турецкому руководству реализовывать стоящие перед ним задачи. Если рассматривать справедливость по-турецки вслед за П.В. Шлыковым как установление «инклюзивного регионального порядка» на принципах «уважения к государственному суверенитету, нормам международного права, верховенстве закона и распространении демократии»², то места для такой справедливости действительно нет в турецкой внешней политике со второй половины 2010-х гг.

Тем не менее справедливость не вышла из политического лексикона турецкого руководства и широко применяется вплоть до настоящего момента, что позволяет говорить о ее востребованности и важной роли для турецкой внешней политики. Представляется возможным сделать следующий вывод: идеологема справедливости функционирует как моральный аргумент, позволяющий обосновывать внешнеполитические решения турецкого руководства и для внутренней турецкой аудитории, требующей обоснования проактивности или инициативности на международной арене в силу сложившегося в Турции внешнеполитического мышления, и для международного сообщества с основным упором на его мусульманский сегмент. Идеологема справедливости, по своим корням исламистская, задействует антиколониальный дискурс, что позволяет Турции формировать новый центр силы в системе международных отношений через критику Запада как коллективного виновного в колонизации и эксплуатации остального мира, а турецкому руководству дает право выступать с морализаторской позиции, устанавливая свой авторитет как противостоящей угнетателям справедливой стороны, готовой объединить под своим началом весь незападный мир в новой справедливой – не в смысле равенства, а в смысле соответствующего исламскому порядку представительства – «системе глобального управления».

1 Аватков 2021, 545–549.

2 Шлыков 2019, 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аватков, В.А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. 2021. Т. 21. №3. С. 543–554. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>.
- Avatkov, Vladimir A. "Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic." *Vestnik RUDN. International Relations* 21, no. 3 (2021): 543–554 [In Russian].
- Аватков, В.А., Гузаеров, Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. 2023. № 1. – С. 194–201. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010163>.
- Avatkov, Vladimir A., and Raul I. Guzaerov "«The World is More than Five», or Turkish Justice." *Contemporary Europe* no. 1 (2023): 194–201 [In Russian].
- Аушев Х.О. Кораническое понимание понятия справедливость // Архивариус. 2017. №3(18). С. 82–87.
- Aushev, Hasan O. "The Quranic Understanding of the Concept of Fairness." *Archivarius* 3, no. 18 (2017): 82–87 [In Russian].
- Ирхин, А.А., Москаленко, О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник РУДН. Международные отношения. 2021. Т. 21. №1. С. 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>.
- Irkhin, Aleksandr A., and Olga A. Moskalenko "The World Is Bigger Than Five." Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia." *Vestnik RUDN. International Relations* 21, no. 1 (2021): 91–107 [In Russian].
- Колесникова, М.А. ТИКА как основной инструмент турецкой «мягкой силы» в Африке // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение. Материалы международной научно-практической конференции. Под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: МГЛУ, 2019. С. 220–224.
- Kolesnikova, Maria. "TIKA as the Main Tool of Turkish 'Soft Power' in Africa." In *Modern Russia in the Global Political process: Global and regional dimension*, edited by Arsen Ya. Kasyuk, and Igor K. Kharichkin, 220–224. Moscow: MGLU, 2019 [In Russian].
- Шлыков, П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы // Сравнительная политика. 2019. №4. С. 34–51. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10040>.
- Shlykov, Pavel V. "Discussions on the Just World Order in Turkey: Comparative Analysis of Concepts and Foreign Policy Practices of Their Implementation in the 2000's." *Comparative Politics Russia*, no. 4 (2019): 34–51 [In Russian].
- Шпаковская, М.А., Барнашов, О.В. Концепция неосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2. С. 30–36.
- Shpakovskaya, Marina A., and Barnashov, Oleg V. "The Concept of Neo-Ottomanism as an Instrument of «Soft Power» of the Foreign Police of Turkey." *Aziya i Afrika segodnya*, no. 2 (2018): 30–36 [In Russian].
- Aral, Berdal. "The World Is Bigger than Five": A Salutary Manifesto of Turkey's New International Outlook." *Insight Turkey* 21, no. 4 (2019): 71–95. <https://doi.org/10.25253/99.2019214.05>.
- Coşkun, Cevdet, and Yanar, Eda. "Milli Görüş ve Adalet ve Kalkınma Partisi: Süreklilikler ve Kopuşlar." *Akademik İzdüşüm Dergisi* 5, no. 2 (2020): 266–280.
- Coşkun, Cevdet, and Yanar, Eda. "National Vision and the Justice and Development Party: Continuities and Breaks." *Akademik İzdüşüm Dergisi* 5, no. 2 (2020): 266–280 [In Turkish].
- Çağı, Mehmet. "Geçmişten Günümüze Sosyal Adalet." *International Journal of Social Sciences and Education Research Online* 3, no. 2 (2017): 560–572.
- Çağı, Mehmet. "Social Justice from the Past to the Present." *International Journal of Social Sciences and Education Research Online* 3, no. 2 (2017): 560–572 [In Turkish].
- Davutoğlu, Ahmet. *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2012.
- Davutoğlu, Ahmet. *Strategic Depth. Turkey's International Position*. İstanbul: Küre Yayınları, 2012 [In Turkish].
- Erdoğan, Recep T. *Daha Adil Bir Dünya Mümkün. Birleşmiş Milletler Reformu İçin Bir Model Önerisi*. İstanbul: Turkuvaз Habeleşme ve Yayıncılık, 2021.
- Erdoğan, Recep T. *A Fairer World is Possible. A Model Proposal for United Nations Reform*. İstanbul: Turkuvaз Habeleşme ve Yayıncılık, 2021 [In Turkish].
- Gümüş, Abdurrahman. "Increasing Realism in Turkish Foreign Policy during Post-Davutoğlu Era." *Insight Turkey* 24, no. 4 (2022): 167–186.
- Kaplan, Yunus. "Osmanlı'da Adalet Mefhumunun Kökenleri." *Journal of Islamic Research* 31, no. 1 (2020): 143–163.
- Kaplan, Yunus. "The Origins of the Concept of Justice in the Ottoman Empire." *Journal of Islamic Research* 31, no. 1 (2020): 143–163 [In Turkish].
- Kayaoğlu, İsmet. "İslamda Adalet Mefhumu." *Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi* 27, no. 1–4 (1985): 201–206.
- Kayaoğlu, İsmet. "The Concept of Justice in Islam." *Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi* 27, no. 1–4 (1985): 201–206 [In Turkish].
- Kesgin, Ahmet. "İdeolojilerin Gölgesinde Adalet Arayışı: 'Adalet Yürüyüşü' Özelinde Felsefi-Siyasi Bir Tahlil." *Turkish Studies* 13, no. 26 (2018): 789–810. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.14657>.
- Kesgin, Ahmet. "The Search for Justice in the Shadow of Ideologies: A Philosophical-Political Analysis Specific to the 'Justice March'." *Turkish Studies* 13, no. 26 (2018): 789–810 [In Turkish].
- Keyman, E. Fuat. "A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive 'Moral Realism'." *Insight Turkey* 19, no. 1 (2017): 55–69.
- Kısakürek, Necip Fazıl. *İdeolojya Örgüsü. Büyük Doğuya doğru*. İstanbul: Fatih Matbaası, 1968.
- Kısakürek, Necip Fazıl. *The Ideology Weave. Towards the Big East*. İstanbul: Fatih Matbaası, 1968 [In Turkish].
- Küçükşahin, Şükrü. *Magna Carta'dan 802 Yıl Sonra Adalet İçin Yürüme*. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2017.
- Küçükşahin, Şükrü. *Walking for Justice 802 Years After Magna Carta*. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2017 [In Turkish].
- Taban, M. Hayati. "Klasik Ve Eleştirel Jeopolitiğin Karşılaştırılması Ve 'Stratejik Derinliğin' Bu Bağlamda İncelenmesi." *Kastamonu Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi* 1, no. 1 (2013): 21–31.
- Taban, M. Hayati. "Comparing Classical and Critical Geopolitics and Examining 'Strategic Depth' in This Context." *Kastamonu Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi* 1, no. 1 (2013): 21–31 [In Turkish].
- Uzer, Umut. "The Revival of Ottomanism in Turkish Foreign Policy: 'The World Is Greater Than Five'." *Turkish Policy Quarterly* 16, no. 4 (2018): 29–36.

Сведения об авторе

Вероника Витальевна Цибенко,

к. и. н., директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований
Южного федерального университета,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140

e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17.04.2023.

Переработана: 18.05.2023.

Принята к публикации: 02.06.2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цибенко, В.В. Идеология справедливости и антиколониальный дискурс
как обоснование инициативной внешней политики Турции // Международная
аналитика. 2023. Том 14 (2). С. 97–115.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-97-115>

Ideologeme of Justice and Anticolonial Discourse as Justification for Türkiye's Foreign Policy

ABSTRACT

The article critically examines how Türkiye justifies its proactive foreign policy through the concept of justice. The study analyzes Turkish discourse, blending Islamic teachings with an anticolonial stance, to characterize the understanding of justice. Initially used to legitimize opposition against secular elites, justice now serves as a tool for global leadership, mediation in conflicts involving Muslims, and regional focus on post-Ottoman states. It counters political opponents, gains negotiating advantages in EU accession talks, supports aspirations for a UN Security Council seat, and extends military presence beyond the region. The study concludes that justice grants moral legitimacy to Türkiye's foreign policy decisions, particularly resonating with Muslim audiences. Rooted in Islamist principles and an anticolonial discourse, Türkiye positions itself as a just leader opposing historical oppression by the West. The concept of justice is crucial in shaping Türkiye's foreign policy, establishing its authority as a just and moral actor internationally. By leveraging justice, Türkiye aims to assert leadership, mediate conflicts, and prioritize historically significant regions. Understanding the ideologeme of justice provides insights into Türkiye's strategic decision-making and its aspiration for a just and influential role globally.

KEYWORDS

Türkiye, justice, foreign policy, Justice and Development Party, Islamism, ethic argument

Author

Veronika V. Tsibenko,

PhD in History, Director, Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities,
Southern Federal University

140, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, Russia, 344006

e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Additional information

Received: April 17, 2023. Revised: May 18, 2023. Accepted: June 02, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tsibenko, Veronika V. "Ideologeme of Justice and Anticolonial Discourse as Justification for Türkiye's Foreign Policy." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 97–115.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-97-115>

«Постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе: казус «Глобальной Британии»

Кира Анатольевна Годованюк, Институт Европы РАН,
МГИМО МИД России, Москва

Контактный адрес: kira.godovanyuk@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена взаимосвязь постколониального дискурса и современной внешней политики Британии, обозначенная как «постколониальный момент» в стратегическом планировании политического истеблишмента. Выход из Европейского союза вновь привлек общественное и академическое внимание к имперскому прошлому, которое рассматривается как одна из причин брекзита и как исходная точка для формирования внешней политики страны в новых условиях (идея о «Глобальной Британии»). Основные проявления постколониального дискурса в современном политическом пространстве Британии автор анализирует через стратегические документы, отображающие определенный консенсус элит, отношения со странами Содружества, а также элементы постколониализма в новой внешнеполитической стратегии (на примере «поворота в Индо-Тихоокеанский регион»).

Отталкиваясь от парадигмы постколониального конструктивизма, автор отмечает, что имперское наследие остается важной частью британской внешнеполитической идентичности, однако в контексте стратегического планирования приобретает новые смыслы. Во-первых, политический истеблишмент продолжает поиск новой международной роли для Британии и апеллирует к бывшим колониям как внешнеполитическому ресурсу (экономическому, стратегическому, имиджевому). Во-вторых, дистанцируясь от риторики колониального прошлого, политическое руководство Британии часто ссылается на «общую историю» и идентичность в условиях формирования полицентричной системы мировой политики. Эта тенденция во многом связана с задачей по формированию новых долгосрочных союзов в рамках «терпеливой дипломатии». При этом дискурс о «Глобальной Британии» с его отсылкой к постколониальному прошлому становится нежелательным как для актуальной правящей элиты, так и для оппозиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*«Глобальная Британия», внешняя политика, стратегический дискурс,
политический истеблишмент, «постколониальный момент»,
Индо-Тихоокеанский регион, идентичность*

Подъем интереса к имперскому прошлому с начала XXI в. сопровождался рядом междисциплинарных исследований, которые включали в себя в том числе изучение особенностей стратегического мышления политических элит. Дж. Го выделял две волны постколониальной мысли: первая касалась вопросов деколонизации, вторая – модальности отношений империя – колония¹. Сегодня исследователи отдельное внимание уделяют влиянию колониального наследия на особенности развития всей системы мировой политики, а также на специфику неоколониального мышления у бывших метрополий².

Постколониализмом обозначают не только конкретный исторический период после распада колониальной системы, но и более длительный период его переосмысления. Т. Баркави и М. Лаффи под «постколониальным моментом» понимали исторический этап после окончания Второй мировой войны и до середины 1960-х гг., когда происходила передача власти в деколонизированных странах³.

Расширение состава участников мировой политики на фоне отхода от европоцентризма и постепенного подъема «глобального Юга» делает актуальным анализ иерархии в международных отношениях в рамках постколониального конструктивизма⁴. Эта научная школа, возникшая в ответ на процессы деколонизации, полезна в исследованиях, посвященных распаду империй, спровоцивавшему слом традиций и изменение направлений развития в странах – бывших колониях и одновременно создававшему феномен «постколониального общества» в странах – бывших метрополиях. И.Д. Лошкарев отмечает, что «синтез постколониализма и конструктивизма имеет потенциал в сфере исследований закономерностей и особенностей развития макрополитической идентичности»⁵.

В Британии в последние годы остро развернулись дебаты об имперском наследии, возвращая общество и элиты к «постколониальному моменту» и к поиску собственной международной идентичности в новых условиях. Частично данный тренд объясняют итоги референдума о членстве в ЕС 2016 г., отчасти – особенности политической культуры страны. Британский социолог и культуролог П. Гилрой назвал такой тип мышления общества и элит «постимперской меланхолией»⁶. Авторитетный исследователь постколониальной теории Л. Ганди дала определение постколониальному мышлению как «несовершенному мировоззрению: неопределенному, незавершенному и странствующему»⁷.

В настоящей статье исследуется влияние постколониального дискурса на современную внешнюю политику Британии. С этой целью автор анализирует современные стратегические документы, общественные настроения, а также стратегические установки политического истеблишмента. Для выявления существенных характеристик современного внешнеполитического процесса не менее важно исследовать историческую трансформацию дискурса о колониальном наследии. Метод исторической аналогии дает возможность в силу особых полити-

1 Go 2016.

2 Fitzgerald 2019.

3 Barkawi, Laffey 2006.

4 Adem 2022.

5 Лошкарев 2022.

6 Gilroy 2004.

7 Gandhi 2019, 205.

ческих традиций британских элит проследить актуальные тенденции в вопросах внешнеполитического планирования Лондона на современном этапе.

«Постколониальное мышление» во внутривнутриполитических дискуссиях

Империализм на протяжении нескольких веков оставался неотъемлемой чертой стратегического мышления британской политической элиты, которая, как писал Р. Сондерс, обращалась к теме империи в разных ситуациях¹. С одной стороны, с процессами деколонизации во второй половине XX в. среди британских политиков вряд ли можно было найти империалистов, таких как У. Черчилль, который на банкете лорда-мэра лондонского Сити в 1942 г. утверждал, что стал премьер-министром не для того, чтобы наблюдать распад Британской империи². Однако он был предопределен логикой исторического процесса и носил многоступенчатый характер. Имперская природа государственности постепенно видоизменялась, а к окончанию Второй мировой войны в составе империи было уже шесть фактически независимых государств (доминионов)³.

С другой стороны, с середины XX в. внешняя политика Лондона находилась в состоянии трансформации и поиска новой международной роли. Членство в ЕЭС / ЕС сглаживало «постимперский синдром». В то же время участие Британии в «Общем рынке» стало предметом политической полемики. Оппозиция, подхватив настроения части общества, трактовала присоединение к европейской интеграции как национальное поражение, а более радикально настроенные представители элиты рассматривали Европу как новый плацдарм для приложения «имперской миссии» Лондона.

В своей полноте «постимперские травмы» проявились в ходе подготовки к референдуму о членстве в ЕЭС в 1975 г. Агитационная кампания сторонников самостоятельного пути Лондона (*Out and onto the World*) была наполнена отсылками к прошлому. Противники ЕЭС призывали избавиться от «европейской империи», а евроскептицизм приобрел оттенок «антиколониального сопротивления». В части «особых отношений» Британии и США, несмотря на критику за излишнюю зависимость от Вашингтона, сравнений с колониальным или вассальным положением в публичном пространстве не возникало.

Разнообразие трактовок и аргументов имперской тематики, возникшей в ходе дискуссий о европейской интеграции, свидетельствовало о «ретроспективном» стиле мышления политических элит, которые сделали постимперский нарратив элементом внутривнутриполитической борьбы.

Одновременно переосмысление вопросов идентичности и имперского прошлого проявилось в стратегическом планировании. Маленькая победоносная война М. Тэтчер с Аргентиной за Фолклендские острова 1982 г. вернула фокус

1 Saunders 2020, 1142.

2 "From the Archive: Mr. Churchill on our One Aim," The Guardian, originally published on November, 11, 1942, accessed May 15, 2023, <https://www.theguardian.com/theguardian/2009/nov/11/churchill-blood-sweat-tears>.

3 Австралийское Содружество, Канадская Конфедерация, Ирландское свободное государство, Доминион Ньюфаундленд, Южно-Африканский Союз и Новая Зеландия.

внимания к имперскому наследию как источнику международного престижа. Однако тогда речь шла в большей степени о решимости защищать свои территории, чем использовать их как политический или экономический ресурс.

В целом дискуссии того времени отражают образ мышления современных элит. У. Уоллес отмечал, что «внешняя политика Британии по-прежнему опирается на идеологические предпосылки, восходящие к эдвардианской эпохе»¹. Острые дебаты развернулись вокруг выбора между «англосаксонской» и «европейской» ипостасями национальной идентичности² по аналогии с «геополитическими качелями» Лондона между Европой и США. Вторым важным аспектом, вытекающим из этой дилеммы, стали дискуссии о роли страны на мировой арене: может ли Британия довольствоваться статусом европейской постимперии или должна претендовать на глобальное лидерство. Видение исключительной миссии, по мнению многих исследователей, имманентно присутствует в политическом мышлении британских элит. Как пишет канадский эксперт С. Вучетич, поиск «глобальной роли» нельзя считать «эксклюзивным запросом отдельного сегмента британского истеблишмента», так как он представляет «общественный консенсус» в Британии³.

Дебаты об историческом наследии Британской империи возобновились в середине 2010-х гг. с началом агитационной кампании накануне референдума о членстве в ЕС, чтобы позже выйти на очередной виток общественных и академических дискуссий уже в новых условиях. Брекзит вновь спровоцировал рефлексию в политических кругах относительно международной роли страны, форм взаимодействия с бывшими колониями как источника международного влияния, а также политики в отношении населения бывшей империи (дебаты об ограничении миграции, вопросы культурной адаптации и признания ошибок прошлого)⁴.

Показательно, что, по опросам 2014⁵ и 2016⁶ гг., большинство британцев в целом положительно оценивали имперское прошлое. В 2020 г. уже только 32% респондентов называли империю поводом для гордости, в то время как 37% испытывали чувство стыда за колониальное прошлое⁷. С брекзитом в британском общественно-политическом поле обозначились новые тенденции.

Во-первых, тезис о том, что голосование в пользу выхода из Евросоюза объясняется «тоской по империи», возобновил интерес к имперскому наследию⁸. Распространенное представление, что «среднестатистический брекзитер» (сторонник выхода из ЕС) – убежденный империалист, привело к обратному эффекту: элиты поспешили отмежеваться от постколониальной и неоимперской риторики. Глава МИД Л. Трасс (2021–2022), выступая с программной речью по внешней

1 Wallace 1991.

2 Годованюк 2020.

3 Turner 2019; Vucetic 2022.

4 Dorling et al. 2019; Kenny et al. 2018.

5 "The British Empire is 'something to be proud of,'" YouGov, July 26, 2014, accessed May 15, 2023, <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2014/07/26/britain-proud-its-empire>.

6 "Rhodes Must not Fall," YouGov, January 18, 2016, accessed May 15, 2023, <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2016/01/18/rhodes-must-not-fall>.

7 "How Unique are British Attitudes to Empire?" YouGov, March 11, 2020, accessed May 15, 2023, <https://yougov.co.uk/topics/international/articles-reports/2020/03/11/how-unique-are-british-attitudes-empire>.

8 Харитоновна 2022.

политике в декабре 2021 г., предложила отказаться от «борьбы с прошлым»¹. Чуть ранее ее предшественник – глава МИД У. Хейг (2010–2014) – призвал страну отстраниться от «постколониальной вины» и продемонстрировать более уверенную политику на мировой арене².

Во-вторых, попытки объяснить решение о выходе из ЕС постимперской ностальгией при более детальном рассмотрении оказались значительным упрощением. Среди политических деятелей, неоднократно обращавшихся к имперскому и колониальному наследию, при этом являющихся сторонниками членства в ЕС, можно выделить Т. Блэра, Г. Брауна, Д. Кэмерона³. Интересно также, что историк Н. Фергюсон, известный своей поддержкой британского колониализма, выступил против брекзита⁴. Одновременно среди тех, кто осуждает имперское наследие, встречаются политики с отрицательным отношением к членству в ЕС. Так, канцлер казначейства в Кабинете Л. Трасс К. Квартенг, поддержавший брекзит, в 2012 г. в книге «Призраки империи: британское наследие в современном мире» описал недостатки имперского управления в Гане (родине его предков)⁵. Одновременно Д. Лэмми (потомок переселенцев из бывших колоний), теневой министр иностранных дел от оппозиционной Лейбористской партии, который неоднократно призывал власти признать ошибки имперского прошлого, выступал за членство в ЕС на референдуме 2016 г.

В-третьих, тематика империи вышла на первый план межпартийной борьбы. Оппозиция использовала неоколониализм для нападок на правящий Кабинет, усматривая неоколониальные черты во многих внутривнутриполитических решениях истеблишмента. Например, сделку с властями Руанды (апрель 2022) по переселению нелегальных мигрантов в специальный центр содержания беженцев в Африке с последующим определением их статуса оценили как «акт постколониализма», который напоминает об эпохе работорговли⁶. Вопросы колониального наследия в обществе остро обсуждались в связи с выступлениями сторонников движения *Black Lives Matter* летом 2020 г.⁷ Еще ранее, в 2019 г. в предвыборном манифесте Лейбористская партия пообещала включить в школьную программу историю Британской империи и раскрыть все ее ошибки.

Наконец, одним из новых трендов стали изменения в этническом составе политической элиты, что прямо не свидетельствует об изменении культуры принятия стратегических решений, а скорее отражает запрос общества на инклюзивную политическую среду. На последних всеобщих выборах 2019 г. в палату общин 66 мест (10% от общего числа мандатов) получили представители этнических сообществ (рекордный на данный момент показатель)⁸. Впервые в истории Британии премьер-министром (Р. Сунак), главой МИДа (Дж. Клеверли), главой

1 “Building the Network of Liberty: Foreign Secretary’s Speech,” Gov.UK, December 8, 2021, accessed May 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-liz-truss-building-the-network-of-liberty>.

2 “Hague Urges end of Empire ‘Guilt,’” Evening Standard, August 31, 2021, accessed May 15, 2023, <https://www.standard.co.uk/panewsfeeds/hague-urges-end-of-empire-guilt-8099725.html>.

3 Ferguson 2002.

4 Ibid.

5 Kwarteng 2012.

6 “The UK’s Rwandan Refugee Plan is Postcolonialism in Action,” University of Birmingham, September 21, 2022, accessed May 15, 2023, <https://www.birmingham.ac.uk/news/2022/rwandan-refugee-plan-is-postcolonialism-in-action-1>.

7 Davies 2022.

8 “Ethnic Diversity in Politics and Public Life,” House of Commons library, September 30, 2022, accessed May 15, 2023, <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn01156/>.

МВД (С. Браверманн) стали потомки жителей британских колоний. В кабинетах Т. Мэй и Б. Джонсона во главе МВД были С. Джавид и П. Пател соответственно, а министром финансов в правительстве Л. Трасс – К. Квартенг, чьи предки были эмигрантами из бывших британских колоний.

Усилилась рефлексия британского истеблишмента относительно прошлого, которую П. Бомонт назвал «ретротопией»¹ – желанием задействовать историческое наследие для *modus operandi* на мировой арене. Дуализм такого образа мыслей состоит в том, что постколониальное наследие одновременно остается источником национальной гордости, но при этом аллюзии на него – предметом критики. Постимперский дискурс как важнейший элемент стратегического мышления современных британских элит продолжает оказывать значительное влияние не только на внутривнутриполитическую повестку, но и на внешнеполитические приоритеты.

Противоречия «постколониального наследия»: внешнеполитический аспект

Распад империи способствовал обновлению британской послевоенной внешней политики. Однако вопросы о том, какую линию выстраивать в отношении бывших колоний и как позиционировать себя в традиционных зонах имперского влияния, долгое время оставались дискуссионными. В условиях холодной войны США выступали за максимально широкое военное присутствие Британии в различных регионах мира, что могло обеспечить (в случае необходимости) военную помощь ближайшего союзника. Вместе с тем неоимперские инициативы Лондона того времени противоречили американским интересам (Суэцкий кризис 1956).

Преимущество внешнеполитического планирования сегодня отражается в тесных исторических, культурных, геополитических и имиджевых связях Британии с бывшими колониями, а также в повышенном запросе на пересмотр военных и экономических связей с союзниками. В этом контексте символическое значение имперского наследия, которое влияло на международную идентичность, дополнилось усилившейся практической геополитической и геоэкономической ценностью.

Сегодня от колониальных владений под британским суверенитетом остаются 14 заморских территорий – актив геополитического и «океанического» / морского влияния за рубежом. Защита этих владений является государственным приоритетом – там провозглашена власть британского монарха (включая обладающую особым международно-правовым статусом Антарктическую британскую территорию). Многие из этих территорий стали стратегическими опорными точками Лондона: Гибралтар и суверенные военные базы на Кипре – западные и восточные «ворота» в Средиземноморье, британская территория в Индийском океане (архипелаг Чагос) – важнейший для Лондона стратегический пункт в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), Фолклендские острова – в Южной Атлантике.

1 Beaumont 2017.

Постколониальное наследие Британии является предметом территориальных и политических споров с потенциалом трансформироваться в «раздражители» в отношениях с крупными игроками. Например, в 2022 г. прямую поддержку Буэнос-Айресу в его претензиях на Фолклендские (Мальвинские) острова выразил Пекин, что является среди прочего провокационной активностью Лондона в Южно-Китайском море¹.

Сохраняющееся влияние в бывших колониях и доминионах посредством исторических, административных, правовых, финансовых и институциональных рычагов, в том числе в форме Содружества наций, остается связующим звеном с прошлой империей². В 15 государствах Содружества британский монарх по-прежнему является главой государства. В последние годы наметилась тенденция к отказу от британского администрирования в лице генерал-губернатора, представляющего власть британского монарха («рудимента» имперского прошлого). Местные власти Антигуа и Барбуда, а также Ямайки планируют поставить этот вопрос на референдум. Барбадос в ноябре 2021 г. уже был провозглашен республикой.

Идея о том, что обращение к Содружеству после брекзита означает усиление «имперского круга»³, вновь порождает дискуссии. Британия и до брекзита стремилась удерживать связи с этими государствами и представлять их важнейшей частью внешней политики. Ссылка на Содружество является элементом внешнеполитической идентичности и содержится в официальном названии МИД Британии – *Foreign, Commonwealth and Development Office*⁴.

С экономической точки зрения связи с Содружеством всегда вызывали споры. К началу 1970-х гг. на долю стран ЕЭС приходилось 22% британского экспорта, в то время как на страны Содружества – 19%. Для сравнения, в 2019 г. доля британского экспорта в страны ЕС составила 46%, в Содружество – 9%⁵. В большей степени низкий экономический эффект от системы «имперских преференций» и отсутствие видимых политических дивидендов от Содружества способствовали тому, что Лондон вступил в «Общий рынок». Более того, во время первого референдума о членстве в ЕЭС в 1975 г. главы 32-х государств Содружества подписали меморандум в поддержку британского членства в ЕЭС, ожидая через Лондон выйти на европейский рынок⁶.

Впоследствии объемы торговли со странами объединения стремительно сокращались, однако брекзит значительно активизировал торговые связи за пределами ЕС. Так, в период с 2021 по 2022 г. экспорт Британии в страны Содружества

1 “China’s UK Embassy Stokes Argentina Claim over Falkland Islands,” South China Morning Post, February 8, 2022, accessed May 15, 2023, <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3166195/chinas-uk-embassy-stokes-argentina-claim-over-falkland-islands>.

2 Из 56 стран-членов Содружества четыре никогда не входили в состав Британской империи, в частности Мозамбик (вошел в объединение в 1995), Руанда (2009), членство Габона и Того было одобрено на последнем саммите Содружества в Руанде в июне 2022 г.

3 Знаменитая метафора У. Черчилля, представленная на конференции Консервативной партии в Лландидно в 1948 г., касалась того, что Великобритания не только находится на пересечении трех окружностей («Британского Содружества и Империи», «англоязычного мира» и «Европы»), но и в центре морских и, возможно, воздушных путей.

4 Институционально распад империи был зафиксирован в 1968 г., когда произошло слияние Офиса по делам Содружества (*Commonwealth Office*) и Офиса по иностранным делам (*Foreign Office*). В сентябре 2020 г. в сферу ответственности британского МИД перешел Департамент международного развития.

5 “Renewing the UK’s Trading Relationship with Commonwealth Countries,” House of Lords library, July 2, 2021, accessed May 15, 2023, <https://lordslibrary.parliament.uk/renewing-the-uks-trading-relationship-with-commonwealth-countries/>.

6 Saunders 1152.

увеличился на 22% в денежном выражении, импорт из этих стран увеличился на 28%. На государства объединения в 2022 г. приходилось 8,9% от общего объема торговли Британии.

Интерес для Лондона в большей степени представляют пять крупных экономик – Австралия, Канада, Индия, Сингапур и ЮАР. В совокупности на эти страны в 2022 г. приходилось 73% британского экспорта в страны Содружества и 67% импорта из стран объединения¹. Следует учитывать, что Содружество не является торговым блоком, поэтому речь идет об отношениях Британии с крупными экономиками на двусторонней основе. В этом случае на первый план выходит идея взаимодействия самостоятельных акторов, где отсылки к колониальному прошлому не приветствуются.

В политическом аспекте Британия на протяжении долгого периода стремилась, с одной стороны, дистанцироваться от неоимперских аналогий внутри объединения, что, например, отражал принцип равных членов. Генеральный секретарь Содружества наций Ш. Рампаль писал, что достоинством этой организации стало то, что она «утратила свою “британскость” (“Britishness”)»². С другой стороны, Лондон удерживает там лидерские позиции: главой Содружества наций остается британский суверен. Это обстоятельство не только можно считать прямым наследием имперского прошлого, но и символом преемственности современного курса страны с имперскими / глобальными традициями. Исследователи даже выразили сомнения, можно ли назвать Британию «постколониальным государством»³. В 2013 г., например, Гамбия, которую Лондон критиковал за несоблюдение прав человека, покинула Содружество с формулировкой, что «это институт неокOLONиализма»⁴, однако в 2018 г. восстановила утраченное членство.

Часть истеблишмента сегодня воспринимает Содружество как анахронизм. Б. Джонсон в газете *Telegraph* писал, что любовь Елизаветы II к объединению объясняется тем, что «Содружество обеспечивает ей восторженные толпы негрят с флажками»⁵.

Лондон постепенно несет политико-нормативные и имиджевые потери по линии взаимодействия с территориями, некогда входившими в Британскую империю. Ряд стран регулярно высказывают претензии бывшей метрополии в отношении колониального прошлого и ставят вопрос о выплате репараций. В 2021 г. Ямайка (оставалась британской колонией с 1655 по 1962) заявила о своих намерениях получить финансовую компенсацию за работорговлю и эксплуатацию ресурсов. Аналогичные требования высказывают власти Белиза. Визит герцогов Кембриджских в эту страну в марте 2022 г. в ознаменование платинового юбилея королевы сопровождался антимонархическими и антиколониальными выступлениями местных жителей. Массовые протесты были зафиксированы и на Ямайке. Комитет по репарациям Багамских островов обратился с петицией о требованиях

1 “Statistics on UK Trade with the Commonwealth,” House of Commons library, May 19, 2023, accessed June 20, 2023, <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8282/#:~:text=In%202022%3A,were%20worth%20%C2%A375%20billion.>

2 Saunders 1150.

3 Adi 2012.

4 “Gambia Quits the Commonwealth,” *The Guardian*, October 2, 2013, accessed May 15, 2023, [https://www.theguardian.com/world/2013/oct/03/gambia-quits-commonwealth-yahya-jammeh.](https://www.theguardian.com/world/2013/oct/03/gambia-quits-commonwealth-yahya-jammeh)

5 Boris Johnson, “If Blair’s so Good at Running the Congo, Let him Stay there,” *Telegraph*, January 10, 2002, accessed May 15, 2023, [https://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3571742/If-Blairs-so-good-at-running-the-Congo-let-him-stay-there.html.](https://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3571742/If-Blairs-so-good-at-running-the-Congo-let-him-stay-there.html)

финансовой компенсации от Лондона за годы рабства. В мае 2023 г. накануне коронации Карла III представители Организации защиты прав коренных народов (*Indigenous Rights Organisations*) из 12 стран Содружества, включая Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Багамские острова, обратились к британскому монарху с требованиями официальных извинений за последствия колонизации, выплаты репараций и возвращения артефактов.

С выходом из ЕС Британия рассчитывала обратиться к странам Содружества как внешнеполитическому активу в экономическом и геополитическом аспектах. Б. Джонсон говорил о Содружестве как об «уникальной торговой возможности после брекзита». Однако эксперты еще до официального выхода Британии из ЕС отмечали, что Лондон может рассчитывать на Содружество только «как на глобальную сеть нетворкинга»¹. Британии удалось заключить соглашения о торговле с 33 странами объединения, однако экономический эффект от них пока остается дискуссионным. Значительный экономический интерес представляют крупнейшие экономики – Индия, Австралия, Канада, ЮАР. Эти бывшие колонии / доминионы сегодня претендуют на роль самостоятельных центров силы и воспринимают Содружество как символическую структуру либо как форму проецирования собственного влияния.

При этом малые страны (в классификации Содружества те, чье население не превышает 1,5 млн человек) за некоторыми исключениями видят в данной организации экономические и политические выгоды за счет доступа к международной помощи через специальные фонды объединения. Двойственность положения Британии в рамках Содружества, неоднозначность отсылок к имперскому наследию вынуждают Лондон искать рычаги влияния через систему двусторонних связей и малых альянсов как на государственном уровне, так и на уровне взаимодействия элит.

Брекзит стал дополнительным импульсом не только к усилению внимания к Содружеству и историческим связям с бывшими колониями, но и к поиску возможностей использовать его как внешнеполитический актив. Саммиты глав государств и министров иностранных дел объединения Лондон активно использует как площадку для продвижения собственной международной повестки. Например, встреча глав государств Содружества в Лондоне 2018 г. имела символическое значение не только продемонстрировать статус Британии как глобального игрока, способного формировать долгосрочную повестку по экономическому и политическому сотрудничеству с широкой сетью стран-единомышленников, но и продвигать тематику общих угроз в сфере изменения климата, кибербезопасности и пр. На последнем саммите министров иностранных дел стран Содружества в марте 2023 г. в Лондоне речь шла об объединении как о «коллективном голосе» для продвижения демократии, прав человека, гендерного равенства и надлежащего управления².

В сущности взаимодействие Британии со странами Содружества в институциональном плане составляет важнейший элемент внешней политики, внима-

1 Frost 2019.

2 “Commonwealth Foreign Affairs Ministers’ Meeting 2023 and the Foreign Secretary’s Bilateral Meetings: an Overview,” Gov UK, March 15, 2023, accessed June 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/news/commonwealth-readout-of-the-foreign-secretarys-meetings-with-commonwealth-foreign-affairs-ministers>.

ние к которому усилилось в части имиджа и внешнеполитической идентичности страны на современном этапе. В политическом значении Британия продолжит задавать повестку в объединении, делать ставку на развитие отношений с крупными игроками, в то время как малые островные государства будут составлять политический актив для географической диверсификации внешней политики.

«Глобальная Британия»: пределы постколониального дискурса

Новая концептуальная установка «Глобальная Британия»¹ спровоцировала широкие дискуссии о неоимперской природе внешней политики². Ее авторы отталкивались от традиций постимперского мышления и планирования, в частности опираясь на идею о триединстве внешнеполитических кругов, развили ее до предположения, что Британия находится на пересечении геостратегических и геоэкономических интересов двух мега-регионов – Евро-Атлантики и Индо-Пацифики.

Британия как постимперия по-прежнему стремится к целям, которых ранее достигала за счет внушительных колониальных владений: *экономическим* (включая доступ к ресурсам и рынкам); *геостратегическим* (включая доступ к военным базам и территориям); *имиджевым* (включая обеспечение инструментов влияния и глобальной роли). При этом постколониальный дискурс брекзитеров обращался к колониальному наследию как к главному ресурсу, но не как к конечной форме достижения внешнеполитических задач. Критики, в свою очередь, увидели в новой политике своеобразную компенсаторную модель Британской империи в условиях деглобализации.

В самой Британии и за рубежом концепцию «Глобальная Британия» обозначали термином «*Империя 2.0.*»³. Данные о том, кто первым ввел в обиход это выражение, разнятся. Нет точных сведений, было ли оно изобретением журналистов, так как впервые термин упомянула газета *Times* в марте 2017 г., или все-таки негласным обозначением новой политики, которую придумали чиновники⁴. В любом случае речь не шла об официальном правительственном нарративе. Первый глава Департамента международной торговли Л. Фокс призвал отказаться от использования этого термина⁵. Выражение «*Империя 2.0.*» подхватили идеологические противники брекзита и некоторые чиновники ЕС в ответ на заявления Британии о «самостоятельной внешней политике» после избавления от «европейской тюрьмы». Таким образом, аллюзии на неоимперский контекст внешней политики приобрели негативные коннотации, как и сама идея «Глобальной Британии».

В содержательном плане новая концепция была окончательно оформлена в Комплексном обзоре стратегии национальной безопасности, обороны, развития

1 Идея о «Глобальной Британии» появилась сразу после референдума 2016 г. В дальнейшем параллельно с переговорами о выходе из ЕС она концептуально наполнялась.

2 Капитонова 2020; Turner 2019.

3 Saunders 2020.

4 "The Commonwealth is not 'Empire 2.0' and this is no Time to Defund It," The Article, February 13, 2020, accessed May 15, 2023, <https://www.thearticle.com/the-commonwealth-is-not-empire-2-0-and-this-is-no-time-to-defund-it>.

5 "Liam Fox Tells Civil Servants not to Use 'Offensive' Term 'Empire 2.0,'" SCW, March 13, 2017, accessed May 15, 2023, <https://www.civilserviceworld.com/professions/article/liam-fox-tells-civil-servants-not-to-use-offensive-term-empire-2-0>.

и внешней политики Соединенного Королевства в марте 2021 г.¹ Британские политические элиты дали сигнал, что отказываются от дихотомий «европоцентризм *versus* атлантизм», «европоцентризм *versus* связи с бывшими колониями», а продвигают новую, «глобальную» внешнюю политику. В документе подтверждается преемственность британских интересов в Евро-Атлантическом регионе, обозначенном как «домашний» для Британии, неизменность «особых отношений» с США, а также «поворот в Индо-Тихоокеанский регион».

Согласно Обновленному комплексному обзору, опубликованному правительством Р. Сунака в марте 2023 г., интересы Британии направлены на три мегапространства: Евро-Атлантика, Индо-Пацифика и более широкое соседство (*wider neighborhood*), которое включает в себя Африку, Ближний Восток, Арктику (с ее проекцией в Южном полушарии – Антарктикой)².

«Поворот в Индо-Тихоокеанский регион» в большей степени, чем другие направления новой внешней политики, наблюдатели начали связывать с проявлением постколониального мышления. Во-первых, угадывались прямые исторические аналогии между возвратом в регион «к востоку от Суэца» и имперским прошлым страны. Во-вторых, закрепиться в регионе, влиять на региональный баланс сил, а также архитектуру безопасности, равно как и развивать торгово-экономические связи, предполагалось за счет сохраняющихся исторических и политических связей с бывшими колониями (Австралия, Индия)³.

С одной стороны, в развороте в Азию не просматривалось стратегической новизны. Как отмечают зарубежные исследователи, «постколониальные связи Британии и возможность влиять на региональных игроков представляли [для США] стратегический актив и в годы холодной войны»⁴. С другой стороны, с учетом изменения динамики процессов мировой политики и экономики, смещения центра тяжести на «глобальный Юг» и в Азию обращение к историческим связям с бывшими колониями, которые разделяют британскую систему ценностей, как и к «англосаксонской» идентичности (связи с «англосферой»), стало закономерной магистральной линией внешней политики за пределами Евро-Атлантики с учетом выхода из Евросоюза.

Вместе с тем в регионе проявился неоднозначный постколониальный имидж Британии. Показательным примером спорного наследия стал статус архипелага Чагос, на главном острове которого (Диего-Гарсия) располагается британская военная база, арендованная США сроком до 2036 г. Британия проигнорировала консультативное решение Международного суда ООН от 25 февраля 2019 г. с требованием «завершить административный контроль над архипелагом», который препятствует его полной деколонизации. Оказавшись в положении выбора между стратегическими интересами и репутацией ответственного между-

1 “Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy,” Gov.UK, March 16, 2021, accessed May 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.

2 “Integrated Review Refresh 2023: Responding to a More Contested and Volatile World,” Gov.UK, March 13, 2023, accessed June 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world>.

3 11 тихоокеанских государств (бывших колоний) входят в Содружество (Австралия, Вануату, Кирибати, Науру, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы острова, Тонга, Тувалу, Фиджи) и 8 азиатских государств (Бангладеш, Бруней, Индия, Малайзия, Мальдивы, Пакистан, Сингапур, Шри-Ланка).

4 Patalano 2019.

народного игрока, новый Кабинет Великобритании Р. Сунака в ноябре 2022 г. заявил о готовности начать переговоры с Маврикием о статусе архипелага. Такие сигналы свидетельствуют о попытке улучшить имидж страны в регионе и сгладить напряженность, которая может негативно отразиться на отношениях с Индией (в споре поддерживает Маврикий). При этом вряд ли стоит ожидать от Лондона реальных уступок в отношении территории, которая представляет для него стратегический интерес.

Характер британо-индийских отношений иллюстрирует ограниченные возможности постколониального дискурса. В диалоге с Нью-Дели Лондону придется апеллировать к диаспоральным связям, «общей истории», общим демократическим ценностям как к основе для взаимодействия, избегая колониальной тематики, которая вызывает раздражение у индийского истеблишмента.

Китай неоднократно обвинял Британию в постколониальном мышлении в регионе ИТР¹. Речь, в частности, идет о политике Лондона в отношении Гонконга (был передан под суверенитет Китая в 1997). С тем чтобы продемонстрировать «моральную ответственность перед гражданами бывшей колонии», британские власти объявили о новой программе переселения мигрантов из Гонконга по паспортам британского гражданина за рубежом (*BNO*)².

Подписание нового военно-политического «вечного альянса» *AUKUS* между Австралией, Британией и США, который имеет целью формирование системы сдерживания КНР в регионе, было встречено еще более эмоциональными оценками – «белый колониальный реванш против Китая»³.

В обновленном Комплексном обзоре констатируется, что Британия уже обеспечила «поворот в Индо-Тихоокеанский регион» через невоенные инструменты – дипломатию, торговлю, технологический обмен и взаимодействие с региональными организациями наряду с умеренным военным присутствием (например, размещение в регионе в 2021 г. авианосной ударной группы).

Основой британской внешней политики в Индо-Пацифике будет поддержка концепции свободного и открытого ИТР. Британия это трактует как «особый региональный баланс, который не допускает возникновения доминирующей державы и где широкий набор институтов и партнерств формирует стабильный, но адаптируемый региональный порядок; соблюдается территориальная целостность и разрешаются споры в соответствии с международным правом; судоходные пути остаются безопасными и открытыми»⁴. Главными «опорными точками» Лондона в регионе остаются бывшие колонии: Австралия, Индия, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Филиппины, а также государства-единомышленники, например Япония, Южная Корея.

1 China Accuses U.K. of 'Colonial Mindset' over Hong Kong Protest Comments," NBSN News, July 4, 2019, accessed May 15, 2023, <https://www.nbcnews.com/news/world/china-accuses-u-k-colonial-mindset-over-hong-kong-protest-n1026566>.

2 С января 2021 г. в Великобритании начала действовать новая программа переселения жителей из Гонконга паспортами *BNO* (*The Hong Kong BN(O) Welcome Programme*). По оценкам МВД Великобритании, в течение пяти лет порядка 300 тыс. жителей Гонконга смогут воспользоваться данной программой.

3 Danny Haiphong, "The Revenge of White Colonialism Motivates the AUKUS Alliance Against China," Black Agenda Report, September 29, 2021, accessed May 15, 2023, <https://www.blackagendareport.com/revenge-white-colonialism-motivates-aukus-alliance-against-china>.

4 "Integrated Review Refresh 2023: Responding to a More Contested and Volatile World," Gov.UK, March 13, 2023, accessed June 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world>.

Такая трактовка концепта «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» вновь заставила обратить внимание на элементы неокOLONИАЛЬНОГО мышления у современных политических элит. Указанный подход созвучен британской концепции баланса сил, который Лондон традиционно поддерживал на европейском пространстве. Еще один аспект связан с возросшим значением морской безопасности, что также отсылает к имперским временам, когда небольшое островное европейское государство контролировало существенные морские пространства.

Неожиданно активность Британии в ИТР вызвала опасение и в Канберре. Выступая в феврале 2023 г. в Королевском колледже в Лондоне, министр иностранных дел Австралии П. Вонг (имеет китайско-британское происхождение) призвала британские власти отказаться от «колониального прошлого», если они хотят действительно укрепиться в Индо-Тихоокеанском регионе. Она обратила внимание, что характер 250-летних британо-австралийских отношений изменился, и теперь Австралия считает себя частью геополитического пространства, которое, по ее словам, стало «самым важным регионом нашего времени», где военное столкновение имело бы катастрофические последствия¹. На эти слова поступила реакция главы МИД Дж. Клеверли: «Вряд ли можно обвинять страну в неокOLONИАЛИЗМЕ, если ее внешней политикой руководит выходец из британской колонии»².

В. Трейделл, верховный комиссар Британии в Австралии, также в своем ответном выступлении «Наше путешествие за пределы колониализма» апеллировала к своему малайзийскому происхождению, говоря о новой британской политике в регионе, которая опирается на позитивное колониальное наследие³. При этом главное опасение региональных игроков состоит в том, что инерционное мышление бывших империй приведет к их стремлению доминировать в структуре региональной безопасности с риском военной эскалации.

В обновленном Комплексном обзоре упоминания «Глобальной Британии» в отношении новой внешнеполитической стратегии были изъяты. В памфлете *"Britain Reconnected"* (март 2023), посвященном внешней политике, Лейбористская партия назвала внешнюю политику консерваторов «постимперской рискованной "Глобальной Британией"»⁴. Теперь сам термин начали воспринимать как результат неудачной стратегической коммуникации предыдущих кабинетов. С этого времени ни в одном программном выступлении по вопросам внешней политики (Р. Сунака на банкете лорда-мэра лондонского Сити в ноябре 2022 г.⁵,

1 "An Enduring Partnership in an Era of Change," Minister for Foreign Affairs, January 31, 2023, accessed May 15, 2023, <https://www.foreignminister.gov.au/minister/penny-wong/speech/enduring-partnership-era-change>.

2 "James Cleverly Rebuffs Australian Minister over UK Colonialism Remarks," The Guardian, February 2, 2023, accessed May 15, 2023, <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/feb/02/james-cleverly-rebuffs-australian-foreign-minister-over-uks-colonial-past-jibe>.

3 "Modern Britain: Our Journey Beyond Colonialism," Gov.UK, March 8, 2023, accessed May 15, 2023, https://www.gov.uk/government/speeches/modern-britain-our-journey-beyond-colonialism?utm_source=miragenews&utm_medium=miragenews&utm_campaign=news.

4 "Britain Reconnected a Foreign Policy for Security and Prosperity at Home," Fabian Society, March 2023, accessed May 15, 2023, <https://fabians.org.uk/wp-content/uploads/2023/03/David-Lammy-Britain-Reconnected-240323.pdf>.

5 "PM speech to the Lord Mayor's Banquet: 28 November 2022," Gov.UK, November 28, 2022, accessed May 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-28-november-2022>.

Дж. Клеверли в декабре 2022 г.¹ и также в апреле 2023 г.²) упоминание этого словосочетания не прослеживалось. В противовес риторике о «Глобальной Британии», которая в широких общественных дискуссиях воспринимается как наследие команды Б. Джонсона со всеми негативными постколониальными коннотациями, правительство Р. Сунака предложило новый подход, обозначенный как «терпеливая дипломатия» (*patient diplomacy*).

Нынешнее консервативное правительство стремится показать, что отходит от постимперской риторики, апеллируя к общему видению системы внешней политики, общим угрозам и ценностям с «историческими партнерами». Отталкиваясь от этой логики, действующий Кабинет намерен выстраивать связи с перспективными центрами силы «глобального Юга», такими как Индия, Индонезия, Бразилия, ЮАР, Эфиопия, Вьетнам, и другими быстрорастущими экономиками. В случае победы лейбористов на выборах 2024 г. возврата к термину «Глобальная Британия», очевидно, не произойдет, а новое правительство будет искать новые конструкции для определения целей и задач на мировой арене.

При этом контуры внешней политики, заложенные консервативными правительствами после выхода из ЕС и обозначенные в стратегических документах, сохраняют свою актуальность. Британская внешняя политика будет подчиняться логике развития системы международных отношений, одновременно стремясь оказывать на нее влияние. Лондон продолжит выстраивать новые связи между континентальными и морскими пространствами в условиях резкого возрастания конкуренции в международных делах и усиления противостояния ведущих центров силы за счет апелляции к своему глобальному статусу.

Заключение

С момента распада Британской империи широкая академическая и общественная дискуссия с разной степенью интенсивности под влиянием исторических и политических факторов касалась проблематики колониального наследия и переосмысления внешнеполитической идентичности. После решения покинуть Европейский союз Британия переживает очередной «постколониальный момент» своего стратегического планирования.

С одной стороны, сторонники выхода из ЕС спровоцировали прямую аналогию новой внешней политики с постимперским проектом, с другой – общественные дискуссии и нападки оппонентов привели к тому, что понятие «Глобальная Британия» приобрело негативную окраску, став синонимом Британской империи.

Роль постколониального наследия как ресурса внешней политики возросла, а следовательно, потребовала от Лондона активизации связей с бывшими колониями, в том числе по линии Содружества. Это, в свою очередь, спровоцировало претензии со стороны бывших колоний, что прежние методы доминирования европейских государств в регионах их традиционного влияния могут стать

1 "British Foreign Policy and Diplomacy: Foreign Secretary's Speech," Gov.UK, December 12, 2022, accessed May 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-speech-12-december-2022>.

2 "Our Position on China: Foreign Secretary's 2023 Mansion House Speech," Gov.UK, April 25, 2023, accessed May 15, 2023, <https://www.gov.uk/government/speeches/our-position-on-china-speech-by-the-foreign-secretary>.

источником разбалансировки системы безопасности и создать угрозу военного конфликта. Доминантная роль Британии, в частности, в Индо-Тихоокеанском регионе не приветствуется.

Сегодня риторика о «Глобальной Британии» уходит на второй план, появляется запрос на выстраивание новых форм взаимодействия с «традиционными» союзниками. Современный британский истеблишмент ищет новые конструкции для обозначения задач вне Европы, стремясь к глобальной роли, которая неизбежно будет ассоциироваться с постколониализмом. Стратегическое мышление британских элит, отстранившись от «имперского», продолжает «странствовать» между «глобальным» и «региональным» нарративами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Годованюк, К.А. «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // Современная Европа. 2020. № 6. С. 181–190. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020181190>.
- Godovanyuk, Kira. "Global Britain' as an Outcome of Historical Disputes over UK Identity." *Sovremennaya Evropa*, no. 6 (2020):181–190 [In Russian].
- Капитонова, Н.К. Британия в поисках новой роли: неоимперский и глобальный проекты тори в свете Брексита // Вестник РФФИ. 2020. № 1(105). С. 24–27. <https://doi.org/10.22204/2410-4639-2020-105-01-24-27>.
- Kapitonova, Natalia. "In Search of a New Role: Neo-Imperial and Global Britain Tory Projects in the Light of Brexit." *Vestnik RFFI*, no. 105 (2020): 24–27 [In Russian].
- Adem, Seifudein. *Postcolonial Constructivism. Mazrui's Theory of Intercultural Relations*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-60581-0>.
- Adi, Hakim. "To What Extent is Britain Post-Colonial?" *E-International Relations*, (October 3, 2012). <https://www.e-ir.info/pdf/27844>.
- Barkawi, Tarak, and Mark Laffey. "The Postcolonial Moment in Security Studies." *Review of International Studies* 32, no. 2 (2006): 329–352. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007054>.
- Beaumont, Paul. "Brexit, Retrotopia and the Perils of Post-Colonial Delusions." *Global Affairs* 3, no. 4–5 (2017): 379–390. <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1478674>.
- Davies, Jude. "Black Lives Matter in London, June 2020: Patrick Hutchinson, Instant Celebrity, and Changing Discourses of Race and Class in British Media." *Celebrity Studies* 13, 2 (2022): 261–269. <https://doi.org/10.1080/19392397.2022.2063973>.
- Dorling, Danny, and Sally Tomlinson. *Rule Britannia: Brexit and the End of Empire*. London: Biteback Publishing, 2019.
- Ferguson, Niall. *Empire: the Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. London: Basic Books, 2002.
- Fitzgerald, Susannah. "Do Postcolonial Approaches Explain World Politics Better than Other IR Theories?" *E-International Relations*, (June 26, 2019). <https://www.e-ir.info/2019/06/26/do-postcolonial-approaches-explain-world-politics-better-than-other-ir-theories/>.
- Frost, Alec Llywelyn. "Examining the Validity of a 'Global Britain' and Its Ties with the Commonwealth." *E-International Relations*, (July 29, 2019). <https://www.e-ir.info/pdf/79547>.
- Gandhi, Leela. *Postcolonial Theory: a Critical Introduction: Second Edition*. New York: Columbia University Press, 2019.
- Gilroy, Paul. *After Empire: Melancholia or Convivial Culture*. London: Routledge, 2004.
- Go, Julian. *Postcolonial Thought and Social Theory*. New York: Oxford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190625139.001.0001>.
- Kenny, Michael, and Nick Pearce. *Shadows of Empire. The Anglosphere in British Politics*. Cambridge: Polity, 2018.
- Kwarteng, Kwasi. *Ghosts of Empire: Britain's Legacies in the Modern World*. London: Bloomsbury, 2012.
- Patalano, Alessio. *Days of Future Past? British Strategy and the Shaping of Indo-Pacific Security*. London: Policy Exchange, 2019. <https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2019/03/Days-of-Future-Past.pdf>.
- Saunders, Robert. "Brexit and Empire: 'Global Britain' and the Myth of Imperial Nostalgia." *The Journal of Imperial and Commonwealth History* 48, no. 6 (2020):1140–1174. <https://doi.org/10.1080/03086534.2020.1848403>.
- Turner, Oliver. "Global Britain and the Narrative of Empire." *The Political Quarterly* 90, no. 4 (2019): 727–734. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12739>.
- Vucetic, Srdjan. "Elite – Mass Agreement in British Foreign Policy." *International Affairs* 98, no. 1 (2022): 245–262. <https://doi.org/10.1093/ia/iab203>.
- Wallace, William. "Foreign Policy and National Identity in the United Kingdom." *International Affairs* 67, no. 1 (1991): 65–80. <https://doi.org/10.2307/2621219>.
- Лошкарёв, И.Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 659–670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>.
- Loshkariov, Ivan D. "Postcolonialism in International Studies: Two Faces of Theory." *Vestnik RUDN. International Relations* 22, no 4 (2022): 659–670 [In Russian].

Харитонова, Е.М. Переосмысление темы империи в современной политической риторике в Великобритании // *Политическая наука*. 2022. № 1. С. 157–176. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.06>.

Kharitonova, Elena. "Reconsidering the Theme of Empire in the United Kingdom's Current Political Rhetoric." *Political science*, no. 1 (2022): 157–176 [In Russian].

Сведения об авторе

Годованюк Кира Анатольевна,

к.полит.н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН,
ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Москва, Проспект Вернадского 76.

e-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 27.04.2023.

Переработана: 27.05.2023.

Принята к публикации: 01.06.2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Годованюк, К.А. «Постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе: казус «Глобальной Британии» // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 116–132.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-116-132>

Revisiting the “Postcolonial Moment” in Foreign Policy Discourse: A Case Study of “Global Britain”

ABSTRACT

The article explores interrelation between the postcolonial discourse and modern British foreign policy, designated as a “postcolonial moment” in the strategic thinking of the political establishment. It is noted that the withdrawal from the EU has again attracted public and academic attention to the imperial past, which is sometimes regarded not only as a possible reason for Brexit, but also as a starting point for design of the country’s foreign policy under the new conditions (the idea of “Global Britain”). The post-imperial discourse in the modern British political environment is analyzed within several aspects: how it affects the strategic reasoning of the elite circles, specific trends in dealing with the former colonies, and postcolonialism components in the new foreign strategy (case of “Indo-Pacific tilt”). Proceeding from the paradigm of postcolonial constructivism, the article shows that the issues of imperial heritage still remain an important aspect in British foreign policy identity, but in the context of strategic planning it takes on new meanings. Firstly, the political establishment continues to search for a new international role and appeals to the former colonies as a resource of their foreign policy (whether it is economy, strategy, or image). Secondly, distancing themselves from the rhetoric of the colonial past, they refer to “common history” and identity as the world politics see the formation of a polycentric system. This trend is reflected in the challenge of building new long-term alliances through “patient diplomacy.” The “Global Britain” discourse, due to its direct connotation with the postcolonial past, becomes undesirable for both the ruling political elite and the opposition.

KEYWORDS

«Global Britain», foreign policy, strategic discourse, political establishment, «postcolonial moment», Indo-Pacific, identity

Author

Kira A. Godovanyuk,

PhD (Polit. Sci.), Leading Research Fellow Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Senior Research Fellow, Institute MGIMO University
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

Additional information

Received: April 27, 2023. Revised: May 27, 2023. Accepted: June 01, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Godovanyuk, Kira A. Revisiting the “Postcolonial Moment”
in Foreign Policy Discourse: A Case Study of “Global Britain.”
Journal of International Analytics 14, no. 2 (2023): 116–132.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-116-132>

Narratives in School History Textbooks: An East African Perspective

Alisa R. Shishkina, HSE University; Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Teddy O. Dunde, Catholic University of Eastern Africa, Nairobi, Kenya

Leonid M. Issaev, HSE University; Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Correspondence: ashishkina@hse.ru

ABSTRACT

This study conducts an in-depth analysis of the content in school history textbooks from East Africa, assessing the potential impact on socio-political stability in the region. Citing relevant research on multiperspectivity, the authors recognize the significant role power dynamics play in shaping historical narratives, suggesting that colonial structures and the dominance of majority groups continue to influence these dynamics. The paper provides a historical context by reviewing the educational systems in Kenya, Uganda, and Tanzania. It particularly notes the challenges faced by the Muslim minority group, who often study in public schools managed by Christian entities or the government. These institutions predominantly use secular history textbooks, potentially biasing the learning experience. The researchers employed content analysis to qualitatively evaluate the data in these textbooks. The results indicated a biased presentation of historical events, overemphasizing the colonial and post-colonial periods while underrepresenting the influence of Islam in East Africa. The authors argue that this selective approach to history education might intensify existing socio-political tensions in the region. They advocate for a more balanced and inclusive representation of historical events in educational materials to foster a more equitable learning environment.

KEYWORDS

East Africa, History education, Islam, school textbooks, content analysis

The selection of historical narratives for primary and high school history textbooks is a contentious issue in numerous societies, as evidenced by recent scholarship.¹ Despite challenges facing the teaching of history in schools, particularly in East Africa, studies have predominantly focused on administrative and pedagogical challenges, with scant attention directed towards the content of history textbooks.² The reluctance to address textbook content can be attributed, in part, to the politicization of revising history textbook content and the ongoing debate regarding the veracity of historical narratives. Additionally, school history textbooks have been criticized for their inability to tackle highly sensitive issues or change historical narratives.³ However, a revision of school curricula in East Africa, beginning with Tanzania in 2005, Kenya in 2017, and Uganda in 2020, has prompted an expectation of a concurrent revision in the content of school history textbooks. The adoption of a Competency-Based Curriculum (CBC) in East African countries represents a significant shift in the focus on nurturing learners' critical thinking skills.⁴ This is consistent with the view that history education promotes truth, remembrance, and critical thinking as crucial tools in facilitating transitional justice in divided societies.⁵ Consequently, school history textbooks are expected to begin exploring sensitive issues and offering diverse perspectives. To this end, research on textbook narratives, with an emphasis on identifying and incorporating marginalized histories, is urgently required.

The teaching of history in primary and secondary schools is intended to convey national narratives about the past, promote active citizenship, and imbue students with positive values, among other goals.⁶ However, the education system has both overt and covert agendas, which may lead to the omission of certain historical events for the sake of convenience. As such, there is a need to conduct research on the narratives in history textbooks. By analyzing the texts in school history books, patterns can be identified that could suggest the existence of omitted or incomplete historical narratives. This study assumes that there are omitted or incomplete narratives in school history textbooks, particularly in countries that have a history of colonial occupation or minority and majority groups.⁷ The analysis of narratives in history textbooks contributes to the discussion on multiperspectivity in history, the decolonization of history, and raising awareness of the need to consider ignored historical events. It is necessary to broaden the content of history books and be cognizant of minority cultures / communities despite the political challenge of achieving consensus on what constitutes true history.

Research Method and Data

The present study adopts a mixed-methods approach, integrating field research and content analysis to scrutinize the textual data. The field research component involved the identification of key informants in Kenya and the subsequent procurement

1 Li et al. 2020.

2 See, e.g., Ruto, Ndaloh 2013; Michael et al. 2022; Sebbowa et al. 2021.

3 Elizabeth A. Cole and Judy Barsalou, "Unite or Divide? the Challenges of teaching History in Societies emerging from Violent Conflict," United States institute of Peace, June 2006, accessed June 21, 2023, https://www.files.ethz.ch/isn/39202/2006_june_sr163.pdf.

4 CBC is an education system seeking to nurture a learner's potential, gifts and talents.

5 Keynes 2019.

6 Elizabeth A. Cole and Judy Barsalou, "Unite or Divide? the Challenges of teaching History in Societies emerging from Violent Conflict."

7 Robert Stradling, "Multiperspectivity in history teaching: a guide for teachers," Council of Europe, November 2003, accessed June 21, 2023, <https://rm.coe.int/0900001680493c9e>.

of relevant textbooks for textual analysis. Subsequently, natural language processing (NLP) was employed to analyze the text documents, deconstructing them into tokens. NLP is a computational method that is concerned with the processing and analysis of language and semantics, which provides easily interpretable meanings.¹ The study also considered word counts and frequencies as a means of identifying general narratives in the text.² This approach provides an indication of the text's importance and enables the researcher to make qualitative statements about the data and visualize the textual information. However, it is noteworthy that word importance can be misleading, as some words³ may appear less frequently but may have significant implications, while others may appear more frequently but may be of less significance.

To address this issue, unnecessary words such as pronouns, "in," and "the" were filtered out from the text data. The data pertaining to different countries was subsequently loaded into an R-program for analysis and later merged to form the East Africa dataset, which was analyzed once again. In the R-program, the text was read and converted into a corpus, representing the text to be processed, and tokenized. A term document matrix was created to illustrate the frequency of terms within the document. This term document matrix was then transformed into a data frame, and word clouds and bar charts were generated to visualize the trends in the text data. These visualizations were subsequently interpreted by referring back to the raw text data in order to establish the context in which each word was used. The attached codes provide further details on the methods employed.

We draw on primary and secondary school history textbooks from Kenya, Uganda, and Tanzania. The Kenyan data selected has been approved by the Kenyan Institute of Curriculum Development for grades 6 to 12⁴ and has been sourced from the content pages of the textbooks. In Tanzania, the data selected is from the Tanzanian Institute of Education⁵ but is only taken from the content pages of secondary school textbooks. In Uganda, the data used is from the National Curriculum Development Center⁶ and spans the P4 to senior 6 levels of schooling. The textbooks selected are approved by various primary and secondary education governing bodies in each respective country, and the three institutions are considered credible sources, thus providing trustworthy data. We seek to identify history topics in primary school textbooks, as they are often intermingled with other subjects, such as geography. In contrast, secondary school history textbooks are exclusive and do not contain other subjects. The study used both primary and secondary books in Kenya and Uganda, while only secondary school textbooks were used in Tanzania. A total of 2066 words were analyzed, excluding stop words,⁷ commas, and full stops.

1 Hall et al. 2022.

2 Stemler 2000; Neuendorf 2017.

3 Pronouns may appear frequently, but they may be of no use when it comes to understanding the text.

4 See, e.g., "Grade 5 Curriculum Designs," Kenya Institute of Curriculum Development, 2021, accessed May 10, 2023, <https://kicd.ac.ke/cbc-materials/grade-5-curriculum-designs/>; "Grade 6 Curriculum Designs," Kenya Institute of Curriculum Development, 2021, accessed May 10, 2023, <https://kicd.ac.ke/cbc-materials/grade-6-curriculum-designs/>.

5 See, e.g., "History for Secondary Schools Student's Book Form 1," TIE, 2019, accessed May 15, 2023, <https://elitestore.co.tz/history-for-secondary-schools-students-book-form-1/>; "History for Secondary Schools Student's Book Form 2," TIE, 2019, accessed May 15, 2023, <https://elitestore.co.tz/history-for-secondary-schools-students-book-form-2-tie>.

6 See, e.g., "Home Schooling Materials," National Curriculum Development Centre, 2020, accessed May 13, 2023, <https://www.ncdc.go.ug/content/home-schooling-materials>

7 Stop words are frequent words but provide little information. They include pronouns and conjunctions.

Historical Background of Education in East Africa

This section provides an overview of the historical background of education in East Africa with the aim of elucidating plausible reasons for the presence of certain narratives in historical textbooks, as well as explaining why certain narratives are often overlooked. Education in East Africa has undergone a transformation from pre-colonial indigenous African education¹ to secular education, which was introduced by missionaries in the mid-1800s, with Qur'anic education preceding it. The primary objectives of secular education were to propagate Christianity, impart general knowledge, and train responsible citizens and a select few Africans to execute administrative orders.² Conversely, Islamic education sought to balance noble character, prepare for life in this world and the hereafter, promote scientific inquiry, and provide professional training.³ Both Christianity and Islam played a role in education in East Africa; however, Islamic education predated secular education and was linked to the trade activities between Arabs and Bantu communities on the East coast of Africa⁴ from the 9th to the 14th centuries.⁵ Although Islam was introduced before Christianity, it has not had as much influence in shaping the discourse in school history textbooks as secular education.

During the colonial period, the introduction of secular education was impeded by the ideological differences between Christianity and Islam. The resistance of Muslims to secular education, until independence, led to rapid expansion of schools in Christian-dominated regions, as compared to the Muslim-dominated areas.⁶ The differences in cultural approaches to education and suspicions of the intentions of missionaries were among the reasons that prevented Muslims from attending secular schools. However, over time, Muslims established integrated schools that required Muslim students to attend both secular and Islamic schools. These integrated schools are privately owned by individuals and organizations.

During the early 1970s, attempts were made to introduce Islamic Religious Education (IRE) into the Kenyan educational curriculum with the aim of encouraging Muslim enrollment in secular schools.⁷ This move was earlier made in Uganda in the 1940s, resulting in a successful outcome.⁸ Despite having the highest percentage of Islamic faithful, Tanzania opted to abolish religious education in schools in favor of the *ujamaa* policy of national unity, which was later deemed to have failed.⁹ Consequently, the number of Muslim faithful has increased in East African secular schools, while history textbooks have mostly concentrated on the history of colonialism and mainstream groups. According to the 2019 Kenya population and housing

1 Indigenous African education involved knowledge, skills, cultural traditions, norms and values passed among tribal members from one generation to another; Mushi 2009.

2 See, e.g., Abdi 2017; Inyega et al. 2021; Isaack 2018.

3 Isaack 2018.

4 The countries include Somalia, Kenya, Tanzania, Mozambique and parts of central Africa.

5 See, e.g., Abdi 2017; Isaack 2018; Mombo, Mwaluda 2000; Oded 2000; Svensson 2018.

6 Bakari 2012.

7 Abdi 2017.

8 Nimulola 2018.

9 Inyega et al. 2021.

census,¹ the majority of Kenya's Muslim population (73%) identifies as Sunni, while 8% identify as Shia Muslims.² In Tanzania, 34% of the population identifies as Muslims, while in Uganda, they form 14% of the population.³ Therefore, there is a need to revise the school history textbooks to reflect on Islamic history in East Africa, particularly given the current socio-political destabilization caused by the terrorist group Al Shabaab.

Literature Review

The narratives found in school history textbooks play an integral role in the cultural development of students. Such textbooks serve the purpose of disseminating information that is crucial for nation-building.⁴ This has, in turn, given rise to discussions regarding the scope of content in school history textbooks⁵ and their potential contribution to socio-political instability. Given that textbooks convey social and cultural values to students, they have the power to shape students' perceptions of those who are culturally different from them, especially when such individuals are not covered in the narratives. Discussions surrounding these narratives vary depending on the historical background of the country. In post-colonial countries, debates have centered around the nature of colonialism⁶ and the limited information on the pre-colonial period in history curriculum textbooks.⁷ Scholars such as B. Dube and N. Moyo⁸ as well as P. Chimbunde and M. Kgari-Masondo⁹ argue for the need to decolonize curricula in history and social studies. They suggest revisiting historical narratives to extract values omitted in the textbooks while focusing on indigenous history to instill cultural values in students. M. Martínez-Rodríguez¹⁰ further suggests examining the contexts that shape the coverage of the ancient period in education textbooks used in compulsory secondary education. This is necessary to revise the textbooks due to the existence of controversial narratives.

While B. Dube and N. Moyo as well as P. Chimbunde and M. Kgari-Masondo focused on decolonization, S. An's study examined historical narratives through the lens of majority-minority dichotomy.¹¹ The study highlighted that K-12 history curriculum textbooks minimize the impact of minority groups on society, indicating the presence of biases. L. Li's subsequent investigation reinforces an assumption that textbooks are not impartial, and that the resulting asymmetry of power from this bias fosters disputed content that tacitly accepts other cultures, thereby creating an environment rife with socio-political conflicts.¹² L. Li discovered that Latinos, considered a minority group in the United States, are virtually absent from social studies and history textbooks

1 In 2019, the Kenyan population was at 47,213,282 and the Muslim population was 5,152,194. See: "2019 Kenya Population and Housing Census Reports," Kenya National Bureau of Statistics, 2019, <https://www.knbs.or.ke/2019-kenya-population-and-housing-census-reports/>.

2 "Religious and Ethnic Affiliation," 2019 Kenya population and housing census. Kenya National Bureau of Statistics, 2019.

3 "Tanzania 2020 International religious freedom report," U.S. Department of State, 2020, accessed May 5, 2023, <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/tanzania/#:~:text=A%202020%20Pew%20Forum%20survey,5%20percent%20practice%20other%20religions.>

4 Martínez-Rodríguez 2023.

5 Emerson, Levi 2020; An 2022.

6 Enslin 2017; Brett, Guyver 2021.

7 Khalifa et al. 2019; Mullen 2020.

8 Dube, Moyo 2022.

9 Chimbunde, Kgari-Masondo 2021.

10 Martínez-Rodríguez 2023.

11 An 2022.

12 Li et al. 2020.

in K-12. Women are mentioned only in the context of marriage, home, and work, while black people are involved in actions with low agency and power. These conclusions could serve as a basis for advocating changes in the curriculum, potentially igniting socio-political tensions in regions experiencing deprivation.

To tackle the colonial and minority-majority dichotomy prevalent in school history textbook narratives, some scholars have adopted the concept of multiperspectivity, which originated from the “new history” approach.¹ This approach seeks to challenge the conventional emphasis placed on political and constitutional history, events, and personalities, while also questioning the assumption that the national historical narrative primarily aligns with the history of the largest national grouping and dominant linguistic and cultural community. The present study builds upon an ongoing analysis of history textbook narratives, with the aim of providing a multiperspective analysis that can mitigate socio-political instabilities.

Results and Discussion

Narratives in Kenyan History Textbooks

The word cloud and graph depicted in *Figure 1* encapsulate a wide range of narratives that are found in history textbooks. The initial two narratives, “African” and “Kenya,” serve to introduce the primary content of the book and the geographical area it covers respectively. These introductory narratives suggest that the textbooks expound upon the narratives of Africa and Kenya. The narratives “e-arly” and “migration” are concerned with events that predate the colonial period. “Early” pertains to the period before the advent of modern man and before modern Europe. “Migration,” on the other hand, refers to the movement of Africans within the continent before settling in their current countries. The narratives that are contextualized within the colonial period include “agriculture,” “east,” “political,” “trade,” and “colonial.” The narrative on “agriculture” is discussed in the context of the availability of white highlands² and the cash crop farming of tea, coffee, and flowers that was established during colonial times. This remains one of the economic activities that supports the Kenyan economy. The narrative of “east” is anchored on the East African region, considering that Kenya is part of the East African countries that form the East African Community economic block. “Politics” is discussed with regards to colonial administration politics, which led to the formation of the current Kenyan political system.

This aligns with the work of R. Stradling on the dissatisfaction with the previous approach to learning history, where the weighting of course content heavily favors political and constitutional history introduced by colonial administration.³ The narrative on “trade” is discussed in the context of early visitors to the East coast of Africa in the 16th century, which involved Arabs, the Portuguese, and other explorers. “Trade” is also discussed in the context of trans-Saharan trade, trans-Atlantic trade, and regional trade. Finally, the narrative of “colonial” focuses on colonial administration and the political system.

1 Robert Stradling, “Multiperspectivity in history teaching: a guide for teachers.”

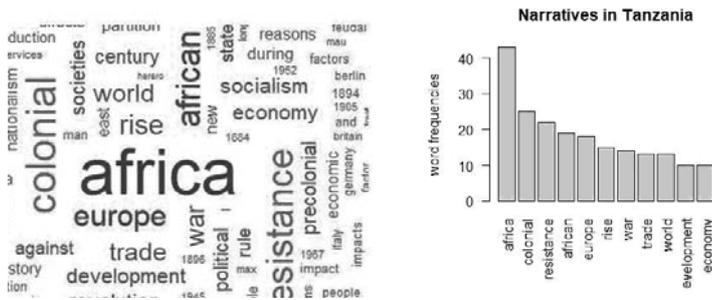
2 White highlands are the high-altitude areas around Mt. Kenya that was occupied by colonial settlers due to its favorable climate.

3 Robert Stradling, “Multiperspectivity in history teaching: a guide for teachers.”

narratives involve trans-Atlantic and trans-Saharan trade, while the “world” narrative discusses a broad range of subjects from the First World War to the new world. Finally, “development” and “economy” narratives are discussed in the context of political and economic development in Tanzania, including the contribution of mercantilism in the 15th century and the monarchy’s development between 1500 and 1700. The narratives in Tanzanian history textbooks vary from before and after the colonial period.

Figure 3.

WORD CLOUD AND GRAPH OF NARRATIVES IN TANZANIA ОБЛАКО СЛОВ И ГРАФИК НАРРАТИВОВ В ТАНЗАНИИ

Source: Tanzania Institute of Education.¹

The analysis of Tanzanian school textbooks reveals that historical narratives tend to be globally oriented rather than locally focused. Despite covering the African diaspora and history of other African countries, the textbooks provide scarce information about Tanzania itself. This suggests a prioritization of teaching global history over local history. This trend may be attributed to Tanzania’s complex history of shifting colonial powers from German to British control, as well as its adherence to socialist ideology, which led to the country’s involvement in the political struggles of other nations. These factors presumably have a profound impact on the way in which history is taught in Tanzania².

Narratives in East Africa History Textbooks

Upon combining all the textbooks from the three countries in question, it becomes evident that the most recurrent narratives are “Africa,” “colonial,” “east,” and “trade.” These particular narratives have been previously identified in the individual countries’ respective historical accounts. Notably, the three East African nations share substantial commonalities in their historical topics, especially those pertaining to colonialism, trade, and revolution or resistance. Colonialism is expounded upon from both political, economic, and social perspectives, and it is significant to note that these three countries were placed under British rule; hence, the similarities in their historical approaches. Furthermore, the narratives are from the colonial and post-colonial periods, rendering the investigation central to the discourse on multiperspectivity, thereby highlighting the need to scrutinize the sufficiency of the taught history.

1 “History for Secondary Schools Student’s Book Form 1”; “History for Secondary Schools Student’s Book Form 2.”

2 Machuko Tsubura, “Ideological Orientation of the Educated Youth in Tanzania: A Literature Review,” Institute of Developing Economies, March 2019, accessed 21 June, 2023, <https://core.ac.uk/download/pdf/288469605.pdf>.

The marginalization of Muslims has also been attributed to the failure of ruling elites, who were predominantly non-Muslim post-colonial, to regulate the Islamic sphere.¹ Despite adopting integrated education, there has been little effort to ensure the integration of East African Muslim history into school history textbooks.

Incorporating the histories of marginalized groups in school textbooks reduces the likelihood of repeating historical injustices. According to J. Espindola, it also provides younger generations with fundamental information for evaluating their values and commitments.² This is particularly significant in the East African context, given that the disintegration of Muslim movements in the 1980s and 1990s is attributed to the emergence of religious extremist groups, creating an environment conducive to radicalization. The subsequent generation of Muslim youth has had few opportunities to learn and understand the genesis of the current socio-political destabilization, only encountering this information at the tertiary level of education, if at all. The lack of knowledge of the past has eroded the value system of the youth in East Africa, leaving them predisposed to joining violent groups to seek recognition or self-worth. Therefore, educating the current generation about the events that led to this disintegration is essential, and school history textbooks can play a pivotal role in this regard.

The socio-political issues experienced in the present day arose from the pre-colonial period. For instance, religious misunderstandings and clan conflicts, coupled with the lack of support for the Muslim community in education, are historical occurrences. The clan and religious cleavages have been exploited by extremist groups, leading to the emergence of violent groups like Al-Shabaab, which is based in Somalia but active in East Africa.

Since the bombings in Kampala, Uganda, in 2010, and Westgate, Kenya, in 2013, there has been an increase in the study of the Al-Shabaab terror group and its activities in East Africa. However, little is known about the lack of a multi-perspective approach to history education in schools that may inform the relationship between the government and the Somali community, which initially formed the largest percentage of Al-Shabaab followers, though this has steadily changed to include several other communities in East Africa.³ This has resulted in the same oversight of the history of Muslim communities in East Africa, thereby contributing to the continual existence of socio-political destabilization in that region.

Conclusion

This study provides empirical evidence on the narratives of school history textbooks in three East African countries, namely Tanzania, Uganda, and Kenya. The research employs content analysis that enables the visual representation of historical narratives in the aforementioned school textbooks. The study contributes to the existing literature on the multiperspectivity approach to historical narratives in school textbooks and identifies Muslims as minorities in all three countries who are predisposed to omitted

1 Jannis Saalfeld, "Before and beyond Al-Shabaab," Institute for Development and Peace, 2019, accessed June 21, 2023, https://www.uni-due.de/imperia/md/content/inef/ir113_saalfeld_web_neu.pdf.

2 Espindola 2017.

3 Community here means tribe.

or distorted historical narratives. Furthermore, the secular approach to teaching history in East African schools, despite Islam having preceded Christianity in East Africa, omits narratives on Islamic contributions to the history of East Africa.

The study finds that the narratives primarily focus on Africa and East Africa, trade, resistance, revolution, development, and colonization. The scope of school history textbooks in East Africa covers the colonial period, post-colonization, and world history, especially European history. However, focusing solely on the colonial period may result in incomplete or biased historical narratives due to colonial administration's suppression. While there has been a revision in the school curriculum to Competency-Based Curriculum (CBC) in all three countries, there is an expectation that critical thinking of history will be considered in the school history syllabus, thereby analyzing history from a multiperspectivity approach. Moreover, the Islamic approach to East African history is not present in secular education, thereby necessitating the incorporation of East African history through an Islamic prism. This is crucial given the multicultural nature of the three countries and the socio-political destabilization in East Africa, partly caused by ethnic marginalization preceded by colonial prejudice.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Abdi, Aden A. "Integration of Islamic and Secular Education in Kenya: A Synthesis of the Literature." *International Journal of Social Science and Humanities Research* 5, no. 3 (2017): 67–75.
- An, Sohyun. "Re/Presentation of Asian Americans in 50 States' K–12 U.S. History Standards." *The Social Studies* 113, no. 4 (July 4, 2022): 171–184. <https://doi.org/10.1080/00377996.2021.2023083>.
- Bakari, Mohammed A. "Religion, Secularism, and Political Discourse in Tanzania: Competing Perspectives by Religious Organizations." *Interdisciplinary Journal of Research on Religion* 8, no. 35 (2012): 1–34.
- Brett, Peter, and Robert Guyver. "Postcolonial history education: Issues, tensions and opportunities." *Historical Encounters* 8, no. 2 (2021): 1–17. <https://doi.org/10.52289/hej8.210>.
- Chimbunde, Pfuurai, and Maserole C. Kgari-Masondo. "Decolonising curriculum change and implementation: Voices from Social Studies Zimbabwean Teachers." *Yesterday and today* no. 25 (2021): 1–22. <https://doi.org/10.17159/2223-0386/2021/n25a1>.
- Dube, Bekithemba, and Nathan Moyo. "A Decolonial Reading of the History Curriculum: Towards Undoing *Historicide* for Curricular Justice for the Zimbabwean Learner." *Research Papers in Education*, April 18, 2022, 1–21. <https://doi.org/10.1080/02671522.2022.2065521>.
- Emerson, Ann, and Thursica Kovinthan Levi. "Textbooks, Gender, and Conflict in South Asia: Building the Nation: Bulding the Nation." In *Handbook of Education Systems in South Asia*, edited by Padma M. Sarangapani and Rekha Pappu, 1–28. Singapore: Springer Singapore, 2020. https://doi.org/10.1007/978-981-13-3309-5_46-1.
- Enslin, Penny. "Postcolonialism and Education." In *Oxford Research Encyclopedia of Education*. Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264093.013.4>.
- Espindola, Juan. "Why Historical Injustice Must be Taught in Schools." *Studies in Philosophy and Education* 36, no. 1 (2017): 95–106. <https://doi.org/10.1007/s11217-016-9536-1>.
- Hall, Karl, Victor Chang, and Chrisina Jayne. "A Review on Natural Language Processing Models for COVID-19 Research." *Healthcare Analytics* 2 (2022): 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.health.2022.100078>.
- Inyega, Justus O., Adeela Arshad-Ayaz, M. Ayaz Naseem, Evans W. Mahaya, and Dalia Elsayed. "Post-Independence Basic Education in Kenya: An Historical Analysis of Curriculum Reforms." *FIRE: Forum for International Research in Education* 7, no. 1 (2021): 1–23.
- Isaack, Mohamed A. "Islamic Education in Kenya from Colonial Period to Date." *International Academic Journal of Social Sciences and Education* 2, no. 1 (2018): 1–11.
- Khalifa, Muhammad A., Deena Khalil, Tyson E. J. Marsh, and Clare Halloran. "Toward an Indigenous, Decolonizing School Leadership: A Literature Review." *Educational Administration Quarterly* 55, no. 4 (2019): 571–614. <https://doi.org/10.1177/0013161X18809348>.
- Keynes, Matilda. "History Education for Transitional Justice? Challenges, Limitations and Possibilities for Settler Colonial Australia." *International Journal of Transitional Justice* 13, no. 1 (March 1, 2019): 113–133. <https://doi.org/10.1093/ijtj/ijy026>.
- Li, Lucy Dorottya Demszky, Patricia Bromley, and Dan Jurafsky. "Content Analysis of Textbooks via Natural Language Processing: Findings on Gender, Race, and Ethnicity in Texas U.S. History Textbooks." *AERA Open* 6, no. 3 (2020): 1–27. <https://doi.org/10.1177/2332858420940312>.
- Martínez-Rodríguez, Marta. "Antiquity in the History of Music: A Critical Review of the Music Textbooks for Secondary Education in Spain." *International Journal of Music Education* 41, no. 2 (May 2023): 288–302. <https://doi.org/10.1177/02557614221099592>.
- Michael, Tulia, Laurent G. Ndiujye, and Abdon Ephraim. "Challenges Facing Teachers During Pedagogical Practices

in History Subject in Non-Formal Secondary Education in Tanzania." *Revista Panamericana de Pedagogia*, no. 34 (2022): 36–51. <https://doi.org/10.21555/rpp.vi34.2580>.

Cherorot, Winnie C, and John M. Momanyi. "The Role of Teaching History and Government in Fostering National Cohesion and Integration in Kenya: Opportunities and Challenges." *International Journal of Research and Innovation in Social Science* 4, no. 10 (October 2020): 500–505.

Mombo, Esther, and Samson M. Mwaluda. "Relationship and Challenge in Kenya and East Africa." *Transformation: An International Journal of Holistic Mission Studies* 17, no. 1 (January 2000): 36–41. <https://doi.org/10.1177/026537880001700114>.

Mullen, Carol A. "De/Colonization: Perspectives on/ by Indigenous Populations in Global Canadian Contexts." *International Journal of Leadership in Education* 23, no. 6 (November 1, 2020): 671–690. <https://doi.org/10.1080/13603124.2019.1631986>.

Mushi, Philemon Andrew K. *History and Development of Education in Tanzania*. Dar es Salaam: Dar es Salaam University Press, 2009.

Nimulola, Maimuna A. "Teachers' Perceptions of the Ugandan Secondary School Islamic Religious Education Syllabi." *Interdisciplinary Journal of Education* 1, no. 1 (May 2018): 9–25. <https://doi.org/10.53449/ije.v1i1.44>.

Neuendorf, Kimberly A. *The Content Analysis Guidebook*. Second edition. Los Angeles: SAGE, 2017.

Oded, Arye. *Islam and Politics in Kenya*. Lynne Rienner Publishers, 2000. <https://doi.org/10.1515/9781626371088>.

Ruto, Zipporah J., and Agumba M. Ndaloh. "The impact of secondary school teachers' attitudes and challenges on the teaching and learning of history and government in Wareng district, Kenya." *Journal of Emerging Trends in Educational Research and Policy Studies* 4, no. 2 (2013). <https://journals.co.za/doi/10.10520/EJC137544>.

Sebbowa, Dorothy K., and William P. Majani. "Dialogues over decolonization in East Africa: A case study of History education in Uganda." *Historical Encounters* 8, no. 2 (2021): 34–53. <https://doi.org/10.52289/hej8.202>.

Stemler, Steve. "An overview of content analysis." *Practical Assessment, Research, and Evaluation* 7 (2000). <https://doi.org/10.7275/z6fm-2e34>.

Svensson, Jonas. "Islamic Education in East Africa." In *Handbook of Islamic Education*, edited by Holger Daun and Reza Arjmand, 651–671. Cham: Springer International Publishing, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64683-1_39.

Authors

Alisa R. Shishkina,

PhD (Polit. Sci.), Leading Research Fellow, Center for Risks and Stability Analysis, HSE University;
Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
20, Myasnitckaya street, Moscow, Russia, 101000
e-mail: ashishkina@hse.ru

Teddy O. Dunde,

Adjunct Lecturer, Catholic University of Eastern Africa
20 Bogani East Road, Nairobi, Kenya, P O Box 62157 – 00200

Leonid M. Issaev,

PhD (Polit. Sci.), Vice Director, Center for Risks and Stability Analysis, HSE University;
Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
20, Myasnitckaya street, Moscow, Russia, 101000

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Acknowledgment

This study was conducted within the framework of the HSE University Program of Fundamental Research in 2023 with the support of the Russian Science Foundation [grant number 21-18-00123].

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Shishkina, Alisa R, Teddy O. Dunde, Leonid M. Issaev. "Narratives in School History Textbooks: An East African Perspective." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 133–17. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-133-147>

Анализ нарративов в школьных учебниках истории: взгляд из Восточной Африки

АННОТАЦИЯ

В данной статье проанализированы нарративы в школьных учебниках истории в странах Восточной Африки и их роль в процессах социально-политической дестабилизации.

Исследование, таким образом, построено на анализе мультиперспективности, представляющей собой понимание истории с разных точек зрения, а также на обращении к нарративам школьных учебников истории. Авторы исходят из предпосылки о том, что колониальные системы сыграли важную роль в увековечивании конкретных исторических нарративов, и исторические нарративы в школьных учебниках истории в Восточной Африке сосредоточены на колониальных нарративах и нарративах групп большинства. Сначала мы исследуем историческую составляющую системы образования в трех восточноафриканских странах: Кении, Уганде и Танзании. В процессе мы идентифицируем мусульман как группу меньшинств в Восточной Африке, которая представлена в невыгодном свете в контексте школьной программы по истории. Они посещают государственные школы, находящиеся в ведении христианских организаций или правительств, а используемые учебники по истории ориентированы на светский подход к истории, несмотря на то, что ислам предшествовал христианству в Восточной Африке. Нами был проведен контент-анализ школьных учебников по светской истории и приведена качественная интерпретация полученных результатов. Анализ показал, что нарративы в школьных учебниках истории охватывают колониальный и постколониальный периоды без упоминания наследия ислама в Восточной Африке. Это говорит о предвзятом подходе к историческим нарративам, способным повлиять на социально-политическую стабильность в Восточной Африке. Но ожидается, что с пересмотром школьной программы по истории появится возможность использовать мультиперспективный подход к историческим нарративам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Восточная Африка, историческое образование, ислам, школьные учебники, контент-анализ

Сведения об авторах

Шишкина Алиса Романовна,

к.полит.н., ведущий научный сотрудник центра изучения стабильности и рисков

НИУ ВШЭ и старший научный сотрудник Института Африки РАН

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: ashishkina@hse.ru

Данди Тедди,

Ассистент преподавателя в Католическом университете Восточной Африки

А/я 62157-00200, Кения, Найроби, Богани Ист Роуд, 20

Исаев Леонид Маркович,

к.полит.н., заместитель директора центра изучения стабильности и рисков

НИУ ВШЭ и старший научный сотрудник Института Африки РАН

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ при поддержке гранта РФФ № 21-18-00123.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Шишкина, А.Н., Данди, Т., Исаев, Л.М. Анализ нарративов в школьных учебниках истории: взгляд из Восточной Африки // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 133–147.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-133-147>

Malaysia's Neocolonial Struggle: Unraveling the Complexities of Postcolonial Dynamics

Julia Roknifard, University of Nottingham Malaysia, Semenyih, Selangor, Malaysia

Correspondence: julia.roknifard@nottingham.edu.my

ABSTRACT

The article dissects the case of Malaysia in the context of postcolonial studies. After an introduction to the aspects of postcolonial studies that are instrumental in analyzing the case, the article begins by exploring the postcolonial landscape of Malaysia, including the existing discourses, values, and the public sentiments they embody. It then highlights significant milestones in the country's foreign policy and provides a comparative perspective on different periods. Finally, it assesses the most recent developments related to the geopolitical power struggle between China and the US in Southeast Asia. The article's main thesis argues that Malaysia has not fully undergone the process of decolonization. Initially, the ruling political elite preserved some colonial instruments to maintain their own dominance, and later, Malaysia became entangled in the rivalry between the US and China, with both establishing neocolonial dominance over the country in different ways. Malaysia's history since independence has not led to the formation of a cohesive nation, which has exposed it to foreign influence that exploits gaps in national consciousness and modes of governance.

KEYWORDS

Islamisation, Malaysia, neocolonialism, New Economic Policy, postcolonialism

Introduction

The postcolonial realities of Malaysia present challenges that are no less complex than the very definition of postcolonial studies. At first glance, the term “postcolonial studies” seems to refer to a chronological framework, indicating a period following colonialism. However, being situated after colonialism does not necessarily imply freedom from colonial control or influence, whether partially or fully. In some cases, domination and control persist in new forms,¹ which can be understood as different manifestations of neocolonialism. Therefore, it is important to consider postcolonialism as a process of liberating oneself from colonial dependency and to analyze where, through what means, and by which actors dominance continues to exist in neocolonial forms.

It is crucial to note that relying solely on a postcolonial lens when examining discourse and culture in postcolonial societies may lead to a distorted perception of postcolonial realities. This distortion occurs when we disregard the fact that a significant portion of postcolonial nations’ history encompasses a period without dependency, and postcolonial developments should not be viewed solely as a continuation of policies introduced by the colonial power.² Some scholars even attempt to avoid such distortions by formulating theoretical frameworks that interpret countries’ foreign policies based on their pre-colonial past.³

Traditionally, colonialism aimed to impose order on seemingly chaotic processes and cultures within dependent societies, often stripping away the original allure that captivated researchers, travelers, and artists. This loss is experienced by foreign communities initially fascinated by the cultures of the colonized Orient.⁴ However, a similar sense of loss, albeit with different nuances, permeates postcolonial societies themselves, as they reflect on the cultures that existed or could have existed without the effects of colonialism. While it is difficult to determine the baseline for the initial state of culture, in the postcolonial era, narratives about such possibilities and the pursuit of comprehensive decolonization take on lives of their own, becoming instruments of political rhetoric.

F. Fanon, prominent figure in postcolonial studies, warned about the dangers of a national consciousness where the newly established elite that emerged during the colonial period simply replaced the colonizers upon independence. In such cases, substantial change did not occur for the population at large.⁵ Russian historian A. Etkind discussed a similar concept of internal colonialism, where certain groups within the borders of a single state could be subjected to economic and cultural exploitation.⁶ Although A. Etkind is well-known for applying postcolonial theory to the subject of internal colonialism in Russia, it should be noted that Russia’s historical background differs significantly from countries that experienced prolonged colonial dependency under major powers like the British Empire.

1 Loomba 2015, 28.

2 Ibid., 37.

3 Alatas 2021.

4 Sharp 2008, 75.

5 Fanon 1967, 176.

6 Etkind 2011.

The Malaysian approach to decolonization and the reclamation of national culture primarily relied on religion, specifically Islam, and spirituality. Christianity, on the other hand, was seen as a religion brought in by Western missionaries, while other religions were also considered non-representative of the majority. Therefore, emphasis was placed on Islam, its role in the country's historical trajectory, and its influence in shaping the moral principles upon which the nation is built.

Discourse emerges as a critical field for analysis when determining whether colonial thinking and practices were dismantled or if new forms of dependence and dominance emerged.¹ To identify postcolonial features in Malaysian domestic and foreign policy discourse, we can examine how it aligns with dichotomies used to describe the West and the rest, such as "civilized-uncivilized," "rational-irrational," and "active-passive." We should also assess whether any efforts have been made to redirect the discourse and explore possible neocolonial connections. At times, it seems that the discourse of the colonial era has not undergone radical changes regarding how relations between former colonies and their colonizers are constructed. However, it is challenging to delineate a clear distinction between remnants of colonial approaches and other modern factors that shape interstate relations, such as the political weight and material power of states within the international system, particularly when considering great powers, middle powers, and small states.

Epistemologically, there is a degree of continuity between colonial and postcolonial governance systems. Concepts of international relations applied in postcolonial states serve as notable examples, as they often rely on conclusions drawn from Western schools of thought. This knowledge is perceived as "natural," explaining relations between states based on a set of universal norms and rules. Anything that deviates from this framework is seen as requiring correction or, at the very least, an explanation of what went wrong, rather than the exploration of an alternative framework that would interpret events differently.

Cultural materialism, characterized by the pervasive expansion of ideas and cultures, particularly American culture, has become another feature of the postcolonial world. The discourse surrounding the cultural influence of the West and its acceptability is highly prevalent in Malaysia. Criticism against Western policies aimed at establishing dominance in new forms can often be heard.

The postcolonial discourse can also be contextualized using the country typology proposed by K. Pletsch. By the end of the Cold War, Malaysia was considered a Third World country. According to K. Pletsch, the Third World is associated with irrationality, traditionality, religiosity, and low economic development and political organization. From the perspective of the First World, depicted as rational, highly developed, and politically organized, the only path for the Third World is seen as modernization towards the First World. Postcolonial discourse in Malaysia criticizes such a perspective. Additionally, with the reconfiguration of power in the international system, particularly between the US and China, many countries in the Third World, especially in Southeast Asia, have been drawn into this dynamic. Malaysia continues to be an arena for the US-China rivalry while striving to maintain a facade of neutrality. Furthermore, the

1 Said 2003; Spivak 1999.

country has evolved significantly from its initial definition as a Third World nation and is navigating the turbulent waters of this rivalry in a strategic manner.

The terminology and subject matter of modern postcolonial studies find perfect application in the case of Malaysia, considering its colonial past, attempts to overcome various forms of dependency on the former colonial master, the establishment of its own internal colonialism, and ultimately becoming ensnared in neocolonialism. Therefore, objective of this article is to dissect Malaysia's attempt at decolonization, even though it has resulted in dependency on neocolonial powers. By exploring the extensive material that elucidates Malaysia's relationship with its colonial past, this article will first focus on compelling illustrations to discuss the postcolonial landscape, later shifting to its foreign policy, and finally, analysing how geopolitical power struggles have compelled the country to unwittingly embrace the neocolonial framework.

Postcolonial Landscape of Malaysia

Malaysia has retained certain aspects of the British colonial legacy to this day. One example is the multiethnic composition of its society, which still reflects the divide and rule principle applied by politicians. Additionally, a number of laws have been preserved since colonial times. Malaysia's constitution, which delineates special rights for the Malay majority, was drafted under British authority. The sodomy law, specifically Section 377A of Malaysia's Penal Code, which was previously applied to current Prime Minister Anwar Ibrahim, also originates from the British colonial rule,¹ rather than being an institution of the rapidly Islamizing state. Another example is Section 498 of Malaysia's Penal Code, which criminalizes enticing a married woman for sexual intercourse and falls under the category of archaic colonial laws.²

Neocolonialism, on the other hand, may build upon existing structures. During the Cold War era, US geopolitical thinking justified providing economic support to postcolonial countries as a means to counter communism.³ Concurrently, economic inequality inherited from the postcolonial era contributed to the persistence of colonial structures in various forms. In the case of Malaysia, economic inequality and political imbalances among ethnic groups resulted in the racial riots of 1969, the memory of which continues to serve as an effective point of contention in Malaysian public discourse, particularly when criticizing the existing system of positive discrimination. A divided society creates opportunities for external actors to exploit gaps through various forms of inducement. For the West, the justification for channeling resources is no longer the fight against communism, but rather countering China's growing influence. Similarly, for China, ASEAN's territory is of great importance for expanding its influence due to the region's consumer markets and commodity exports, among other factors.

External forces have capitalized on the ethno-religious divide in Malaysia, but internally, the cultural emphasis on a specific ethnicity (Malay) and religion (Islam)

1 Zurairi Abdul Rahman, "Anwar: Anti-sodomy laws archaic, completely unjust," *The MalayMail*, September 21, 2018, accessed June 28, 2023, <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2018/09/21/anwar-anti-sodomy-laws-archaic-completely-unjust/1675013>.

2 Ding Jo-Ann, "Defending a Victorian-era law," *Malaysian Bar*, November 17, 2009, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysianbar.org.my/article/news/legal-and-general-news/legal-news/defending-a-victorian-era-law>.

3 Sharp 2008, 80.

has also contributed to maintaining the divide and rule principle from independence until the present time. It is important to view culture, including political culture, as evolving rather than fixed.¹ In this regard, we argue that Malaysia has undergone a decades-long process of Islamizing its politics, resulting in the inseparability of ethnic and religious identity. However, this underlying cultural basis is often overlooked by analysts studying Malaysian politics. The politicization of culture, the attempt to draw lines between politically correct and incorrect utilization of national and ethnic identities, the organization of universities, and government programs aimed at assimilation and integration remain significant legacies of the postcolonial project in everyday life.² If one were to define the fundamentals of domestic politics in Malaysia, it would likely revolve around divisive ethno-racial politics. This politicized culture permeates all aspects of life and shapes the discourse in its own direction.

Within the structure of this politicized culture, several fundamental terms emerge. These include the need to provide legitimacy to decisions made by authorities (*daulat*), loyalty and respect towards elders, whether within the family or social structure (*kehalusan*), and condemnation of betrayal (*derhaka*), which may involve criticism of the incumbent power.³ This approach based on these fundamentals likely took shape in the precolonial period and became entrenched during the colonial era, carrying over into the postcolonial times. Therefore, when these features are exhibited in Malaysian political behavior, they are more of an extension of existing traditions rather than a direct effect of colonialism or a reflection of resistance against it.

Research has shown that the New Economic Policy (NEP), introduced in 1971 as a response to the racial riots of 1969 and aimed at addressing economic inequality between the Malay majority and the predominantly Chinese minority, has proven largely unsuccessful in terms of reducing income and wealth disparity. Instead, decades of the NEP have led to the formation of a particular mindset that is unfavorable to economic, technological, and personal development, as well as the deepening of racial and religious divisions.⁴

Public discourse and the existing legal framework are utilized to suppress criticism of the policy of positive discrimination favoring the *Bumiputera*, which includes Malays and other indigenous groups. The limited criticism is also reflected in Malaysia's refusal to ratify international legal instruments, such as the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (ICERD) of 1965 or the Rome Statute of the International Criminal Court of 1998. Attempts to initiate discussions on ratifying these international documents, face resistance by those who perceive them as undermining the special rights of ethnic Malays stipulated in Article 153 of the federal constitution. Political forces are hesitant to raise the issue of ending the New Economic Policy (NEP) or reinterpreting Article 153 of the Constitution,

1 Chio 2004, 112.

2 Прус, И. Краткая история постколониализма: что это и почему все о нем говорят? // Perito. 16 сентября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://perito.media/posts/kratkaya-istoriya-postkolonializma-chto-eto-i-pochemu-vse-o-nem-govoryat> (дата обращения: 28.06.2023).

3 Vaseehar 2013, 40.

4 Yusuf Hashim, "You will know that your society is doomed," MalaysiaKini, October 1, 2020, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysiakini.com/letters/544754>.

Malaysia has traversed a path of intensifying racial divisions by merging the nationalist discourse with the Islamic one. According to the Constitution, the ethnicity of the majority is already defined based on religious affiliation, with only Muslims considered Malays. Religious affiliation takes precedence, as conversion to Islam results in a legal change of ethnicity to Malay. Meanwhile, the minorities, consisting mostly of non-Muslims, tend to be more secular due to the absence of religious institutionalization.

The model practiced in Malaysia has faced repeated criticism for its feudal inclination, with the rhetoric of political patrons being the sole protectors of the Malay-Muslim majority being reiterated. This position justifies control over national resources, facilitates corrupt and non-transparent practices, and discourages public criticism by easily suppressing it when necessary.¹ Such practices, coupled with the restriction of space for discussion and political freedoms, have affected the overall assessment of the political regime in Malaysia, resulting in its downgrade from an emerging democracy to an authoritarian one.²

Despite a generally anti-Western stance, the elites, particularly notable among the Islamists from the Pan-Malaysian Islamic Party (PAS), still prefer imported Western products. For instance, the Kelantan state government, traditionally under PAS rule, allocated funds from the federal government for state needs but used them to purchase a batch of Mercedes Benz cars for state government officials.³ It is important to note that some of the brands widely used by the government, including Islamists, have been implicated in employing forced labor of ethnic Uighurs in China.⁴ The issue of oppressed Muslim minorities in their home countries is often exploited for both domestic and foreign policy purposes, presenting Malaysia as a responsible member of the Muslim *ummah* (community), with China's Uighurs being no exception. Furthermore, there is a lack of consistency in the lifestyle of the neo-feudal elites, as they prefer to invest, travel, and even educate their children abroad, with the United Kingdom remaining a preferred destination.

Discussions on education often reflect a postcolonial flavor influenced by globalization. In these discussions, the emphasis on university rankings and prestige implies that the culture underlying education in Malaysia is considered inferior compared to Western standards.⁵

While the public at large is not deeply concerned about global geopolitical developments, there are a few foreign policy themes that target the domestic audience and serve the objectives of political rivalries among different factions. For instance, topics such as the Palestinian cause, aimed at regaining territories and statehood, correspond with the non-aligned component of Malaysia's foreign policy. These topics are pursued by political elites to enhance their credentials within the global Muslim *ummah*, as well as to demonstrate resilience against pressures from

1 "Political Polarisation in South and Southeast Asia: Old Divisions, New Dangers," Carnegie Endowment for International Peace, August 18, 2020, accessed June 28, 2023, https://carnegieendowment.org/files/Political_Polarization_RPT_FINAL1.pdf.

2 Ibid.

3 "Kelantan Gov't Bought Mercs for Security Purposes, Says Deputy MB," MalaysiaKini, January 24, 2020, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysiakini.com/news/508330>.

4 Xu et al. 2020.

5 Campbell 2009.

Israel and its supporters—a portrayal that appeals to the Muslim electorate at home. It was within this discourse that Malaysia approached the conflict in Ukraine that unfolded on February 24, 2022. Public opinion sympathized with the position of the Russian government, seen as standing against the West and its perceived neocolonial appetites,¹ even though the Malaysian government officially refused to take sides.

Foreign Policy of Postcolonial Malaysia

When analyzing Malaysia's foreign policy from a postcolonial perspective, it is logical to examine the discourse arising from the statements of political leaders, foreign visits of heads of state and delegations, program documents of the Ministry of Foreign Affairs, and other relevant ministries. It is also beneficial to consider shifts in foreign policy and domestic politics from one government to another by employing a comparative perspective on both the policy itself and the factors influencing it.

For smaller countries like Malaysia, foreign policy serves not only as a means to project a certain image abroad but also to cater to domestic politics². Consequently, as foreign policy becomes an extension of domestic politics and the internal power struggles within the political elite, it reflects their aspirations to garner support from foreign political forces and fulfill their personal political ambitions and financial interests.

Malaysian political scientist S.M. Alatas suggests relying on historical and cultural traditions when analyzing the foreign policies of non-Western states. She argues that the Westphalian system framework is not suitable for states that did not participate in its formation. In particular, she deems this framework inadequate for analyzing threat perception by non-Western states and the decision-making process based on such perceptions.³ S.M. Alatas highlights the significant impact of regional geopolitical dynamics⁴ on Malaysian politics, which explains why the Association of Southeast Asian States (ASEAN) is a key priority for Malaysia. Interestingly, authors like S.M. Alatas point out the irony of Southeast Asia having made a tremendous contribution to the evolution of European capitalism, while the region itself developed according to different rules, which are rarely studied within the context of postcolonial studies.

S.M. Alatas identifies *kerajaan* and *nama*⁵ as two culturally derived principles that define Malaysia's foreign policy. According to her, these principles elucidate how identity is shaped in Malaysian political life, emphasizing the significance of monarchic rulers (*raja*), loyalty to their rule (*kerajaan*), and the sense of prestige (*nama*) associated with reputation and respect for various forms of hierarchy in social and political life.

If we view Malaysia within the framework of the Westphalian system, we might fall into the neorealist current, which suggests that a state must ensure its security by accumulating material power or aligning with more powerful allies. From this perspective, Malaysia's foreign policy might appear indecisive, as if it is overdue in

1 Alena Nadia, "Racial Identity, Anti-West Sentiments Reasons for M'sian Pro-Russia Stance," *MalaysiaKini*, July 1, 2022, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysiakini.com/news/626727>.

2 Farish Noor, "Malaysian Foreign Policy – A Reflection of its Domestic Policy," *MalaysiaKini*, November 23, 2001, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysiakini.com/columns/7024>.

3 Alatas 2021, 1.

4 *Ibid.*, 2.

5 *Ibid.*

making a choice regarding which side to align with. However, Malaysia does not perceive itself as a peripheral state. Judging by the number of diplomatic missions abroad, it positions itself as an active player. According to the Ministry of Foreign Affairs, Malaysia has 111 diplomatic missions in 85 countries,¹ comparable to the representation of larger countries like Saudi Arabia.

In the first decades after independence, Malaysia's foreign policy primarily focused on its regional neighbours and its role in the Non-Aligned Movement (NAM). Within the Malaysian discourse on foreign policy, the Bandung Conference of 1955, which proclaimed the "Third Way" as an alternative to the capitalist West and the Communist bloc, holds significant importance.

During the early years of independence under Prime Minister Tunku Abdul Rahman (1957–1969), it became apparent that joining alliances with clear-cut priorities and commitments could potentially destabilize the country due to its diverse ethnic and religious composition.² Malaysia may have had a preference for cooperation with the West, as it perceived the communist threat to be very real.³ At the time of independence, Malaysia was still under a state of Emergency declared by the British due to the communist guerilla movement that began in 1948 and lasted, to varying degrees of intensity, until 1989. Within Malaysia, the communist insurgency was viewed as an anti-British liberation war, predominantly fought by Chinese groups, resulting in a milder perception of communism as a threat compared to other countries. Consequently, Malaysia chose to maintain neutrality and declined to join the US-led Southeast Asia Treaty Organization (SEATO).

The early post-independence foreign policy of Malaysia was not solely based on the religious identity of the majority. For example, during the India-Pakistan war of 1962, Malaysia supported India rather than religiously closer Pakistan. Malaysia's support for India on the issue of Kashmir even led to severing diplomatic relations with Pakistan in 1965. During the period of Confrontation (*Konfrontasi*) with Indonesia from 1963 to 1966, Malaysia's foreign policy leaned towards the West rather than the Muslim world, which supported Indonesia's claim to the territories of former Malaya.

Meanwhile, the secular orientation of Malaysia's foreign policy made it susceptible to criticism from Islamist forces such as the religious-based political party PAS. For instance, during the 1964 elections, PAS directly appealed to voters not to support political parties that collaborated with non-Muslims, with the former colonial powers being implied. In response, Tunku was compelled to explain the reconciliation with Indonesia in 1966 as a rapprochement between two Muslim nations opposing communist forces that sought to divide them.

In 1969, PAS issued a fatwa (religious ruling) declaring the ruling United Malays National Organisation (UMNO) apostates for collaborating with non-Muslims. In response, UMNO sought support from various quarters in the Muslim world. They hosted the International Islamic Conference in Kuala Lumpur, which condemned the fatwa and expressed support for UMNO. This conference, which discussed the Six-Day

1 "Our Embassies Abroad," Ministry of Foreign Affairs Malaysia, accessed June 28, 2023, <https://www.kln.gov.my/web/guest/malaysian-mission#:~:text=Malaysia%20maintains%20diplomatic%20relations%20with,missions%20in%2085%20countries%20abroad.>

2 Nair 1997, 56.

3 Ibid., 56.

War of 1967 and the incident at the Al-Aqsa Mosque, gained attention as it preceded the establishment of the Organisation of Islamic Cooperation (OIC) at the Islamic Summit in Rabat later that same year. Malaysia's first Prime Minister, Tunku Abdul Rahman, even chaired the OIC Secretariat in 1971. In 1975, Malaysia lobbied for the OIC to gain observer status at the United Nations and began playing a more active role in the Muslim world. This policy not only aimed to address criticisms from Islamists at home but also attracted investment from oil-rich Arab countries.

This foreign policy approach continued during the premiership of Tun Hussein Onn (1976–1981), where an appeal to Islam as a basis for unity was pragmatically used to attract investors.¹ It was within this policy that Malaysia banned trade with Israel to please its partners in the Arab world.

Initially, support for the Palestinian cause stemmed from pragmatic considerations, strengthened by the influence of intellectual currents originating from the Middle East. In Malaysia, the humiliation experienced by Muslim-majority countries in their conflict with Israel resonated strongly, as it was perceived as a battle against an occupying power, which in turn was associated with former colonial masters.

Previously, the current Prime Minister Anwar Ibrahim was the president of the International Islamic Youth Movement (Angkatan Belia Islam Malaysia, ABIM), which represented the country at the World Assembly of Muslim Youth (WAMY) and actively supported the Islamic revolution in Iran.² The Iranian Revolution (referred to by the Malaysian government as the events of 1979 in Iran) was not only seen by Islamic movements as a successful example of instituting theocracy, but also, and more importantly, as a triumph against Western influence over governance processes.³ Malaysia took an opposing stand on the hostage crisis at the US Embassy in Tehran in 1979, but at the same time criticized US attempts to release the diplomats as a breach of international law.⁴ Even back then, Islamic movements and activists in Malaysia criticized the pro-Western angle in the coverage of the events in Iran, as the local press heavily relied on information from Western news agencies. However, it should not be assumed that with Anwar coming to power in 2022, Malaysia would shift towards a theocracy or openly adopt a pro-Iran policy, despite President Ibrahim Raisi of Iran considering Malaysia a priority in its Asia policy and in relation to the Muslim ummah.⁵ Until now, Iran has played a marginal role in Malaysia's foreign policy and trade relations, and the country's Shia minority has faced persecution due to their deviation from the religious norms of the Shafi'i school of Sunni Islam in Malaysia.

From a pragmatic approach to Islamization as a means of attracting international support and investment, Malaysia moved towards accommodating political infighting and deepening societal fault lines. During the Emergency period, most participants in the communist movement in Malaysia were ethnic Chinese, although there was also a significant presence of other racial groups. Despite the communist wave being more of an anti-colonial struggle, political elites, when necessary, disregarded the

1 Nair 1997, 65.

2 Sundaram, Cheek 1988, 843.

3 Nair 1997, 75.

4 Ibid., 76.

5 "Ayatollah Raisi: Malaysia a Priority for Iran in Asia," Website of Iran President Office, November 25, 2022, accessed June 28, 2023, <https://www.president.ir/en/140972#>.

importance of the communist movement in Malaysia's independence and emphasized the association between the dangers of communism and non-Muslims. This deepened divisions not only along ideological lines but also along ethnic and religious lines. While the British portrayed the Emergency in terms of fighting communism, the Malaysian government, established after independence, continued with a similar discourse, giving little acknowledgment to the anti-colonial struggle within it. The process of Islamization gained momentum with the rise in popularity of the Islamist PAS. Despite the more secular government orientation towards closer cooperation with the West, the opposition advocated for a more neutral approach and cooperation with the Non-Aligned Movement (NAM) or even leaning towards closer cooperation with countries in the Islamic and Arab world that were fighting for independence.¹ It was from this latter current that new nationalist leaders emerged, including Mahathir Mohamad who would later become Prime Minister.

Mahathir's rise on the political scene coincided with the expansion of revivalist ideas in the Muslim world, which influenced Malaysia's approach to political decision-making. The proliferation of these ideas in other Muslim-majority countries such as Pakistan, Iran, and Egypt also had an influence on Malaysian discourse. Additionally, the political infighting between UMNO and PAS became more pronounced as both targeted the same voter base. Consequently, during Mahathir's premiership (1981–2003), Malaysia's foreign policy increasingly reflected UMNO's desire to position itself as the protector of the Malay-Muslim majority. Alongside projecting this image in foreign policy, Mahathir made significant efforts to institutionalize religion as a means of garnering more support domestically. Funding for institutions like the International Islamic University (IIUM) came from Muslim countries such as Saudi Arabia, which along with Kuwait sponsored also missionary activities in the country.

Indeed, Mahathir's foreign policy initially prioritized ASEAN, followed by Non-Aligned Movement (NAM) and the Commonwealth of Nations (comprising former territories of the British Empire). However, the ongoing surge of Islamism across the Muslim world led to increased efforts by previous prime ministers to establish closer ties based on a proclaimed common identity with other Muslim countries, particularly the Arab states. From the 1980s onward, Malaysia began speaking more frequently on issues concerning the Muslim world, and UMNO's rhetoric increasingly presented Malaysia as a Muslim nation, with UMNO itself claiming to be the third-largest Muslim party in the world.² However, this shift in rhetoric was not equally reflected in increased trade with Muslim countries, especially when compared to Malaysia's trade with neighboring and developed countries.³ Among Malaysia's top ten trade partners, Indonesia is the only Muslim country, but it falls under the ASEAN priority rather than expanding ties with the broader Muslim world.

Support for other Muslim countries and Islamic movements became another hallmark of Mahathir's foreign policy. Initially, such support was given to the Palestine Liberation Organisation (PLO) and the Afghan *mujahideen*. Malaysia became the first Southeast Asian country to establish diplomatic ties with the PLO. It also supported

1 Nair 1997, 57.

2 Nair 1997, 80.

3 Ibid., 103.

Hamas, providing humanitarian aid to Palestine through Hamas channels, staunchly refusing to consider normalization with Israel, unlike other Muslim countries that participated in such efforts over the years. Malaysia's position on this issue was evident in recent events, where it denied visas to Israeli athletes participating in sports events hosted in the country¹.

In 1982, Malaysia donated to the Afghan refugee support fund. With government permission, the Mujahideen opened an office in the country, and Afghan students received scholarships to study in Malaysia.

Malaysia justified its support for the Palestinian cause and the Mujahideen in their struggle against the USSR based on principles of sovereignty, territorial integrity, non-interference, and the right of peoples to self-determination. The support was grounded in of Islamic brotherhood as well as nationalist ideas promoted by Malaysia, which had developed during the anticolonial struggle and the period after independence.

It was Mahathir's initiative to send Malaysian peacekeepers to Bosnia and offer refuge to Bosnian families during the war from 1992 to 1995². When Mahathir came to power again in 2018, this time as the head of the so-called opposition, it was revealed that the preceding government of Najib Razak had sent troops to support the Saudi operation in Yemen³. Najib was known for his ties with countries in the Persian Gulf, which he used to justify funds from the scandalous state corporation, 1Malaysia Development Berhad (1MDB), as personal donations from Saudi and Emirati royalty.⁴

Another aspect of Mahathir's Look East Policy (1981–2003) was his focus on Japan, which extended from his fascination with the country. Apart from Japan's economic miracle and rapid growth during the post-war decades, Mahathir admired the fact that Japan had forced the British out of Malaya during World War II. To nationalists, this represented an Asian power driving out colonisers. Mahathir aimed to instil this sentiment in his own nation and build a country with similar economic and political resilience.

Continuing this trend, Prime Minister Anwar Ibrahim (since 2022) personally traveled to Turkey after parts of the country were hit by an earthquake in early 2023. It is true that Anwar maintains close personal ties with Turkish President Recep Erdogan, but in this case, the newly installed prime minister was also following Mahathir's approach of projecting an image of the country actively involved in the issues of the Muslim world. The political coalition formed by Anwar left the Islamists of PAS fiercely opposing his government, so the prime minister once again found himself in a position to demonstrate his commitment to the *ummah* to his opponents.

To sum up, Malaysia's foreign policy since independence has shown that successive governments aimed to maintain independence, align with Third World countries,

1 "No Place for Israeli Athletes in Malaysia," Prime Minister Says," Middle East Monitor, January 12, 2019, accessed June 28, 2023, <https://www.middleeastmonitor.com/20190112-no-place-for-israeli-athletes-in-malaysia-prime-minister-says/>; "World Squash Event in Malaysia Axed After Israelis Barred," Aljazeera, November 30, 2021, accessed June 28, 2023, <https://www.aljazeera.com/news/2021/11/30/world-squash-event-in-malaysia-axed-after-israelis-barred>.

2 Hamza Karcic, "Haven Far From Home: The Bosniaks of Malaysia," Balkan Insight, October 8, 2020, accessed June 28, 2023, <https://balkaninsight.com/2020/10/08/haven-far-from-home-the-bosniaks-of-malaysia/>

3 "Malaysia's Military Involvement in Saudi-led War in Yemen Must End - Lawyers for Liberty," New Straits Times, June 19, 2018, accessed June 28, 2023, <https://www.nst.com.my/news/nation/2018/06/381692/malysias-military-involvement-saudi-led-war-yemen-must-end-lawyers>

4 "1MDB Scandal: Malaysia's Former PM 'Asked UAE to Fake Evidence'," The Guardian, January 8, 2020, accessed June 28, 2023, <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/08/1mdb-scandal-malysias-former-pm-asked-uae-to-fake-evidence>.

and support liberation movements. However, this aspiration faced limitations. The Islamization of foreign policy emerged partly due to the global spread of Islamic revivalist ideas, but primarily as a result of domestic political infighting. As part of this process, the Islamization of political and social life was portrayed as a departure from the colonial past, leaving little choice for even secular-minded politicians but to comply with the demands of this evolution.

Precarious Balancing Act

The postcolonial period in Malaysia did not offer much room for true independence. It transitioned from a phase where it sought to establish independence from former colonial powers to one where political elites perpetuated colonial-like mechanisms, such as exploiting racial and religious divisions and establishing a patronage system. Furthermore, Malaysia has become entangled in neocolonial dependencies in modern times. The ongoing rivalry between China and the US has significantly constrained Malaysia's sovereignty, both in terms of foreign policy and domestic politics.

Malaysian political elites often pride themselves on having a principled stance when it comes to foreign policy. At the same time, despite some academic attempts to suggest an alternative to Westphalian framework for organisation of the international system and hedging strategy as an alternative to dichotomic realist choices, statements made by the same politicians reflect a more sober outlook of Kuala Lumpur's powers as compared to the giants present in the region: "We cannot decide and make a choice [between the US and China] because look at the strength of both countries," lamented prime-minister Najib. In these conditions Malaysia has tried hard to adopt an approach of being equidistant from all the major players.¹

The disputes in the South China Sea illustrate the Thucydides trap, which not only ensnares the US and China but also smaller powers like Malaysia. These smaller powers are left with limited options: either becoming collateral damage or navigating the battle of giants with their own agency.

Malaysia, along with the Philippines, Vietnam, Brunei, and Taiwan, asserts its claims in the South China Sea. China, employs a divide-and-rule strategy by preferring bilateral discussions rather than engaging with ASEAN as a whole. China recognizes that ASEAN, as a united front, poses a significant challenge to its approach.²

During Mahathir's second term in office (2018–2020) and beyond, Malaysia made it clear that it was not considering military means to counter China's regional influence.³ Its response to China's airspace and maritime incursions have been restrained.

However, it is not solely a matter of being reluctant to challenge a significantly larger power. Malaysia has maintained diplomatic relations with China since 1974, and

1 "Najib: Why Should Malaysia Choose Between US And China?" The Star, August 24, 2014, accessed June 28, 2023, <https://www.thestar.com.my/news/nation/2014/08/24/najib-foreign-policy/>.

2 Tashny Sukumaran, "How Will Malaysia And China's Maritime Consultation Mechanism Affect The South China Sea Dispute?," South China Morning Post, September 22, 2019, accessed June 28, 2023, <https://www.scmp.com/week-asia/explained/article/3029732/how-will-malaysia-and-chinas-maritime-consultation-mechanism>.

3 "Tun Dr Mahathir Bin Mohamad: Former Malaysian Prime Minister address at the Oxford Union," Oxford Union, September 17, 2022, accessed June 28, 2023, <https://www.youtube.com/watch?v=2QT-y44NhxE>.

this longstanding period of interaction is highly valued. China remains Malaysia's top trading partner, with the annual bilateral trade volume reaching \$203.6 billion.¹

One prominent manifestation of China's presence in Malaysia is the East Coast Rail Link (ECRL) project. Signed under Najib's administration in 2016, the ECRL project is also connected to China's Belt and Road Initiative (BRI). China Communications Construction Co Ltd (CCC-ECRL) is responsible for the implementation of the project on China's behalf. There has been extensive public debate regarding the feasibility of the project and its potential environmental and socioeconomic impacts, but the government has not adequately addressed these concerns.

Media coverage of China's regional policy has become more lenient since around 2016. However, it is important to note that Malaysia's alignment with China in the power struggle with the US was likely driven by more parochial concerns related to the 1MDB scandal. During that time, Najib Razak, the then Malaysian prime minister, was under investigation by multiple countries, which led to discomfort on the part of Donald Trump and his decision not to meet Najib during his visit to the US. This contrasted with the warm reception Najib received from Barack Obama during his visits to Malaysia in 2014 and 2015. Najib and Obama even played golf together, leading to speculation that the US was aligning with Malaysia to counter China's influence in Southeast Asia, given Obama's cordial relationship with Najib.² Malaysia attempted to improve the strained personal relationship with the US by investing money to end the investigation, but these efforts did not yield the desired results. In fact, the US cautiously urged Malaysia to resolve the corruption case and restore the country's image until Najib's conviction in 2022. During his visit to China, Najib shifted the focus to criticizing former colonial powers³ and called for more inclusivity in international institutions for countries that had been marginalized during the formation of the current international system.⁴

The lenient coverage of China's activities in the region by Malaysian media can be attributed to various factors, highlighting the pervasive influence of China. One such factor is the Malaysian Chinese Association (MCA), a component party of the former ruling alliance Barisan Nasional (BN) that represents the ethnically Chinese electorate. The MCA is traditionally perceived as having a pro-China stance, and it holds a controlling share in one of Malaysia's largest newspapers, *The Star*. This ownership arrangement helps explain the newspaper's restrained position on Malaysia's claims in the South China Sea and other aspects of Malaysia-China relations. While Malaysia's Chinese minority primarily identifies with Malaysia itself, there is a segment that views China as a strong business partner and a culturally familiar "big brother."⁵ This example illustrates how media coverage and China's image in Malaysia are influenced not only by the political priorities of the government but also by the positions of media owners, particularly Malaysian Chinese individuals with business interests in or with China.

1 "Malaysia-China bilateral trade hit record US\$203.6b in 2022, says Chinese ambassador," Malaysian Investment Development Authority, February 17, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jgoie>.

2 "Golf Diplomacy And 'Back-Channel Lobbying' - US\$8 Million To Lobby President Trump, But Najib's Golf Got Cancelled!," Sarawak Report, August 22, 2020, accessed June 28, 2023, <https://www.sarawakreport.org/2020/08/golf-diplomacy-and-back-channel-lobbying-jho-low-paid-us8-million-to-lobby-president-trump-but-najibs-golf-got-cancelled/>.

3 "Najib Asks West to Stop 'Lecturing' As Malaysia Embraces China," Reuters, November 2, 2016, accessed June 28, 2023, <https://www.reuters.com/article/china-malaysia-idINL4N1D31LQ>.

4 Ibid.

5 Jennifer Pak, "Will China's Rise Shape Malaysian Chinese Community?," BBC News, December 30, 2011, accessed June 28, 2023, <https://www.bbc.com/news/world-asia-16284388>.

During the 2018 electoral campaign, the MCA was accused of suppressing criticism against Beijing's policies and promoting the notion that voting for Najib would guarantee a continued flow of investments from China.¹ According to the Wall Street Journal (WSJ), China allegedly promised to assist Najib in covering the debts related to the 1MDB scandal and exert its influence in countries investigating the case.²

In its 2023 report on Beijing's Global Media Influence, Freedom House emphasized the significant influence of Chinese language media in Malaysia, noting instances of disinformation.³ The report highlighted that Chinese language media in Malaysia tends to follow China's playbook in covering sensitive issues and promoting pro-China narratives. Criticism of China is often censored, with cases of articles being taken down upon China's request.⁴ Additionally, a 2020 report by the Atlantic Council mentioned the presence of "troll farms" based in Malaysia that targeted Malaysian audiences with disinformation, particularly through social media and messaging apps.⁵

The situation raises questions about the potential for alternative scenarios in Malaysia's nation-building process. If a pan-Malaysian nationalism that transcended ethno-religious identity had been fostered, it could have diminished the incentives for Malaysian Chinese to maintain strong ties with China. Currently, these ties are reinforced by both pragmatic interests and cultural proximity. In the present climate of discrimination against minorities, China is perceived as an appealing partner for business and patronage.

For the US, Malaysia has long been an important destination for various programs, some of which have had implications for political outcomes. In 2018, after the UMNO-dominated Barisan Nasional (BN) coalition's decades-long rule came to an end, a scandal arose concerning members of the newly elected Pakatan Harapan (PH) coalition receiving training from the International Republican Institute (IRI), an organization associated with the US Republican Party. PH members, including Lim Guan Eng, the leader of the Democratic Action Party (DAP), a component of PH, denied the allegations and instead shifted the blame to BN, claiming that they had close ties with the Chinese Communist Party (CCP) and even US governmental institutions, suggesting that it was an attempt to sabotage the 2018 general elections.⁶ The IRI acknowledged its work in Malaysia since 2002, aiming to enhance the ability of political parties to compete in elections and adhere to citizen-centered governance practices.⁷ The IRI collaborated with the National Endowment for Democracy (NED), an organization that promotes American political interests globally by providing

1 Joshua Kurlantzick, "China's Influence Tactics in Malaysia—Failure Now, Failure Forever?," Council for Foreign Relations, March 3, 2023, accessed June 28, 2023, <https://www.cfr.org/blog/chinas-influence-tactics-malaysia-failure-now-failure-forever>.

2 Tom Wright, Bradley Hope, "WSJ Investigation: China Offered to Bail Out Troubled Malaysian Fund in Return for Deals," The Wall Street Journal, January 7, 2019, accessed June 28, 2023, <https://www.wsj.com/articles/how-china-flexes-its-political-muscle-to-expand-power-overseas-11546890449>.

3 BC Han, Benjamin Loh, "Beijing Global Media Influence Report 2023," Freedom House, accessed June 28, 2023, <https://freedomhouse.org/country/malaysia/beijings-global-media-influence/2022>.

4 Collins Chong Yew Keat, "Keep Malaysia's Press Free From Foreign Influence," Business Today, May 4, 2023, accessed June 28, 2023, <https://www.businesstoday.com.my/2023/05/04/keep-malaysias-press-free-from-foreign-influence/>.

5 BC Han, Benjamin Loh, "Beijing Global Media Influence Report 2023."

6 "Lim: 'IRI Courses Were Also Attended By BN Member'," The New Straits Times, August 7, 2018, accessed June 28, 2023, <https://www.nst.com.my/news/politics/2018/08/398981/lim-iri-courses-were-also-attended-bn-member>.

7 "IRI Statement On Collaboration With Political Parties In Malaysia," International Republican Institute, August 6, 2018, accessed June 28, 2023, <https://www.iri.org/news/iri-statement-on-collaboration-with-political-parties-in-malaysia/>.

support to civil society organizations.¹ However, the extent of NED and IRI influence on decision-making within the government formed in 2018 was not disclosed by PH, who simply denied the allegations.² During a forum in July 2018, IRI President Daniel Twining expressed satisfaction with how the new Malaysian government's approach to China was beneficial to the US, stating that the IRI's long-term strategy with the Malaysian opposition had paid off.³

In 2016, a similar scandal emerged regarding leaked documents from a meeting of George Soros's Open Society Foundation (OSF), which some interpreted as interference in Malaysian politics and Soros's personal interest in the election outcome.⁴ However, there was only an indication of the active role played by OSF in supporting civil society organizations (CSOs), some of which were also funded by the IRI and National Democratic Institute (NDI). These organizations included the Coalition for Clean and Fair Elections (Bersih), polling organization Merdeka Center, online news portal MalaysiaKini, and others.

Apart from the US-China rivalry, there are other occasions on which the neocolonial discourse is invoked. One recent case concerns the European Union's (EU) legislation and policy aimed at phasing out palm oil used in biofuel, as it supposedly causes massive deforestation. The Malaysian palm oil lobby referred to "colonialist NGOs" smearing the image of the crop, denounced the EU policy as "crop apartheid," and called to "end the colonial crusade" against palm oil.⁵ This terminology could be explained by the idea with which Malaysia and Indonesia took up the fight with the EU – that the ban of palm oil under the pretext of environmental protection in Southeast Asia is only a means to support the EU's own rapeseed and sunflower oil export industry.⁶

Malaysia and Indonesia have joined forces in engaging with the EU, signalling yet another foreign policy consideration for Malaysia: economic wellbeing. However, while Malaysia strongly opposes supposed threats to its palm oil industry, it is unlikely to resort to actions beyond protests and complaints, as it must walk a fine line with the bloc, which is a key partner. Economic considerations can also provide a way for great power competition, with Malaysia recording China as its biggest trading partner over the past 14 years.

Conclusion

Malaysia's image on the international stage is shaped by several priorities projected through its foreign policy: the importance of regional ties for trade and security,

- 1 "Up To PH To Reveal Funding By US-Based NED, Says Activist," Free Malaysia Today, August 30, 2021, accessed June 28, 2023, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2021/08/30/reveal-funding-by-us-based-ned-suaram-tells-ph/>.
- 2 Predeep Nambiar, "PKR, DAP Deny Receiving Foreign Funds," Free Malaysia Today, August 30, 2021, accessed June 28, 2023, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2021/08/30/kr-dap-deny-receiving-foreign-funds/>.
- 3 "Republican-Linked Group: 'Long Game' With M'sian Opposition Paid Off," MalaysiaKini, August 6, 2018, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysiakini.com/news/437655>.
- 4 "Leaked Doc: Soros Has 'Personal Interest' In M'sian GE," MalaysiaKini, October 23, 2016, accessed June 28, 2023, <https://www.malaysiakini.com/news/361091>.
- 5 Joe Sandler Clarke, "How Palm Oil Sparked A Diplomatic Row Between Europe And Southeast Asia," Unearthed, March 18, 2019, accessed June 28, 2023, <https://uneearthed.greenpeace.org/2019/03/18/palm-oil-indonesia-malaysia-biofuels-eu/>.
- 6 "EU Bans Palm Oil To Protect Its Own Oil Seeds, Local Producers Say Malaysia," Astro Agro Lestari, January 26, 2009, accessed June 28, 2023, <https://www.astra-agro.co.id/en/2020/01/27/eu-bans-palm-oil-to-protect-its-own-oil-seeds-local-producers-say-malaysia/>.

particularly within ASEAN; the aspiration to play an active role in the global Muslim *ummah*; and the continued economic and technological development. However, it is domestic political infighting that determines which priority takes precedence.

Malaysia has carried the colonial legacy into the postcolonial era. Among the legacies of the colonial era are a number of outdated laws and a constitution drafted by a British-appointed commission. Additionally, the modes of governance for the multiethnic and multireligious population were established during this time. The very diversity created during the colonial period was used to effectively control Malaya's territories through the divide and rule principle, ensuring that the population did not present a united front against the colonial master. This diversity has been exploited by the postcolonial elite, preventing the process of effective nation building. The special status of the Malay majority, as stipulated in the constitution, was further solidified by the New Economic Policy (NEP) in 1971, which was introduced in response to the racial riots of 1969. Initially intended to address economic inequality, the NEP instead exacerbated divisions. The NEP did not significantly improve the situation of economic inequality because it was formulated as an assertive policy in favor of the Malay majority, which was portrayed as economically disadvantaged, rather than adopting a needs-based approach. Over time, the Malay middle class grew, not due to increased productivity and efficiency, but as a result of the patronage system. This system and the mindset behind it reached new heights during Mahathir's first term.

Political competition was closely linked with Islamization, which helped the ruling elite to contend with opposition groups represented by Islamists who advocate for greater Islamic approaches in both domestic and foreign policies.

Despite Malaysia's stated priority of exercising sovereignty in both its domestic and foreign policies, the realities of being an aspiring middle power imposed serious limitations. Since Southeast Asia has become another arena for the US–China rivalry, both great powers have engaged in efforts to influence Malaysia's policies at all levels. Thus, while Malaysia aspired to overcome all forms of dependency on foreign powers during the postcolonial period, the country finds itself in a situation where it is dominated by neocolonial masters. Attempts to re-evaluate the analysis of policies pursued by smaller states suggest a reliance on cultural peculiarities and historical details, but the constraints placed on the room for maneuver by the rivalry of the great powers still force any analysis towards brutal political realism.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Alatas, Sharifah M. "A Malaysian Perspective on Foreign Policy and Geopolitics: Rethinking West-Centric International Relations Theory." *Global Studies Quarterly* 1, no. 4 (December 2021). <https://doi.org/10.1093/isagsq/ksab031>.

Campbell, James. "Recognition and Respect: Globalization Culture and Malaysian Education." *Deakin University*, (January 1, 2009). <https://hdl.handle.net/10536/DRO/DU:30023759>.

Chio, Vanessa C.M. *Malaysia and the Development Process*. New York: Routledge, 2004.

Etkind, Aleksandr. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, GB: Polity Press, 2011.

Fanon, Frantz. *Black Skin, White Masks*. New York: Grove Press, 1967.

Loomba, Ania. *Colonialism/Postcolonialism*. New York: Routledge, 2015.

Nair, Shanti. *Islam in Malaysian foreign policy*. London: Routledge, 1997.

Pletsch, Carl E. "The Three Worlds, or the Division of Social Scientific Labor, circa 1950–1975." *Comparative Studies in Society and History* 23, no. 4 (October 1981): 565–590.

Said, Edward W. *Orientalism*. London: Penguin Classics, 2003.

Saravanamuttu, Johan. *Malaysia's foreign policy: the first fifty years: alignment, neutralism, Islamism*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2010.

Sharp, Joanne P. *Geographies of Postcolonialism: Spaces of Power and Representation*. SAGE Publications Ltd, 2008.

Spivak, Gayatri C. *A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1999.

Sundaram, Jomo K., and Ahmed S. Cheek. "The

Politics of Malaysia's Islamic Resurgence." *Third World Quarterly* 10, no. 2 (April 1988): 843–868. <http://www.jstor.org/stable/3992670>.

Vaseehar Hassan bin Abdul Razak. *The Malay Leadership Mistique*. Amsterdam: Vrije University, 2013.

Xu, Vicky Xiuzhong, Danielle Cave, James Leibold, Kelsey Munro, and Nathan Ruser. *Uyghurs for Sale: 'Re-Education', Forced Labour and Surveillance beyond Xinjiang*. Australian Strategic Policy Institute, 2020. <http://www.jstor.org/stable/resrep23090>.

Author

Julia Roknifard,

PhD (Hist.), Assistant Professor, School of Politics, History and International Relations (PHIR),

University of Nottingham Malaysia

Jalan Broga, 43500 Semenyih, Selangor, Malaysia

e-mail: julia.roknifard@nottingham.edu.my

Additional information

Received: March 17, 2023. Revised: April 22, 2023. Accepted: May 29, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Roknifard, Julia. "Malaysia's Neocolonial Struggle: Unraveling the Complexities of Postcolonial Dynamics."

Journal of International Analytics 14, no. 2 (2023): 148–165.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-148-165>

Неоколониальная политика Малайзии: особенности политического процесса

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей работы является изучение Малайзии в контексте постколониальных исследований. Во введении приводится обзор научной литературы в области постколониальных исследований, после чего анализируются проявления постколониализма в Малайзии: дискурсы, ценности и общественные настроения. Автором были выделены основные вехи эволюции внешнеполитического курса государства и проведен сравнительный анализ его реализации в разные исторические периоды. В заключении дается оценка современных тенденций, связанных с геополитическим противостоянием Китая и США в Юго-Восточной Азии. Главная мысль автора заключается в том, что процесс деколонизации Малайзии не завершен. Политическая элита сохранила некоторые колониальные инструменты для поддержания своего господствующего положения, а позднее государство оказалось втянуто в геополитическое соперничество между США и Китаем, которые разными способами стремятся к установлению доминирования над государством. С момента обретения независимости историческое развитие Малайзии не привело к формированию консолидированной нации, поскольку на него оказывалось иностранное влияние, которое способствовало расширению пробелов в национальном сознании и способах государственного управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Исламизация, Малайзия, неоколониализм, Новая экономическая политика, постколониализм

Сведения об авторе

Юлия Рокнифард,

к.и.н., доцент Школы политологии, истории и международных отношений

Ноттингемского университета Малайзии

Малайзия, Селангор, 43500 Семеных, Джалан Брога

e-mail: julia.roknifard@nottingham.edu.my

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2023.

Переработана: 22 апреля 2023.

Принята к публикации: 29 мая 2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Рокнифард, Ю. Неоколониальная политика Малайзии:

особенности политического процесса // Международная аналитика. 2023. Том 14 (2). С. 148–165.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-148-165>

Значение региона Феццан в политике Франции в Ливии и Сахеле

Александр Мартиросович Наджаров, НИУ ВШЭ, Москва

Контактный адрес: anadzharov@hse.ru

АННОТАЦИЯ

На протяжении ста лет с момента французской колонизации Чада и Нигера ливийский регион Феццан играл значительную роль во французской стратегии на ливийском направлении. Определяющим фактором в значении региона для политики Парижа стали транснациональные процессы феццанского приграничья. Этническая близость Феццана и северных регионов сахельских стран была катализатором франко-ливийских столкновений в Чаде в 1900-е гг., когда колонизаторы столкнулись с сопротивлением ордена сенуситов, подавленным лишь с началом итальянского покорения Ливии. Стремление установить контроль над регионом для обеспечения безопасности владений в Сахеле и соединения их с алжирскими департаментами легло в основу политики Парижа в середине XX в. Значительное влияние региона на Сахель после деколонизации наиболее ярко проявилось в 1970–1980-е гг., когда Ливийская Арабская Республика пыталась использовать этнические противоречия в Чаде для установления своей гегемонии на севере страны, что в свою очередь привело к конфликту с Парижем, в котором Пятая республика благодаря умелой работе с племенами ливийско-чадского приграничья одержала верх. После начала гражданской войны в Ливии в 2011 г. Феццан вновь обрел значение для французской политики из-за появления в регионе террористических структур, связанных с транснациональным сахельским криминалом, чадской оппозицией и силами других великих держав. В статье рассматриваются паттерны французской стратегии в отношении Феццана, в особенности – французская политика в области безопасности в феццанском приграничье. Изучение исторической ретроспективы французской политики позволяет более основательно определить мотивы и намерения стратегии Пятой республики на юго-западе Ливии на современном этапе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешняя политика Франции, Феццан, гражданская война в Ливии, Чад, нестабильность в Сахеле, тубу, транснациональные процессы, сенуситы

Введение

Ливийский регион Феццана представляет собой пустынное засушливое пространство с редкими городами-оазисами. Включенный в состав ливийского государства при его образовании в 1951 г., регион значительно отличался от других частей Ливии. Феццан населяют преимущественно кочевые племена – арабы, туареги, тубу и родственные им. Кочевники Феццана в силу исторических причин всегда были связаны с сопредельными южными странами: Суданом, Чадом, Нигером. Феццан представлял собой транзитное пространство между прибрежной Ливией и Сахелем, через которое проходили торговые и людские потоки, осуществлялось межэтническое взаимодействие.

Значительное влияние Феццана на сахельские страны предопределило особую роль региона в политике Франции на ливийском направлении. Франция, с конца XIX в. играющая значительную роль в регионе Сахеля, как до, так и после деколонизации была вынуждена принимать в расчет высокий уровень трансграничных взаимодействий на севере Чада и Нигера с одной стороны и в Феццане – с другой. Данный фактор лежал в основе политики Парижа во времена колонизации Чада и Нигера, временной оккупации Феццана в 1943–1951 гг., в ходе выстраивания неокOLONиальной политики в Сахеле после деколонизации и определил подход Пятой республики к современному ливийскому конфликту (2014 – н.в.).

Задача данной работы – определить влияние приграничных процессов в Феццане на политику Франции на ливийском направлении и в Сахеле в целом, в особенности в Нигере и Чаде. Исследование представляется актуальным в силу существенной роли Пятой республики во второй ливийской гражданской войне и общего влияния Ливии на процессы в сопредельных странах. Особого внимания заслуживают процессы, протекающие в районе ливийско-чадской и ливийско-нигерской границы, их влияние на формирование политики Парижа на ливийском направлении и в Сахеле.

Изученность роли Феццана в ливийской политике Франции варьируется в зависимости от исторического периода. Так, «сенуситский» этап ливийской политики Франции крайне подробно рассматривается в работах Ж.-Л. Трио «Забытая франко-ливийская война» и «Черная легенда Сенусии»¹. Периоду французской оккупации Феццана посвящены работы современников французской оккупации Р. Белер-Бодье, Б. Вернье, Л. Кокатр-Зильгьян². Проблема французской оккупации получила освещение и в современной литературе: она рассматривается в диссертации Т. Пальмери, где сравниваются подходы итальянской и французской военных администраций³, в коллективной монографии под редакцией А.-М. Уаннаса, П.-Н. Денъеля и М. Саддама «Неизвестная история. Франко-ливийские отношения в Феццане»⁴, статьях С. Келли, М. Ромо-Наваретт, У. Сибге, ливийских исследователей С.А. Амхиммид и А. Аштъеуи⁵.

1 Triaud 1987; 1995.

2 Vernier 1947; Bellair-Baudier 1949; Cocatre-Zilgien 1956.

3 Palmieri 2015.

4 Wannäs et al. 2012.

5 Sibguet 1999; Kelly 2001; Romo-Navarette 2002; Amhimmid 2021; Ashtiewi 2022a, 2022b.

Роль Феццана в политике Парижа на ливийском направлении после окончания французской оккупации изучена значительно хуже. Из значимых работ стоит отметить диссертацию С. Булхасена¹. Частично вопрос Феццана во франко-ливийских отношениях затрагивается в работах К. Беннафла, К. Греф и С. Клерэ, Н. Мурика, Р. Отайека². Значение Феццана для ливийской политики Франции на современном этапе частично изучено в работах А. Бенсаада, Дж. Харшауи³.

Эпистемологически работа опирается на методологию Копенгагенской школы международных отношений, в первую очередь на теорию региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера⁴. В данном случае региональным комплексом безопасности выступает Сахаро-Сахельский регион, в особенности зона ливийско-чадского и ливийско-нигерского приграничья. Франция выступает в качестве великой державы, вмешивающейся в процессы безопасности в регионе. В то же время, как отмечают в своей работе Б. Бузан и О. Уэвер, страны Сахеля, в особенности Нигер и Чад, являются странами-инсуляторами, подверженными влиянию стран Магриба. В этом случае Феццан играет ключевую роль в инструментализации политики сил, базирующихся в Ливии, на Чад и Нигер, что обуславливает его значимость для французской политики. Использование подобной методологии позволяет концептуализировать «процессы (не)безопасности» в феццанском приграничье, определить роль государственных и негосударственных акторов в их формировании.

В работе используется метод сравнительного анализа для сопоставления подходов Парижа к феццанской проблеме на разных исторических этапах. В исторической части работы задействованы методы исторического анализа: историко-описательный и историко-хронологический. Совокупность методов позволяет соотнести исторический и современный этапы французской политики и идентифицировать ее ключевые паттерны.

Феццан в политике Франции с 1890 по 1956 г.

Южная часть Ливии исторически являлась стратегической зоной для Парижа. Это было связано с географическим расположением Феццана относительно французских колониальных владений в Африке. После разделения сфер влияния на Берлинской конференции 1885 г. во французскую зону влияния вошла большая часть Западной Африки и Магриба. Франция контролировала колонизированный с 1830 г. Алжир, официально включенный в состав французской метрополии; в 1881 г. установила протекторат над Тунисом; в 1912 г. – совместный с Испанией протекторат над Марокко. После 1885 г. были образованы французские колонии «Французская экваториальная Африка» и «Французская западная Африка». Вне зоны влияния Парижа осталась Ливия, формально подчиненная Османской Порте. Таким образом, Феццан представлялся перспективной

1 Bulhasen 2000.

2 Mouric 1984; Otayek 1984; Bennafla 2000; Graeff, Clairret 2003.

3 Bensaad 2019; Harchaoui 2019.

4 Buzan, Wæver 2003.

территорией для соединения североафриканских колоний и алжирских департаментов с новоприобретенными владениями в Западной Африке¹.

Франция формально не заявляла претензий на Ливию, но была заинтересована в расширении своей зоны влияния². Однако на данном направлении французские интересы столкнулись с итальянскими. Итальянскому вторжению в Ливию предшествовал долгий период дипломатической подготовки Римом аннексии Триполитании и Киренаики. После французской аннексии Туниса в 1881 г. – территории, на которую активно претендовало итальянское королевство, – Рим приложил все усилия, чтобы закрепить оттоманскую Ливию в своей потенциальной сфере влияния. Для этого были заключены соответствующие тайные соглашения с Францией в 1900 и 1904 гг., с Великобританией в 1906 г., Германией и Австро-Венгрией³. Франция, активно стремившаяся в 1900-е гг. к установлению контроля над Марокко, не возражала против итальянского проникновения в Ливию; более того, Париж активно стремился «разменять» Ливию на выход Рима из Тройственного Союза. Такой подход разделялся далеко не всеми в Третьей республике. Однако угроза выступления Италии на стороне Германии представлялась достаточно серьезной для того, чтобы уступить территорию османской Ливии итальянцам. Тем не менее стремление и транспортно-логистическая необходимость соединить алжирские департаменты и африканские колониальные владения остались одной из доминант французской политики в регионе⁴.

Однако на рубеже XX в. территория Феццана стала источником угроз для французского присутствия в Сахеле из-за деятельности ордена сенуситов. Несмотря на то, что Ливия была де-юре владением Порты, в реальности Стамбул контролировал лишь западную часть страны, Триполитанию; восточная (Киренаика) и юго-западная (Феццан) части были под владычеством ордена сенуситов. Несмотря на то, что орден номинально являлся вассалом Османской империи, сенуситы проводили самостоятельную политику в Ливии и за ее пределами. Сенусия с середины XIX в. вела активную экспансию в Чаде, основав шесть «лож» ордена – в Бардае, Куру, Ярде, Айн-Калаке, Файе, Важанке Эль-Кебире, Важанке Эль-Сагейре⁵. В 1901–1902 гг. сенуситы, действуя из своих баз в Феццане, подняли восстание тубу на севере Чада против французской оккупации⁶. Франция ответила серией военных экспедиций на севере Чада: в 1902 г. был взят Бир Аали, в 1906 г. – Кавар и Билма, в 1909 г. – Абаиш и Масалит⁷. Хотя восстание удалось подавить, север Чада был окончательно покорен Парижем лишь к 1920-м гг. Покорению способствовала итальянская колонизация Ливии, переключившая силы сенуситов на борьбу с оккупантами. Однако франко-сенуситская война в Чаде в 1900-е гг. обозначила Феццан в качестве потенциального источника угроз для французского владычества в Сахеле. Угроза интересам Парижа заключалась в использовании враждебными акторами факта присутствия тех же племен (тубу,

1 Frémeaux 1999.

2 Wannäs et al. 2012.

3 Childs 1990.

4 Wannäs et al. 2012.

5 Evans-Pritchard 1954.

6 Triaud 1987.

7 Ibid.

загава, арабов, туарегов) на территории неподконтрольного Феццана и французских колоний в Чаде, Нигере, Алжире. Тем самым Феццан становился потенциальным плацдармом для экспансии враждебных акторов.

В связи с этим в интересах Парижа было закрепить контроль над Феццаном для транспортно-логистического объединения магрибских и сахельских владений и ликвидации потенциальной угрозы восстания кочевых племен. Возможность осуществить эту цель появилась в 1943 г., когда колонна генерала Ф. Леклерка вторглась на территорию Феццана из Чада. По словам Ш. де Голля, войска «Свободной Франции» сражались в Эфиопии, Сомали и Эритрее, но в Феццане они завоевывали¹. После войны территория Ливии, бывшей итальянской колонии, попала под оккупацию союзников: Киренаика и Триполитания попали под контроль Великобритании, а Феццан – Франции.

В силу того, что будущее Ливии после окончания Второй мировой войны представлялось туманным, французская военная администрация запустила процесс плавной колонизации Феццана. Во французском геополитическом воображении Феццан воспринимался как законный трофей победоносной французской армии и крайне важное для колониальной империи пространство². Французские колонии западной и экваториальной Африки, сыгравшие определяющую роль в создании боеспособных французских подразделений на Африканском континенте, должны были быть присоединены к североафриканским владениям Парижа. Кроме того, в южных департаментах французского Алжира были обнаружены запасы нефти и газа. К тому же нефтегазовые месторождения были обнаружены и на территории самого Феццана. Во французском правительстве разрабатывался проект строительства нефтепровода из южных департаментов Алжира через район Гадамеса в Феццане до побережья в Тунисе³.

Однако вскоре после окончания Второй мировой войны геостратегические императивы Четвертой республики сменили соображения более практического характера. В североафриканских колониях Парижа, в первую очередь в Алжире, начался подъем арабского национализма. Парижу было критически важно не допустить превращения пустынных областей Феццана в базы подготовки алжирских и тунисских националистов. Ситуация 1900-х гг. повторялась, однако уже на алжирском направлении. В связи с этим удержание Феццана стало критически важным. Однако в условиях, когда обе великие державы так или иначе выступали за деколонизацию, узаконить оккупацию Феццана представлялось крайне сложным.

На международном уровне действия Парижа одобрения не вызывали. Поддержанный Парижем план Бевина-Сфорцы 1949 г., предусматривавший создание федеративного ливийского государства после проведения референдумов в каждом из трех исторических регионов – Триполитании, Киренаике и Феццане, – был отвергнут⁴. Великобритания и Соединенные Штаты были заинтересованы в создании ливийского государства под их фактическим протекторатом. Вели-

1 De Gaulle 2020.

2 Ashtiewi 2022a.

3 Adjel-Debbich 2018.

4 Genevois 2013.

кобритания, сделавшая ставку на Идриса Ас-Сенуси, главу ордена сенуситов, не питавшего симпатий к французам, смогла продвинуть его в качестве лидера объединенной Ливии и склонить Вашингтон на свою сторону в данном вопросе. Лондон и Вашингтон заключили соглашения с новообразованным ливийским королевством, по которым обязывались финансово поддерживать Ливию в обмен на открытие на территории военных баз. Однако Парижу такого соглашения добиться не удалось. Триполи потребовал вывода французских войск из Феццана, на что Париж не согласился¹.

Феццан был стратегически важен для Четвертой республики, вложившей значительные средства в его колониальное освоение. В период с 1945 по 1949 гг. французской колониальной администрацией были выстроены структуры управления. Они отличались племенным характером. В отличие от итальянских колониальных властей, подавлявших структуры местного самоуправления – *джамааты*, французы интегрировали их в систему колониального управления. В Феццане в целом была выстроена довольно демократичная по колониальным меркам система самоуправления на основе «*мудирии*», когда колониальные власти опирались в первую очередь на племенных вождей². Стоит также отметить, что французские власти уделяли значительное внимание социально-экономическому развитию региона. Наиболее значимым было активное бурение водяных скважин в регионе, что существенно отразилось на социальной иерархии Феццана: исчез институт *джабидов* – бесправных носильщиков воды. Активно строились школы, где обязательным было изучение французского языка. Эти действия были направлены на завоевание симпатий местного населения для закрепления региона во французской сфере влияния. По меньшей мере французы рассчитывали сохранить военное присутствие, чтобы не допустить превращение региона в убежище алжирского Фронта национального освобождения.

В связи с этим в 1955 г. правительство Г. Молле пошло на подписание договора о дружбе с Ливией, в котором правительство Ливии в обмен на вывод французских войск из Феццана гарантировало предотвращение использования своей территории алжирскими националистами и позволяло французской армии использовать Себху и Гадамес в качестве аэродромов подскока³. Однако последующая деколонизация Алжира вывела Феццан из зоны французского влияния. Потеряв североафриканские колонии, Париж сосредоточился на выстраивании неоколониальной системы Франсафрик в бывшей французской Западной и Экваториальной Африке. Ливийское королевство, находившееся в англо-американской сфере влияния, угрозы африканской сфере влияния Франции не представляло по причине отсутствия силы, готовой использовать трансграничные процессы феццанского приграничья в ущерб французским интересам.

Таким образом, в колониальный период были сформированы паттерны политики Парижа в отношении Феццана. Франция стремилась ликвидировать потенциальную угрозу своим колониальным владениям из региона. Планом-максимум для французов было установление контроля над регионом, чего на

1 Palmieri 2015.

2 Ibid.

3 Cocatre-Zilgien 1956.

непродолжительный период удалось добиться в 1943-1951 гг. Однако международное давление и поражение в войне в Алжире обесмыслили дальнейшее военное присутствие Франции на юго-западе Ливии, после чего регион на 20 лет выпал из зоны французских интересов. В данный период Феццан представлял собой пространство вызовов и возможностей для французской империи. Его секьюритизация во французском геополитическом воображении отражала этот факт. Париж осознавал, что закрепление недружественных сил в ливийском приграничье создавало потенциал дестабилизации сахельских владений и алжирских департаментов. Однако его завоевание позволило бы решить эти проблемы, соединив африканские владения империи.

Феццан во франко-ливийских отношениях в 1970-1980-х гг.

Феццан вновь стал представлять угрозу французским интересам в Сахеле в конце 1970-х гг., когда Ливийская Арабская республика вмешалась в гражданскую войну в Чаде. Стоит отметить, что до этого момента отношения Парижа и Триполи развивались в позитивном ключе. Пятая республика увидела в сентябрьской революции 1969 г. окно возможностей, в особенности когда М. Каддафи потребовал закрыть английские и американские авиабазы. Париж воспользовался шансом выйти на ливийский рынок вооружений: в 1970 г. был подписан договор о поставке 110 истребителей типа «Мираж-5» и 200 танков типа AMX¹. С 1969 по 1980 гг. Франция поставила оружия Триполи больше, чем какая-либо страна, за исключением СССР. В целом политика Парижа на ливийском направлении протекала в русле «французской арабской политики», делавшей акцент на прагматичных связях между Францией и арабским миром. Однако амбициозная политика Ливии в Сахеле положила конец партнерским отношениям между Парижем и Триполи.

После провала панарабистских инициатив Каддафи, направленных на создание федерации с арабскими соседями Ливии – Египтом, Тунисом и Суданом, – глава Ливийской Арабской республики переориентировался на Сахель. В планах М. Каддафи было создание Сахаро-Сахельского арабского государства, причем к арабам М. Каддафи причислял туарегов и загава, населявших как сахельские страны, так и Феццан². Кочевые племена юго-запада Ливии и их соплеменники из сахельских стран составили основу сформированного М. Каддафи «Исламского легиона». Таким образом, Феццан вновь превратился в источник угроз для французской системы неокOLONиального господства в Сахеле. Как и за 70 лет до этого, «болевым точкой» стал север Чада.

В 1968 г. северные племена Чада, сформировавшие движение ФРОЛИНА (*FROLINAT*), подняли восстание против трайбалистского режима Ф. Томбалбая. В силу наличия тесных связей между племенами чадского региона Бурку-Эннеди-Тибести (БЭТ) и племенами Феццана ливийское королевство начало оказывать негласную поддержку *FROLINAT*. В конце 1960-х гг. на территории королевства

1 Bulhasen 2000.

2 Prunier 2005.

уже находилось свыше 1000 представителей племени тубу, в том числе религиозный лидер Дерде, который в 1968 г. заключил союз с *FROLINAT*¹. Поддержка усилилась с приходом к власти М. Каддафи. В 1970 г. несколько сотен тубу пересекли границу и усилили восстания в регионе БЭТ. С 1972 г. тубу под эгидой *FROLINAT* начали получать прямую поддержку (обучение, оружие) со стороны М. Каддафи. Базы подготовки располагались в Куфре, а сами повстанцы перебрасывались через территорию Судана. Ливийская поддержка *FROLINAT* подтолкнула Ф. Томбалбаю начать переговоры с М. Каддафи, в ходе которых он признал права Ливии на полосу Аузу – 150-километровый участок ливийско-чадской границы, богатый урановыми рудами, что было важно для потенциальной ливийской атомной программы.

Начиная с 1977 г. Ливия стала активно вооружать силы тубу, находившихся в подчинении Г. Уэдея². Значительно лучше вооруженные, чем правительственные войска, силы Г. Уэдея захватили ряд населенных пунктов в регионе БЭТ, а в феврале 1978 г. перешли в широкомасштабное наступление, захватив весь регион БЭТ. Ливия не преминула воспользоваться моментом, выступив в качестве посредника между Нджаменой и чадской оппозицией: 27 марта 1978 г. были заключены соглашения в Бенгази, по которым правительство Чада шло на значительные уступки *FROLINAT* и боевому крылу организации – *FAP* (*Forces armées populaires*).

Значительное усиление роли Ливии в чадских делах не только ставило под угрозу позиции Парижа в этой стране, но и в целом подвергало сомнению роль Пятой республики как гаранта франко-ориентированных режимов франкофонной Африки³. Для ликвидации угрозы во французской постколониальной эксклюзивной зоне влияния президент Ж. д'Эстен принял решение начать военную операцию «Тако» для поддержки режима в Нджамене. Несмотря на то, что французские силы смогли отбросить повстанцев от столицы Чада, долгосрочным решением проблемы операция не стала. В самой Нджамене власть начала рассыпаться. В то же время силы *FAP* взяли под контроль большую часть северных районов страны. На фоне фактического развала страны на несколько враждующих лагерей в Нигерии с активной поддержкой со стороны Парижа была созвана конференция по мирному урегулированию конфликта. По итогам нескольких раундов переговоров было сформировано Переходное правительство национального единства (*GUNT*), к которому отказался присоединиться глава другой влиятельной повстанческой группировки тубу (*FAN*), Х. Хабре, в результате чего оно попало в зависимость от Триполи⁴.

Стоит отметить, что отношения Триполи с чадской оппозицией складывались непросто. С 1978 г. М. Каддафи делал ставку на арабов Чада, объединенных в повстанческую армию «Вулкан» под командованием А. Асила. Группировка нередко вступала в открытое противостояние с *FAP*, состоявшими преимущественно из тубу. Противоречия между оппозиционными фракциями арабов и

1 Powell 2020.

2 Ibid.

3 Mouric 1984.

4 Powell 2020.

тубу вкупе с неудавшейся попыткой создания федерации Ливии и Чада привели к разрыву между М. Каддафи и Г. Уэддеем. В свою очередь, это усилило позиции *FAN*, получавших на тот момент помощь от Египта, Судана и США. Войска Х. Хабре захватили Нджамену в 1982 г., что вынудило Г. Уэддея вновь обратиться за помощью к М. Каддафи.

С 1983 г. Ливия фактически оккупировала север Чада. Страна оказалась разделена на две части. Такое положение вещей было закреплено началом французской операции «Мантa», прочертившей «красную линию» для ливийских войск по 15 параллели, позже сдвинутую на 1 градус широты севернее¹. Позиция французов не изменилась со сменой президентских администраций: Ф. Миттеран, как и его предшественники, намеревался защищать французские интересы и престиж в Сахеле. Тем временем ситуация на севере Чада для ливийцев ухудшалась. *GUNT* начало рассыпаться на фоне противоречий между арабами и тубу; в 1985 г. Г. Уэддей был арестован в Триполи, после чего сбежал в Алжир². Чтобы исправить ситуацию, М. Каддафи приказал перейти 16-ю параллель; в ответ на это Париж начал операцию «Эпервье». В то же время проливийские чадские формирования подняли мятеж против ливийской оккупации. На помощь им были направлены силы Х. Хабре и французские ВВС. В 1987 г. в ходе войны Тойот ливийские войска потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены покинуть территорию Чада, включая полосу Аузу.

Поражение Ливии было во многом связано с политикой М. Каддафи в отношении тубу Чада, которая отражала реалии подхода Триполи к ливийским представителям субсахарской народности. Тубу столкнулись с системной дискриминацией еще в Ливийском королевстве, когда по закону 1954 г. они были лишены гражданства, так как в силу повальной безграмотности не могли доказать свое ливийское происхождение. Дискриминация тубу легла в основу и ливийской политики в Чаде, где Триполи отдавало предпочтение чадским арабам в ущерб тубу, а впоследствии и вовсе опиралась на оккупационные силы Исламского легиона³. Франция же, напротив, работала с лидерами тубу и играла на их противоречиях с М. Каддафи, что в итоге оказалось выигрышной стратегией.

В целом после поражения 1987 г. вмешательство Ливии в чадские дела постепенно сошло на нет. Попытка использовать этническую динамику ливийско-чадского приграничья окончилась провалом и привела к изоляции М. Каддафи на африканском континенте, которую удалось преодолеть лишь к концу 1990-х гг. В то же время дискриминация тубу в Феццане продолжилась. Маргинализация тубу впоследствии сыграла значительную роль в ходе ливийской гражданской войны 2011 г. в Феццане. В то же время подход Парижа к конфликту оказался удачным: совмещая военную силу, дипломатическое давление и политическое взаимодействие с племенами севера Чада, Пятая республика обеспечила безопасность своей зоны влияния в Сахеле от ливийской экспансии. Несмотря на то, что ливийско-чадская война вновь продемонстрировала значение Феццана для процессов на севере Чада, она также показала, что Париж может использовать этнические про-

1 Otayek 1984.

2 Powell 2020.

3 Ibid.

цессы ливийско-чадского приграничья в своих интересах. В то же время война четко продемонстрировала силу процессов в ливийско-чадском приграничье. Ливия показала, что она не только арабская, но и африканская страна; в то же время М. Каддафи активно продвигал, не без определенного успеха, панарабистские нарративы в Чаде. Война в Чаде способствовала секьюритизации ливийско-чадского приграничья (а впоследствии – северных районов стран Сахеля, где обитали кочевые племена) во французском геополитическом воображении. При этом был секьюритизирован и образ самой Ливии: она представлялась непредсказуемым актором с далеко идущими амбициями в отношении соседних сахельских стран.

Значение Феццана во французской политике в Ливии после 2011 г.

Париж стал инициатором западной интервенции в Ливию в 2011 г. Французская дипломатия мобилизовала западных союзников и добилась запроса на установление бесполетной зоны от Лиги арабских государств, на основе которой была впоследствии принята резолюция СБ ООН №1973. Франция вторглась в Ливию по целому ряду причин. Париж стремился восстановить свой имидж на Арабском Востоке, охваченном революционными потрясениями, после внешнеполитических провалов в Египте и Тунисе¹. Ливия, которая вновь пыталась бросить вызов французской гегемонии в Сахеле посредством создания альтернативных региональных институтов, в частности Сообщества стран Сахары и Сахеля, отлично подходила на роль «сакральной жертвы». Кроме того, Пятая республика стремилась получить большую долю ливийской нефтедобычи и объектов инфраструктуры, в особенности – портов. Однако установить мир после выигранной войны Парижу не удалось: практически сразу после победы над силами М. Каддафи ливийские повстанцы начали конфликт за передел страны.

Феццан вновь приобрел стратегическое значение для французской политики в Сахеле с началом ливийской гражданской войны. С разграбленных складов ливийской армии в Феццане в Нигер и Мали хлынуло оружие в поддержку туарегского восстания в Азаваде, в Мали². Вместе с оружием в Мали возвратились туареги из Исламского легиона М. Каддафи, ставшие ядром восстания. Сам же регион Феццана превратился в источник разноплановых угроз для Франции. В это же время началось отмечаемое рядом исследователей сближение региональных процессов в Магрибе и Сахеле.

Территория Феццана использовалась как убежище исламистами – Аль-Каидой в Исламском Магрибе и плеядой связанных с ней организаций в Сахеле (Аль-Мурабитун, Ансар Ад-Дин, Ансар Аш-Шариа), а также «Исламским государством» (организации запрещены в РФ), начавшим распространяться в Ливии в 2014 г. Выдавленные из Ливии и Алжира в начале 2000-х гг., террористические организации начали закрепляться в Феццане после окончания войны³. Этнической базой исламистов в Феццане стали туареги и арабы, в то время как тубу

1 Krüger, Stahl 2018.

2 Harmon 2014.

3 Wehrey 2017.

оказались менее расположены к радикальным салафистским учениям. Однако это не помешало террористам сотрудничать с криминальными группировками тубу, промышленявшими нелегальной перевозкой людей (в массе своей – мигрантов) и подчас торговлей контрабандой и наркотрафиком¹. Примечательно, что ливийский вилайят ИГИЛ после разгрома в Сирте в 2016 г. перенес центр своей активности в Феццан и развернул масштабную кампанию по индоктринации субсахарских мигрантов, следующих через регион. С последующей фрагментацией страны и фактическим развалом ливийской государственности Ливия, и в особенности Феццан, оказались вовлечены в сахаро-сахельское сплетение транснационального терроризма и криминала.

Франция была вынуждена реагировать на террористическую угрозу в Ливии, распространившуюся не только в Феццане, но и на побережье, в Сирте, Бенгази и Дерне. В качестве локального союзника французы выбрали Ливийскую национальную армию Х. Хафтара². Х. Хафтар казался наиболее приемлемым вариантом: его поддерживали французские союзники, Египет и ОАЭ, он не был близок к исламистским движениям и пользовался поддержкой востока страны³. В контексте милитаризации французского присутствия в Сахеле после начала операции «Сервал» в 2013 г. политика Парижа в Ливии также перешла под управление Министерства обороны и спецслужб (внешней и военной разведки)⁴. Французские силы специальных операций начали действовать как в Феццане, так и на востоке страны, под Бенгази и Дерной⁵. С приходом к власти Э. Макрона поддержка Ливийской национальной армии (ЛНА) только усилилась: Х. Хафтар был признан Парижем в качестве легитимного политического игрока, а французские военные советники были прикреплены к генштабу ЛНА⁶. В 2018–2019 гг. при одобрении и поддержке Пятой республики ЛНА установила контроль над значительной частью Феццана, в частности Себхой, Музруком и другими населенными пунктами, кроме ливийско-нигерской и ливийско-алжирской границы, которые контролировали туарегские ополчения.

Примечательно, что основным противником ЛНА в Феццане выступали племена тубу, значительно увеличившие свое влияние после 2011 г. При этом и тубу, и ЛНА поддерживали отношения с чадской оппозицией, разделенной на ряд группировок по этническому признаку: Фронтом за перемены и согласие Чада (*FACT* – состоит преимущественно из клана Даза Горан), Союзом сил сопротивления (*UFR* – состоит преимущественно из клана Бидеят Загава), Военным командным советом по спасению республики и Национальным фронтом демократии и справедливости Чада (*CCSMR, FNDJT* – Креда Горан и арабы Чада), Союзом сил за демократию и справедливость (*UFDD* – Горан Анаказа)⁷.

1 Lounnas 2018.

2 Harchaoui 2019.

3 Лукьянов, Г. В. Как Хафтар и Макрон пиар делили // РСМД, 28 августа 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-khaftar-i-makron-piар-delili/> (дата обращения: 25.05.2023).

4 Chesnot, Malbrunot 2022.

5 « Trois membres de la DGSE morts en Libye, le gouvernement libyen proteste », *Le Monde*, July 20, 2016, accessed May 25, 2023, https://www.lemonde.fr/international/article/2016/07/20/trois-militaires-francais-tues-en-libye_4972142_3210.html.

6 « En Libye, le pari perdu de la France », *Le Monde*, June 26, 2020, accessed May 25, 2023, https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/06/26/en-libye-le-pari-perdu-de-la-france_6044218_3212.html.

7 Alexandre Bish, "Soldiers of Fortune: The Future of Chadian Fighters after the Libyan Ceasefire," *Global Initiative against Transnational Organized Crime*, December 3, 2021, accessed May 25, 2023, <https://globalinitiative.net/analysis/chadian-fighters-libyan-ceasefire/>.

С началом полномасштабных боевых действий в Ливии в 2014 г. обе противостоящие стороны начали привлекать чадских наемников: как индивидуально / мелкими группами, так и в составе оппозиционных структур. Так, ЛНА нанимала на службу в 2014–2016 гг. бойцов из *UFDD* и *CCSMR*, а впоследствии – из *FACT*¹. После раскола в *CCSMR*, из которого образовался *FACT*, *CCSMR* заключили альянс с бригадами Мисураты. Французы скептически относились к чадским и суданским наемникам в рядах ЛНА, однако предпочитали видеть Феццан в руках Х. Хафтара, чем под контролем исламских экстремистов или ливийских тубу или туарегов. В 2018–2019 гг. ЛНА при поддержке союзников из *FACT* установила контроль над большей частью Феццана. В ходе наступления на Триполи силы Х. Хафтара также активно задействовали наемников *FACT*. Однако после провала наступления чадские наемники оказались не нужны и стали активно конкурировать с местными игроками за контроль над потоками людей и контрабанды, проходившими через регион. Одновременно с этим *FACT* готовился к наступлению на правительственные войска в Чаде. В апреле 2021 г. началось наступление, в ходе которого силами *FACT* был убит президент Чада И. Деби. Убийство аффилированными с силами Х. Хафтара французского союзника в Чаде во многом символизировало неспособность Парижа справиться с трансграничными этническими процессами, спровоцированными интервенцией 2011 г. в Ливию.

Наконец, еще одним вызовом французским интересам в Сахеле из Феццана стало проникновение в Феццан других внерегиональных акторов, в первую очередь – России. Российские вооруженные формирования зашли в Феццан летом 2020 г., на месторождения Аш-Шарара и Эль-Филь². Стоит отметить, что Париж и Москва «сосуществовали» в Восточной Ливии с 2018 по 2020 гг.: ЛНА оказывали помощь и французские военные советники вместе с силами специальных операций, и российские частные военные компании. Однако увеличение роли российских ЧВК в 2020 г., когда именно они спасли фронт ЛНА от развала под Сиртом и Эль-Джуфрой, вкупе с их проникновением в Феццан начало восприниматься Парижем как непосредственная угроза интересам в Сахеле.

Угроза от российского присутствия в Феццане приобрела для Парижа стратегический характер с появлением российских ЧВК в Мали. В глазах французам, с учетом присутствия российских ЧВК в ЦАР и Судане, Феццан дает возможность выстроить полноценную систему военно-политического присутствия в Сахеле, т.к. открывает доступ к Чаду и Нигеру. Более того, часть французских аналитиков видела «российский след» в нападении *FACT* на И. Деби, несмотря на отсутствие подтверждающей информации³. Однако в целом проникновение Москвы в Чад и Нигер на фоне увеличивающегося антифранцузского ресентимента представляется экзистенциальным вызовом для Пятой республики. С учетом свертывания операции «Бархан» и уменьшения французских военно-политических возможностей в Сахеле для Парижа крайне важно ликвидировать угрозу, исходящую

1 Alexandre Bish, "Soldiers of Fortune."

2 « Le groupe paramilitaire russe Wagner s'étend dans le Sud libyen », Africa Intelligence, August 20, 2020, accessed May 25, 2023, <https://www.africaintelligence.fr/afrique-du-nord/2020/08/20/le-groupe-paramilitaire-russe-wagner-s-etend-dans-le-sud-libyen,109600800-art>.

3 « Une main étrangère dans l'assassinat d'Idriss Déby », Mondafrique, April 21, 2021, accessed May 25, 2023, <https://mondafrique.com/la-russie-de-poutine-dans-les-coulisses-de-l-assassinat-didriiss-deby/>.

с юго-запада Ливии, даже если ради этого придется поступиться интересами в самом ливийском конфликте. Именно поэтому для французов является приоритетным вывод ЧВК из Ливии.

Таким образом, Феццан становился плацдармом, откуда снова исходят источники разноплановых угроз французскому присутствию в Сахеле, начиная с 2011 г. Если сначала угрозу несли традиционные динамики ливийско-чадского и ливийско-нигерского приграничья, усугубленные распространением исламистских группировок, то в новом десятилетии угрозы начали представлять внерегиональные игроки (прежде всего – Россия и Турция), использующие Феццан для дальнейшего проникновения в Сахель. Однако, в отличие от ситуации в 1970–1980-е гг., французская политика оказалась по большей части неуспешной, особенно в части выбора партнера на театре военных действий в Ливии. Париж не предоставил ЛНА достаточной прямой военной поддержки, что вынуждало ЛНА полагаться на чадских и суданских наемников, а впоследствии – на российские ЧВК. В то же время Франция совершенно не задействовала контакты среди тубу и туарегов Ливии, что привело к использованию Феццана как операционной базы чадской оппозицией. Это, в свою очередь, отвлекало силы Нджамены, наиболее боеспособные из стран Сахельской пятерки, на борьбу с внутренним врагом вместо участия в антитеррористических операциях в приграничье Мали, Нигера и Буркина-Фасо в рамках объединенных сил *G5 Sahel*.

Заключение

Значение Феццана для политики Франции на ливийском направлении и в широком смысле – для политики в Сахельском регионе – определялось в первую очередь процессами в ливийско-чадском и ливийско-нигерском приграничье. Можно выделить три периода феццанской политики Парижа: имперский, постколониальный и современный.

На имперском этапе своей политики Франция столкнулась с мощным сопротивлением на востоке и севере Чада в ходе его покорения, координировавшимися ливийским орденом сенуситов со своих баз в Феццане и на юге Киренаики. Только начало итальянского покорения Ливии положило конец деятельности сенуситов в Сахеле. Однако как только Франция получила возможность закрепиться в Феццане после его завоевания в 1943 г., она тотчас ей воспользовалась. Феццан был фактически присоединен к колониальной империи, соединяя африканские владения с алжирскими департаментами. На территории Феццана Четвертая республика выстроила систему управления с опорой на местные племена. Контролируя регион, Франция не давала использовать Феццан в качестве операционной базы растущему алжирскому национально-освободительному движению. Париж имел долгосрочные планы на Феццан, рассчитывая даже протянуть нефтепровод через его территорию, но начавшаяся война за независимость Алжира положила конец этим планам. Однако после ее окончания Феццан не представлял угрозы французским интересам в построенной Ш. де Голлем неоколониальной системе присутствия в Африке.

На постколониальном этапе Феццан вновь приобрел критическое значение для Парижа с момента вмешательства Ливии в гражданскую войну в Чаде. После

провала своих панарабских проектов М. Каддафи стремился к созданию транссахарского арабского государства, включавшего в себя не только арабов, но и туарегов и загава, которых глава Джамахирии активно рекрутировал в Исламский легион. При этом активно налаживались связи с чадскими кланами тубу, которым предоставлялось ливийское гражданство. Франция была вынуждена начать военную операцию, чтобы не допустить поглощения Чада Ливией. Для успешного противостояния ливийскому влиянию Париж задействовал военные, дипломатические и политические средства, играя на противоречиях между М. Каддафи и аффилированными с ним оппозиционными чадскими группировками, в первую очередь состоявшими из тубу и загава. Экспансионистские устремления М. Каддафи и неумелое обращение с племенами севера Чада были в итоге использованы Парижем для того, чтобы выбить почву из-под ног ливийской армии в Чаде. Деликатная работа с племенами ливийско-чадского приграничья, тем самым, позволила Пятой республике одержать победу.

Однако повторить успех в контексте развернувшегося после 2011 г. ливийского кризиса Франция не смогла. На современном этапе, спровоцировав интервенцией в Джамахирии масштабный кризис, ставший катализатором кризиса в Сахеле, Париж был вынужден предпринимать действия по обеспечению безопасности Феццана. Регион использовался транснациональными исламскими экстремистами, преимущественно арабами и туарегами, которые к тому же активно взаимодействовали с транссахарским криминалом. В поисках локального партнера выбор французов пал на ЛНА, которую также поддерживали основные партнеры Парижа в арабском мире: ОАЭ и Египет. ЛНА удалось стабилизировать Феццан, но поскольку Париж не мог в открытую поддерживать армию Х. Хафтара, она была вынуждена опираться на чадских наемников, а впоследствии – на российские ЧВК.

Провальное наступление Хафтара на Триполи и спасение фронта российскими ЧВК значительно увеличили роль Москвы в Ливии, в частности в Феццане, где частные вооруженные формирования были замечены на нефтяных месторождениях. В то же время заключенное в августе 2020 г. перемирие сделало ненужными услуги чадских наемников, значительно увеличивших свое влияние в транссахарских криминальных цепочках. Феццан стал операционной базой для чадской оппозиции, позволил накопить ей ресурсы для вторжения в Чад в апреле 2021 г., что привело к смерти президента И. Деби и выходу Чада из антитеррористической кампании объединенных сил «Сахельской пятерки», сформированной при участии Франции. В то же время Россия, закрепившаяся в ЦАР и Мали, получила плацдарм для потенциального входа в Чад и Нигер, оплот французского присутствия в Сахеле.

Таким образом, Феццан представлял собой источник угроз для французских интересов во всем Сахеле и вынуждал активизировать политику на ливийском направлении каждый раз, когда появлялись акторы, способные играть на процессах в феццанском приграничье. Примечательно, что подобные акторы далеко не обязательно должны были быть государствами: пример ордена сенуситов и транснациональных исламистских организаций (Аль-Каиды и ИГИЛ) говорит об обратном. В обоих случаях Феццан выступал в качестве плацдарма, операционной базы военно-политической, экономической и пропагандистской активности, спонсировавшей масштабную антифранцузскую герилью.

Стоит отметить, что государственные акторы использовали феномен феэцанского приграничья с меньшим успехом, чем негосударственные. Одной из ключевых причин поражения М. Каддафи был разрыв отношений с тубу, ключевым этносом приграничья. Делать выводы о политике России в Феэцане на данный момент рано. Однако сам Париж не смог поставить процессы в Феэцане под свой контроль, положившись на ненадежного локального актора – ЛНА.

Сегодня Феэцан обладает стратегическим значением для французского присутствия в Сахеле и во многом определяет политику Парижа на ливийском направлении. В свете постепенного слома французской гегемонии в Сахеле и проникновения плеяды новых игроков в Ливию и Сахаро-Сахельский регион, в первую очередь – России и Турции, Феэцан может стать еще одной точкой противостояния великих держав в Африке, стремящихся использовать транснациональные процессы в сфере безопасности на континенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Adjel-Debbich, Sarah. "The Edjeleh-Gabès Pipeline Crisis: At the Heart of Maghreb Sovereignty Issues (1954–1962)." *L'Année Du Maghreb* 18 (2018): 129–148 [In French].
- Amhimmid, Salem Alsagheer. "Patterns of French Foreign Policy in the Fezzan 1943/1951." *Journal of Human Sciences of the University of Sebha* 20, no. 3 (2021): 15–22. <https://doi.org/10.51984/JOHS.V20I3.1492>. [In Arabic].
- Ashtiewi, Abdelnaser. "French National Assembly and the Question of Fezzan: From Colonialism to Evacuation 1943–1956." *Al-Mukhtar Journal of Social Science* 40, no. 3. (2022a): 660–681. <https://doi.org/10.54172/mjssc.v40i3.1127>. [In Arabic].
- Ashtiewi, Abdelnaser. "French Foreign Policy Regarding the Greater Sirte Region (Gulf of Sirte) from the End of the Second World War to 1952: Colonial Expansion or Politics of the Future?" *Research Journal of the University of Sirte* 20. (2022b): 368–384 [In Arabic].
- Bellair-Baudier, Renée. "The Fezzan." *L'Information Géographique* 13, no. 1 (1949): 5–10. <https://doi.org/10.3406/ingeo.1949.5416>. [In French]
- Bennafla, Karine. "Chad: the Arab-Islamic Siren Call." *Autrepart* 16 (2000): 67–86 [In French].
- Bensaad, Ali. "Power Struggles, Transnational Networks and Territorial Reconfigurations in Fezzan, Libya." *Maghreb-Machrek*, no. 2. (2019): 121–138. <https://doi.org/10.3917/machr.240.0121>. [In French].
- Bulhasen, Saifelnaser. Franco-Libyan relations. (*PhD diss., Université d'Auvergne Clermont-Ferrand I, France, 2000*). [In French].
- Buzan, Barry, and Ole Wæver. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>.
- Chesnot, Christian, and Georges Malbrunot. *The French Downgrading: Élysée, Quai d'Orsay, DGSE: Secrets of a Strategic War of Influence*. Neuilly-sur-Seine: Michel Lafon, 2022 [In French].
- Childs, Timothy Winston. *Italo-Turkish Diplomacy and the War over Libya, 1911–1912*. New York: E.J. Brill, 1990.
- Cocatre-Zilgien, André. "The Franco-Libyan Agreements." *Annuaire français de droit international* 2, no. 1 (1956): 242–254. <https://doi.org/10.3406/afdi.1956.1233> [In French].
- De Gaulle, Charles. *Memoirs of war*. Paris: Gallimard, 2020 [In French].
- Evans-Pritchard, Edward E. *The Sanusi of Cyrenaica*. London: ACLS, 1954.
- Frémeaux, Jacques. Africa in the shadow of swords, 1830–1930. (*PhD diss., Université Paul-Valéry Montpellier, France, 1999*). [In French].
- Genevois, Julien. "France and the Settlement of the Libyan Question. 1945–1949." *Cahier Thucydide* 13 (2013): 1–84 [In French].
- Graeff, Christian, and Clairet, Sophie. "Qaddafi, Libya and French Foreign Policy." *Diplomatie*, no. 5 (2003): 79–82 [In French].
- Harchaoui, Jalel. "France's Libyan Policy and Its Historical Antecedents." *Revue internationale et stratégique* 116, no. 4 (2019): 33–43. <https://doi.org/10.3917/ris.116.0033>. [In French].
- Harmon, Stephen Albert. *Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region: Corruption, Contraband, Jihad and the Mali War of 2012-2013*. The International Political Economy of New Regionalisms Series. Farnham, Surrey, UK ; Burlington, VT: Ashgate, 2014.
- Kelly, Saul. "Ce Fruit Savoureux Du Desert': Britain, France, and the Fezzan, 1941-56." *Maghreb Review* 26, no. 1. (2001): 2–21.
- Krüger, Laura-Theresa, and Bernhard Stahl. "The French Foreign Policy U-Turn in the Arab Spring – the Case of Tunisia." *Mediterranean Politics* 23, no. 2 (3 April 2018): 197–222. <https://doi.org/10.1080/13629395.2016.1253685>.
- Lounnas, Djallil. "The Links between Jihad Organizations and Illegal Trafficking in the Sahel." *MENARA Working papers*. (2018).
- Mouric, Nelly. "France's Chad policy under Valéry Giscard d'Estaing." *Politique africaine* 16 (1984): 86–101 [In French].

Otayek, René. "Libya Takes on France in Chad: Who Loses, Who Wins?" *Politique africaine* 16 (1984): 66–85 [In French].

Palmieri, Tommaso. A Comparative Study of Italian and French Military Administration in the Libyan Fezzan: A case of Colonial Continuity (1930–1951) (*PhD diss., Aix-Marseille Université, France, 2015*) [In French].

Powell, Nathaniel Kinsey. *France's Wars in Chad: Military Intervention and Decolonization in Africa*. African Studies Series. New York: Cambridge University Press, 2020.

Prunier, Gérard. Darfur: *The Ambiguous Genocide*. Crises in World Politics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

Romo-Navarrete, Maria. "A Franco-Libyan Face-off: From the French Fezzan to the Ratification of the Friendship Treaty (1951–1957)." *Outre-Mers. Revue d'histoire* 89, no. 336 (2002): 361–389. <https://doi.org/10.3406/outre.2002.3997>. [In French].

Sibguet, Ouelguelguet. "France and the Libyans of Chad during the Fezzan Crisis (April 1954–January

1955)." *Guerres Mondiales et Conflits Contemporains* 196 (1999): 37–51 [In French].

Triaud, Jean-Louis. *Chad 1900–1902: A Forgotten Franco-Libyan War. A Muslim Brotherhood, The Sanūsiyya Facing France*. Racines Du Présent. Paris: L'Harmattan, 1987 [In French].

Triaud, Jean-Louis. *The Black Legend of La Sanūsiyya: A Saharan Muslim Brotherhood Under French Eyes (1840–1930)*. Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1995 [In French].

Vernier, Bernard. "The Status of Fezzan." *Politique étrangère* 12, no. 2. (1947): 189–200 [In French].

Wannäs, al-Munşif, Pierre-Noël Denieuil, and Muḥammad Şaddām, eds. *A little-known story: Libyan-French relations in Fezzan from 1943 to 1956: a Libyan-French-Tunisian perspective*. Tunis: IRMC, Cérès éditions, 2012 [In French].

Wehrey, Frederic. *Insecurity and Governance Challenges in Southern Libya*. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2017.

Сведения об авторе

Александр Мартиросович Наджаров,
аналитик центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ,
115184, Москва, ул. Малая Ордынка, 17.
e-mail: anadzharov@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 27.04.2023.

Переработана: 27.05.2023.

Принята к публикации: 01.06.2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Наджаров, А.М. Значение региона Феццан в политике Франции
в Ливии и Сахеле // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 166–182.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-166-182>

The Role of the Fezzan Region in French Policy: Implications for Libya and the Sahel

ABSTRACT

For a hundred years, since the French colonization of Chad and Niger, the Libyan region of Fezzan has played a significant role in the French strategy in Africa. The determining factor in the importance of the region for the policy of Paris was played by the transnational processes of the Fezzan border. The ethnic proximity of Fezzan and the northern regions of the Sahelian countries catalyzed the Franco-Libyan clashes in Chad in the 1900s, when the colonialists faced the resistance of the Senussi order, which was suppressed only with the beginning of the Italian conquest of Libya. The desire of Paris to establish control over the region to ensure the security of its possessions in the Sahel and their connection with the Algerian departments formed the basis of its policy in the middle of the 20th century. The significant influence of the region on the Sahel after decolonization prevailed, most clearly manifested in the 1970s and 1980s, when the Libyan Arab Republic tried to use ethnic contradictions in Chad to establish its hegemony in the north of the country, which, in turn, led to a conflict with Paris, in which the Fifth Republic, thanks to skillful work with the tribes of the Libyan-Chadian borderlands. After the outbreak of the civil war in Libya in 2011, Fezzan regained its importance for French politics due to the emergence in the region of terrorist structures associated with transnational Sahelian crime, the Chadian opposition and the forces of other great powers. The article examines the patterns of the French strategy towards Fezzan, in particular the French security policy in the Fezzan borderlands. The study of the historical retrospective of French politics allows us to more thoroughly determine the motives and intentions of the strategy of the Fifth Republic in southwestern Libya at the present stage.

KEYWORDS

French foreign policy, Fezzan, civil war in Libya, Chad, instability in the Sahel, tuba, transnational processes, Senusites

Author

Alexander M. Nadzharov,

Analyst, Mediterranean Studies Centre, HSE

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 115184

e-mail: anadzharov@hse.ru

Additional information

Received: April 27, 2023. Revised: May 27, 2023. Accepted: June 01, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Nadzharov, Alexander M. "The Role of the Fezzan Region in French Policy: Implications for Libya and the Sahel." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 166–182.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-166-182>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, PИИЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трем направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б, Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.aks.ru

Международная аналитика. – 2023 – 14(2). – С. 1-182.

Подписано к печати: 26.07.23.

Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 200 экземпляров. Заказ 888.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаанных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.